Освоение Сибири в XVII веке

Николай Иванович Никитин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена истории Сибири в первое столетие ее освоения русскими людьми. В популярной форме рассказывает автор о землепроходцах, о пушном промысле, земледелии, промышленности, развитии культуры, о взаимоотношениях русских людей и народов, живших в Сибири до их прихода. На конкретных фактах показано прогрессивное значение вхождения Сибири в состав России.

Книга предназначена для учащихся средних и старших классов, всех интересующихся прошлым нашей страны.

- ВВЕДЕНИЕ
- СТРАНА СИБИРЬ
- ПЕРВЫЕ ШАГИ ЗА УРАЛ
- ПРИСОЕДИНЕНИЕ К РОССИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
- СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПУТИ «ЗА КАМЕНЬ»
- ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ КОЛОНИЗАЦИИ
- ВОЛЬНО-НАРОДНАЯ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КОЛОНИЗАЦИИ
- «МАНГАЗЕЯ» И «ЕНИСЕЯ»
- ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
- ОТ ЕНИСЕЯ К ЛЕНЕ И ТИХОМУ ОКЕАНУ
- ПОЛЯРНЫЕ МОРЕХОДЫ
- К БАЙКАЛУ И ПРИАМУРЬЮ. НА КАМЧАТКУ
- «ЗАВОЕВАНИЕ» ИЛИ «ПРИСОЕДИНЕНИЕ» СИБИРИ!
- ЛЕГКО ЛИ БЫЛО «ПОКОРЯТЬ СИБИРЬ»?
- ПОДВИГ ОТКРЫТИЙ
- «ГОРОДОВОЕ ДЕЛО»
- ПУШНОЙ И РЫБНЫЙ ПРОМЫСЛЫ
- СИБИРСКИЕ ТОРГИ
- ГОРОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СИБИРИ В XVII В
- СУДОСТРОЕНИЕ И ТРАНСПОРТ
- ДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СИБИРИ XVII В. ПОИСКИ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ И «ИНЫХ УГОД»
- СИБИРСКАЯ ПАШНЯ
- СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СИБИРИ
- СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
- ИТОГИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ В XVII В
- НОВАЯ «ГОСУДАРЕВА ВОТЧИНА» СИБИРЬ
- ЭКСПЛУАТАЦИЯ СИБИРИ ЦАРИЗМОМ В XVII В
- НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ
- ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И АБОРИГЕНЫ

- ОБОРОНА «СИБИРСКОЙ УКРАИНЫ»
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Русскому народу история отвела роль первопроходца. На протяжении многих сотен лет русские открывали новые земли, обживали их и преображали своим трудом, отстаивали с оружием в руках в борьбе с многочисленными врагами. В итоге русскими людьми были заселены и освоены огромные пространства, а некогда пустующие и дикие земли стали не только неотъемлемой частью нашей страны, но и ее важнейшими промышленными и сельскохозяйственными районами.

В конце XVI в. началось освоение русским народом Сибири. Оно открыло в истории нашей Родины одну из самых интересных и ярких страниц, наполненных примерами величайшей стойкости и мужества. «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх и риск океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки на мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана», — так представлялся выдающемуся русскому революционеру-демократу А. И. Герцену процесс первоначального освоения Сибири.

Сотни, а затем и тысячи людей пошли с конца XVI в. на восток — «ветречь солнца» — через горные хребты и непролазные болота, по дремучим лесам и необозримой тундре, пробираясь сквозь морские льды, преодолевая речные пороги. Неимоверно трудным было в то время продвижение по угрюмым просторам Северной Азии. За «Камнем» (так называли Урал) русских ждала дикая и суровая природа, встречи с редким, но воинственным населением. Весь путь до Тихого океана был усеян безвестными могилами первопроходцев и первопоселенцев. Но, несмотря ни на что, русские люди шли в Сибирь. Они раздвигали все дальше на восток пределы своего отечества и преображали упорным трудом пустынный и холодный край, налаживали взаимовыгодные связи с его коренным населением, выводя его из многовекового застоя и изоляции.

Это было стремительное, грандиозное по своим масштабам движение. Как упорные, неиссякаемые ручьи разлился по бескрайним сибирским просторам поток народной колонизации — заселения и освоения пустующих окраинных земель. Всего за полвека он пробился на побережье Тихого океана, а впоследствии вынес отважных первопроходцев и на Американский континент. За одно столетие они в три раза увеличили территорию России и заложили основу всему, что дает и будет давать нам Сибирь.

Северная Азия переживала в XVII в. суровое, сложное, но

вместе с тем яркое и героическое время. С тех пор осталось множество примеров ратной и трудовой доблести и множество неразгаданных тайн. Трудно понять смысл любой книги, не прочитав ее первых страниц. Важны для нас и первые страницы сибирской истории. В них истоки настоящего и будущего богатейшего, сурового, древнего и вместе с тем прекрасного и молодого края, приобретенного и преображенного, по словам М. В. Ломоносова, «неутомимыми трудами нашего народа».

Хорощо ли представляют себе начальный этап русской колонизации Сибири наши современники? Всегда ли сегодняшние сибиряки отдают себе отчет в том, что пользуются плодами трудов многих поколений своих предшественников? Увы, далеко не всегда. Известный советский писатель, коренной сибиряк В. П. Астафьев поделился недавно невеселыми воспоминаниями и размышлениями: «В 1957 г. я приехал на строительство Красноярской ГЭС… Там еще ничего не было: жить негде, народу много, «фронту» нет… Но меня потрясло то, что они приехали в Сибирь примерно с такими представлениями о ней: как будто до них здесь ничего и никого не было — с них вот все и произошло на этой земле. Меня все это больно задело».

Горькие и справедливые слова. Полное незнание истории той земли, по которой ходишь, в наши дни, к сожалению, стало очень распространенным явлением. И не в нем ли одна из причин пренебрежительного отношения многих людей не только к новым для них местам, но и к своей «малой родине»? Автор будет считать свою задачу выполненной, если хотя бы привлечет внимание читателя к сибирской истории, показав в общих чертах, как начиналась русская Сибирь и какой ее передали своим детям и внукам первопроходцы и первопоселенцы.

СТРАНА СИБИРЬ

Сибирью сейчас называют часть Азии площадью примерно в 10 млн. км², простирающуюся от Урала до горных хребтов Охотского побережья, от Северного Ледовитого океана до казахстанских и монгольских степей. Однако в XVII в. «сибирскими» считались еще более обширные территории, в них включали и дальневосточные, и уральские земли.

Вся эта гигантская страна, в 1,5 раза превышающая по размерам Европу, отличалась суровостью и вместе с тем удивительным разнообразием природных условий. Ее северную часть занимала пустынная тундра. Южнее, по основной территории Сибири, протянулись на тысячи километров бескрайние непроходимые леса, составлявшие знаменитую «тайгу», ставшую со временем величественным и грозным символом этого края. На юге Западной и частично Восточной Сибири леса постепенно переходят в засушливые степи, замыкающиеся цепью» гор и холмистых нагорий.

Западная Сибирь в основном представляет собой сильно заболоченную низменность. Восточная Сибирь, напротив, преимущественно горная страна с множеством высоких хребтов, с частыми выходами скальных пород; в XVII в. она производила наиболее сильное, даже жуткое впечатление на привыкшего к равнинной жизни русского человека. Все это раскинувшееся от Урала до Тихого океана пространство, разнообразное по ландшафтам и условиям жизни, пугало своей дикой красотой, подавляло величием и… манило богатством. Перед оказавшимся в Сибири русским человеком представали леса, наполненные пушными зверями, реки, немыслимо рыбные, луга, словно предназначенные для выпаса множества скота, прекрасные, но неиспользуемые пахотные угодья.

Что означает название «Сибирь»? О его происхождении высказывалось множество суждений. В настоящее время наиболее распространены две точки зрения. Одни ученые выводят слово «Сибирь» от монгольского «шибир» («лесная чаща») и полагают, что во времена Чингисхана монголы так называли пограничную с лесостепью часть тайги. Другие связывают слово «Сибирь» с именем «сабиров» или «сипыров» — народа, возможно, населявшего лесостепное Прииртышье. Как бы то ни было, но распространение названия «Сибирь» на всю территорию Северной Азии было связано с русским продвижением за Урал с конца XVI в.

Перейдя Урал, русские люди попали хотя и в

редконаселенную, но давно обитаемую страну. В Сибири в конце XVI — начале XVII в. проживали 200–220 тыс. человек. Население было более плотным на юге и чрезвычайно редким на севере. Тем не менее малочисленные, разбросанные по лесостепи, тайге и тундре сибирские народы имели свою древнюю и сложную историю, сильно различались по языку, хозяйственным занятиям и уровню общественного развития.

Прежде всего русские встретили уже знакомых им по европейскому Северу и Приуралью ненцев, которых вместе с энцами и нганасанами в то время называли «самоедами» или «самоядью». Когда-то слово «самоеды» ошибочно связывалось с людоедством (при буквальных переводах с русского). В настоящее время имеется несколько научных объяснений происхождения этого слова. Чаще всего его выводят из «самэ-емне», т. е. «земля саамов». Знакомы русским были и ханты и манси («остяки» и «вогулы»).

«Самоеды» кочевали по тундре от реки Мезени на западе до Хатанги на востоке. «Остяки» и «вогулы» жили на Среднем Урале до верховьев Печоры и притоков Камы, по нижнему течению Оби и Иртыша. Основным занятием «самоедов» было оленеводство, «остяков» и «вогулов» — рыболовство и охота (в южных районах они занимались также скотоводством и примитивным земледелием). «Самоедов» насчитывалось около 8 тыс. человек, остяков и вогулов —15–18 тыс.

По среднему течению Иртыша, в низовьях Тобола, Туры, Тавды, Исети, Ишима, по Таре и Оми расселялись тюркоязычные племена, которых русские называли татарами (их было 15–20 тыс. человек). В лесостепи и степи они жили кочевым скотоводством (разводили лошадей, коров, овец); в тайге много времени уделяли рыболовству и охоте. Некоторое развитие у сибирских татар получило пашенное земледелие.

По Оби выше хантов жили самодийские племена селькупов (около 3 тыс. человек). Их русские также называли «остяками», видимо, из-за близости к хантам по образу жизни и культуре. Далее вверх по Оби с ее притоками расселялись сильно различавшиеся по хозяйственным занятиям и быту тюркские племена — томские, чулымские и кузнецкие татары (5–6 тыс. человек), «белые калмыки» или телеуты (7–8 тыс. человек), енисейские киргизы с зависимыми от них племенами (8–9 тыс. человек) и др.

Главным занятием енисейских киргизов и племен южного Алтая было кочевое скотоводство, лишь некоторые из них были знакомы и с земледелием. В северных предгорьях Алтая жили, напротив, в основном оседлые племена и народы. Они

занимались охотой, сбором кедровых орехов и съедобных кореньев, мотыжным земледелием, а также «кузнечным промыслом». Он был особенно хорошо развит у кузнецких татар (нынешних шорцев): железными изделиями собственного производства (шлемами, кольчугами, копьями, саблями и т. п.) они не только торговали, но и платили дань.

К востоку и северо-востоку от них обитали кетоязычные племена (4–6 тыс. человек), которых на верхнем Енисее русские тоже называли «татарами» (это были котты, асаны, аринцы и др.), а на среднем Енисее — «остяками» (в их числе были инбаки, земшаки и др.). Кетоязычные «остяки», подобно своим соседям — селькупам, жили рыбной ловлей и охотой, а «татары» верхнего Енисея в условиях лесостепи занимались скотоводством, мотыжным земледелием, «кузнечным промыслом» (котты).

«Татарами» русские в то время называли также самодийские и тюркские племена Саянского нагорья — моторов, карагасов, качинцев, кайсотов и др. (их было около 2 тыс. человек). В лесостепи они пасли лошадей, овец, коров, имели небольшие посевы, в горах держали домашних оленей и охотились.

В Восточной Сибири удивительно большую территорию заняли тунгусские племена (эвенки и эвены): всего 30 тыс. человек расселились по всей таежной зоне от Енисея до Охотского моря. Эвенки были «оленными» (большинство) и «пешими», хотя основными занятиями тех и других оставались охота и рыболовство. Олени использовались ими как вьючные и верховые животные во время перекочевок и охоты. «Пешие тунгусы» обычно жили оседло и главным образом за счет рыбной ловли. В Прибайкалье, Забайкалье, Приамурье и монгольских степях встречались и «конные тунгусы»; это были скотоводы-кочевники.

По среднему течению Лены среди тайги когда-то возник островок лесостепи. Его заселили якуты — тюркоязычный народ, занимавшийся, в отличие от окружавших его охотников-тунгусов, разведением лошадей и крупного рогатого скота. Небольшая и также обособленная группа якутов разместилась и на верхней Яне. Позднее якуты расселились вдоль других рек Восточной Сибири — по Вилюю, Индигирке, Колыме. Там их основными занятиями становились уже оленеводство, охота, рыболовство. Всего якутов было около 28 тыс. человек.

Северо-восток Сибири от низовьев Анадыря до низовьев Лены занимали юкагирские племена (около 5 тыс. человек). Главным источником существования у них была охота (прежде всего на диких оленей). Наряду с «пешими» были и «оленные» юкагиры, воспринявшие образ жизни кочевников-тунгусов.

На севере Камчатского полуострова и на прилегающем к нему побережье Берингова и Охотского морей жили коряки (9 — 10 тыс. человек). На Чукотском полуострове (в основном во внутренней его части) и к западу от Колымы в районе реки Большой Чукочьей жили чукчи (предположительно 2,5 тыс. человек). Коряки и чукчи были «оленными», жившими кочевым оленеводством, и «пешими», промышлявшими на побережье морских животных — моржей, тюленей, китов. Тот же морской промысел был основным занятием у эскимосов (которых русские не отличали от чукчей). Примерно 4 тыс. их расселились в XVII в. по всей прибрежной полосе Чукотки.

На Камчатке обитало около 12 тыс. ительменов (камчадалов). У них главным продуктом питания являлась рыба.

Наиболее многочисленным народом на юге Восточной Сибири были буряты. Русские называли их «братскими людьми», или «братами». Бурят насчитывалось около 25 тыс. человек, и расселялись они в районе озера Байкал, а также к югу от него и к западу — по Ангаре и ее притокам, где среди тайги имелся еще один островок лесостепи. Основным занятием бурятских племен было кочевое скотоводство, но некоторые из них занимались земледелием в простейших его формах. Железоделательное ремесло, напротив, получило у бурят довольно высокое развитие.

На Амуре русские встретились с даурами и дючерами. Эти народы говорили на разных языках, но имели много общего в образе жизни — и прежде всего высокоразвитое земледелие и скотоводство. После суровых восточносибирских земель Приамурье показалось русским землепроходцам «райской землицей». Сравнительно мягкий климат создавал там условия не только для хлебопашества, но и садоводства (позволял выращивать фруктовые деревья и даже арбузы и дыни).

Совершенно иной хозяйственный уклад был у натков (предков нанайцев) и гиляков (нивхов), обитавших ниже по Амуру и на Сахалине. Их основным занятием были рыбная ловля и охота, причем гиляки — единственные в Приамурье — держали много ездовых собак.

На собаках в XVII в. ездили и в некоторых других районах: на Камчатке, Чукотке, побережье Охотского моря. В Западной Сибири ездовые собаки имелись у отдельных групп хантов и манси.

Охота и рыболовство являлись главными занятиями большинства сибирских племен, а как подсобный промысел встречались повсеместно. При этом особо важное значение в хозяйстве сибирских народов приобрела добыча пушнины. Ею торговали, платили дань; лишь в самых глухих уголках меха

использовали только для одежды. Сибирские народы отличались друг от друга уровнем общественного развития, но в целом все они сильно отставали и в экономике, и в культуре от населения как европейских, так и большинства расположенных южнее азиатских стран. Предки некоторых народов Сибири в далеком прошлом имели более высокие, чем в XVI–XVII вв., формы общественной организации и культуры. Их снижение произошло в результате опустошительных иноземных вторжений, губительных внутренних распрей, отсутствия устойчивых связей с центрами мировой цивилизации.

В конце XVI в. единственным сибирским народом, имевшим свою государственность, были татары «Кучумова царства», но раннеклассовые (раннефеодальные) отношения у некоторых народов уже сложились или активно складывались. Среди них были енисейские киргизы, телеуты, буряты, дауры, дючеры, многие якутские и ханты-мансийские племена. Однако абсолютное большинство коренного населения Сибири русские застали на различных ступенях родового строя. Самые отсталые формы общественной организации бытовали у народов, живших в труднодоступных районах северо-востока Сибири, — юкагиров, чукчей, эскимосов, коряков и ительменов. Там был настоящий каменный век. Железные изделия если туда и попадали, то лишь случайно: например, в результате многостепенного торгового обмена.

Древнейших обитателей Сибири ученые назвали палеоазиатами и выяснили, что некоторые из них (чукчи, коряки и, возможно, ительмены) родственны друг другу, а другие (юкагиры, гиляки и кеты) резко различаются по языку и с ними, и между собой. Все они — остатки некогда широко расселявшихся по Северной Азии племен, поглощенных и оттесненных в глухие районы народами, говорящими на алтайских и уральских языках.

Наиболее распространенными в Сибири к XVI–XVII вв. оказались алтайские языки. На них говорят тюркские (татары, якуты), монголоязычные (буряты, калмыки), тунгусоязычные народы. К уральской языковой семье принадлежат ханты, манси, самодийцы. Кетский язык резко отличается от всех языков Северной Азии; высказывалось мнение о его отдаленном родстве с тибето-бирманскими языками.

Вопросы языковой принадлежности и этногенеза (происхождения) сибирских народов являются чрезвычайно сложными, и в настоящее время они далеки от окончательного решения. Одни ученые, например, считают возможным относить юкагиров к уральской языковой семье, эскимосов — к палеоазиатам; другие не соглашаются с ними и т. д. Однако

совершенно определенно известно, что передвижение различных племен и народов по территории Сибири происходило постоянно и с незапамятных времен. Движение это шло главным образом с юга на север, в ходе его более развитые и сильные народы надвигались на древнейших обитателей, смешивались с ними и в итоге поглощали их. Так, предки «самоедов» когда-то двинулись вместе со стадами домашних оленей с Алтае-Саянского нагорья на северо-запад и расселились в бассейне Пура и Таза, оттеснив и частично поглотив древнейшее, видимо, родственное юкагирам население. Оно не смогло успешно противостоять и тунгусам, которые хотя и были, как юкагиры, в основном охотниками, но передвигались гораздо быстрее (верхом на оленях) и знали железо.

В свою очередь, часть тунгусских племен была оттеснена и поглощена скотоводами-якутами, которые проникли на Среднюю Лену, по-видимому, из Прибайкалья и затем быстро расселились по всем направлениям, вытесняя, подчиняя и поглощая юкагирское и тунгусское население тайги.

Происходили перемещения племен и в других направлениях. Например, ненцы расселялись по тундровой зоне на восток, оттесняя родственных им энцев. «Оленные» чукчи, двигаясь на юг и запад, теснили коряков и юкагиров.

Постепенно все больше ослабленных в этой борьбе племен и родов принимали язык и обычаи более сильных соседей, сливались с ними, утрачивая самобытность. Этот процесс называется ассимиляцией; он был обычным явлением как в дорусской, так позднее и в русской Сибири.

Более сильные сибирские племена и народы не только ассимилировали и оттесняли слабые, но и покоряли их с целью получения дани (ее называли в Сибири чаще всего «ясак», реже «албан» и т. д.). При этом завоеватели и покорители нередко сами являлись чьими-то данниками. Например, енисейские киргизы, телеуты, буряты имели зависимое от себя ясачное население («кыштымов»), но сами подчинялись монголам и калмыкам. Наконец, почти все сибирские народы, даже жившие в условиях родового строя, имели какое-то количество рабов, захваченных во время вооруженных столкновений с соседями.

Такие столкновения происходили очень часто. Сведения о них сохранились и в дошедших до нас древних преданиях сибирских народов, и в документальных свидетельствах русских первопроходцев, отмечавших в XVII в., что сибирские «иноземцы» постоянно «воюются меж собою», что у них «род на род войною ходят и дерутся».

Кровавые внутренние (межродовые) распри, истребитель<-

ные межплеменные войны, грабеж, оттеснение на худшие земли и ассимиляция одних народов другими — все это было обыденным в сибирской жизни с древнейших времен. Придя в Сибирь, русские не могли сразу остановить происходившие там события, явления и. процессы, резко изменить их. Но Российское государство быстро становилось в Сибири новой, активно действующей силой. Уже в XVII в. оно оказало решающее воздействие на весь ход исторического развития сибирских народов.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ЗА УРАЛ

С Сибирью русские люди впервые могли познакомиться на рубеже XI–XII веков. Во всяком случае, в летописях сохранились сведения, что новгородцы именно в это время ходили «за Югру и Самоедь» (т. е. проникли в Северное Зауралье). Доподлинно известно, что в XIV в. их боевые суда уже плавали в устье Оби.

В XV в. за Урал северным «чрезкаменным» путем не раз отправлялись и московские воеводы с ратными людьми. Самый крупный поход был ими предпринят в 1499 г. Четыре тысячи ратников отправились под предводительством Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Заболоцкого зимой в Югорскую землю на лыжах. Основная часть московского войска избрала самый короткий путь и, несмотря на вьюги и морозы, пошла" через «Камень» там, где горы достигали наибольшей высоты. С трудом пройдя их по одному из ущелий, русские ратники в течение зимы «взяли» в Югорской земле 42 укрепленных поселения, захватили в плен 58 «князцов» и на некоторое время заставили признать зависимость от Российского государства ханты-мансийское население низовьев Оби. Однако на этой территории из-за ее отдаленности и труднодоступности в XV–XVI вв. было невозможно создать базу для прочного закрепления за Уралом и дальнейшего продвижения в глубь Сибири.

Положение коренным образом изменилось после падения в 1552 г. Казанского ханства: перед русскими открылись более короткие и более удобные пути на восток по Каме и ее притокам (близко подходившим к западным притокам Тобола). Но здесь были свои трудности. Россия сразу же вошла в соприкосновение еще с одним осколком Золотой Орды — Сибирским ханством, подчинившим себе не только татарские, но и некоторые ханты-мансийские племена. В 1555 г. под впечатлением одержанных русскими войсками побед «Сибирский юрт» (так называли татары свое государство) признал вассальную зависимость от Москвы. Но в 1563 г. власть в нем захватил чингисид (потомок Чингисхана) Кучум, выходец из Бухары и ярый противник России. Из-за Урала на русские поселения стали совершаться опустошительные набеги.

В поход против Кучума отправился отряд волжских казаков (около 600 человек) во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем. Их позвали к себе «на службу» и помогли снарядить богатые камские солепромышленники и купцы Строгановы, земли которых страдали от набегов «сибирцев». Однако хорошо

вооруженные и закаленные в походах и боях вольные казаки повели себя как самостоятельная грозная сила. Покинув владения Строгановых на Каме, казаки двинулись на речных судах — стругах — вверх по рекам Чусовой, Серебрянке, с большим трудом преодолели по более мелким рекам и волокам Уральские горы, спустились по Тагилу в Туру, а затем в Тобол, разгромили основные силы Сибирского ханства и поздней осенью 1582 г. заняли его столицу Кашлык («град Сибирь», как называли его русские).

Подвиг «Ермаковых казаков» произвел ошеломляющее впечатление уже на их современников, а сам Ермак вскоре стал одним из самых любимых героев народных преданий, песен, былин. Причины этого понять нетрудно. Русские войска тогда терпели поражения в затянувшейся и разорительной Ливонской войне. Не только южные и восточные окраины, но и центральные районы страны подвергались опустошительным набегам крымцев и ногайцев. За десять лет до «взятия Сибири» крымские татары сожгли Москву. В памяти народной были еще свежи ужасы монголо-татарского ига. Помнил народ и об огромных трудностях, которые пришлось преодолеть возглавляемым самим царем войскам при взятии Казани. И вот еще целое татарское царство, державшее в страхе окрестные племена и народы, казавшееся таким могущественным и крепким, рухнуло — рассыпалось вдруг, и не в результате похода правительственных войск, а от дерзкого удара горстки казаков.

Но значение «Ермакова взятья» было шире его понимания современниками. Произошло событие огромной исторической важности. Как писал Карл Маркс, «последний монгольский царь Кучум… был разбит Ермаком» и этим «была заложена основа Азиатской России».

Дружина Ермака в Сибири неизменно одерживала победы, но быстро таяла, теряя людей в боях, от голода, морозов и болезней. В августе 1585 г. во время неожиданного нападения врагов погиб (утонул) и сам Ермак, заночевавший с небольшим отрядом на речном острове. Потеряв предводителя, оставшиеся в живых казаки (около 100 человек) спешно вернулись* «на Русь». Однако нанесенный Ермаком удар оказался для татарского царства Сибири смертельным. Будучи крайне непрочным, основанном на голом насилии и завоеваниях, оно быстро (и окончательно) распалось под ударами первых же отрядов царских войск, пошедших по проложенному Ермаком пути.

В 1585 г. в Сибирь прибыл сравнительно небольшой, но хорошо снаряженный отряд ратных людей под предводительством Ивана Мансурова. Они были посланы

правительством на помощь Ермаку и, не застав никого из его казаков, проплыли до устья Иртыша. Там их настигла зима. Служилые люди быстро «срубили» «городок», названный впоследствии Обским, где тут же были осаждены большим остяцким войском.

Сражение за городок длилось целый день, и лишь к вечеру с большим трудом отряду Мансурова удалось отбиться. Столь ожесточенный натиск остяков объяснялся просто: русские укрепились в так называемом Белогорье — крупном религиозном и политическом центре Западной Сибири, месте, где находилось одно из самых главных святилищ края. Обладание им значило в глазах окрестного населения очень много.

Потерпев неудачу при первом штурме, остяцкие «князцы» на следующий день прибегли к «помощи»" знаменитого «белогорского шайтана» — деревянного идола, пользовавшегося особым почитанием у ханты-мансийских племен. Это сразу же решило исход дела. На «шайтана» навели пушку, и меткий выстрел разнес его в куски. Осада была немедленно снята. Под впечатлением происшедшего часть местных жителей в знак покорности принесла ясак Мансурову, а представители шести «городков» по нижнему течению Оби и Северной Сосьве на следующий год отправились в Москву с просьбой о российском подданстве.

После того как Мансуров вернулся «на Русь», московское правительство поняло, что Сибирью не овладеть одним ударом, и перешло к иной, проверенной жизнью тактике. Было решено закрепляться на новых землях, строя города-крепости, а опираясь на них, продвигаться дальше, сооружая по мере надобности все новые и новые опорные пункты.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ К РОССИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В 1586 г. в Сибирь по приказу из Москвы был послан новый отряд — 300 человек. Во главе его встали воеводы Василий Сукин и Иван Мясной, а среди подчиненных им ратных людей «за Камнем» вновь оказались «Ермаковы казаки» — те, кто уцелел, кто вернулся из зауральского похода. Вскоре судьба разбросала их по сибирской земле, сделав активными участниками дальнейших событий.

Сукин и Мясной в 1586 г. построили на Туре крепость, давшую начало Тюмени — старейшему из ныне существующих сибирских городов. В 1587 г. русские ратники получили подкрепление и во главе с Данилой Чулковым двинулись дальше, построив недалеко от столицы Сибирского ханства другую крепость — будущий Тобольск.

В Кашлыке в это время обосновался Сейдяк — представитель соперничавшей и враждовавшей с Кучумом местной татарской династии. Чулкову удалось заманить к себе и захватить в плен нового претендента на сибирский престол, после чего Кашлык опустел и потерял прежнее значение, а Тобольск надолго стал главным городом Сибири.

Взятые русскими в плен представители татарской знати (включая Сейдяка) получали в Москве высокие чины и щедро жаловались «за службу». А между тем лишенный трона и поддержки большинства прежних подданных хан Кучум не думал складывать оружия. Он неизменно отвечал отказом на предложения стать зависимым от московского «государя» правителем (даже на условиях возвращения ему сибирского престола) и усиливал противодействие русским. Люди Кучума жестоко мстили татарскому населению за переход в подданство «белому царю» и однажды даже приблизились к Тобольску, убив там несколько человек.

С 90-х гг. XVI в. русское правительство перешло к более решительным действиям по присоединению зауральских земель. В 1591 г. отряд, состоявший из тобольских служилых людей и принявших российское подданство татар, во главе с воеводой Владимиром Кольцовым-Мосальским настиг войско Кучума на Ишиме и нанес ему сильное поражение у озера Чиликула.

В 1593 г. в северных русских уездах и Приуралье были специально сформированы войска, направленные против

Пелымского княжества — сильного вогульского объединения, которое активно поддерживало Кучума и наносило большой ущерб русским селениям в Приуралье. В* центре этого княжества на берегу Тавды служилыми людьми был построен город Пелым, вскоре, правда, потерявший военное значение.

Вслед за Пелымским утратило независимость расположенное рядом Кондинское княжество. Его подчинению помогли кодские ханты князя Игичея, жившие на Оби к югу от Северной Сосьвы и добровольно принявшие российское подданство. При их же содействии в 1593 г. в нижнем течении Северной Сосьвы в уже освоенном русскими и коми-зырянскими промысловиками районе отрядом служилых людей во главе с чердынским воеводой Никифором Траханиотовым был основан новый опорный пункт — город Берёзов.

На следующий год берёзовцы соединились в Обском городке с союзными кодскими хантами и русскими ратными людьми и построили во владениях «князца» Бардака, добровольно присягнувшего ранее московскому государю, город Сургут. Туда перевели гарнизон из ликвидированного по царскому приказу Обского городка. Затем с помощью все тех же кодских хантов к России были присоединены новые земли в низовьях Оби. Там в 1595 г. возник Обдорский (или Носовой) городок, из которого собирали ясак не только с «остяков», но и с окрестных «самоедов».

На юге Западной Сибири в это время царские воеводы продолжали теснить хана Кучума и его союзников. В 1594 г. был поставлен город на Среднем Иртыше. Он был назван Тара и в дальнейшем стал важным опорным пунктом в борьбе с враждебными России кочевыми феодалами. В 1595 г. тарские служилые, которыми командовал Борис Доможиров, нанесли еще одно поражение Кучуму. Однако он вновь ускользнул от победителей и вновь сеял смерть и разорение среди своих бывших подданных.

Вскоре к России была присоединена территория «Пегой орды». В русских документах так называлось объединение селькупов во главе с воинственно настроенным и, по-видимому, союзным Кучуму «князцом» Воней. В центре «Пегой орды» ратные люди построили крепость Нарым, а позднее неподалеку от нее Кетск. Это значительно ослабило позиции Кучума, который к тому времени подкочевал к владениям Вони, но уже не мог рассчитывать на совместное с ним выступление.

Окончательный разгром сибирского «царя» произошел в августе 1598 г. Объединенный русско-татарский отряд численностью 400 человек под предводительством воеводы

Андрея Воейкова вышел из Тары и после долгих поисков «сошёл» войско Кучума (500 человек) в Барабинской степи близ Оби. Ожесточенный бой продолжался полдня и закончился сокрушительным поражением кучумлян. Сам хан в разгар боя бежал с ближними людьми в небольшой лодке и скрылся. Покинутый всеми, нищий и больной, он вскоре погиб при не вполне ясных обстоятельствах. Удалось избежать гибели и плена нескольким сыновьям Кучума, но они не скоро смогли оправиться от удара и возобновить набеги на русские владения (это стало возможным позднее, когда «кучумовичи» нашли себе союзников среди калмыков).

Утверждение русских на средней и верхней Оби, полный разгром, а затем и смерть развенчанного сибирского «царя» произвели сильное впечатление на местных жителей и привели к важным последствиям. Имя старого, почти ослепшего и оглохшего, но еще сильного памятью о своих недобрых делах хана перестало страшить племена, входившие когда-то в «Кучумово царство». Некоторые из них искали могущественных покровителей или союзников в борьбе с более сильными соседями и, убедившись в силе Российского государства, стали связывать с ним свои надежды на защиту от разорительных набегов и примитивно-жестокой эксплуатации воинственными кочевыми феодалами юга Сибири.

Подчиниться российскому царю тут же изъявили желание чатские, а также барабинские и теренинские татары, жившие в бассейне реки Оми и дававшие раньше ясак Кучуму. «Князец» эуштинских (томских) татар Тоян отправился в Москву с просьбой построить на его земле русский город, «чтоб от киргизских людей… оборонить». Этот город (Томск) был поставлен в нижнем течении Томи (притока Оби) в 1604 г. отрядом, сформированным в Сургуте из русских служилых людей разных городов, кодских хантов и татар, и стал впоследствии одним из крупнейших административных и хозяйственных центров Сибири.

С просьбами «дать оборонь» от воинственных соседей к воеводам стали обращаться руководители некоторых других тюркских родо-племенных объединений, изъявляя готовность «служить» и давать ясак «белому царю». Московские власти обычно охотно шли навстречу подобным просьбам. В ответ на это «Томский город» и его уезд стали подвергаться частым нападениям «киргизских и иных орд многих людей», противившихся сокращению сферы своего господства и влияния.

В свою очередь, набеги кочевников побудили российское правительство соорудить на Томи еще один опорный пункт — на этот раз в верховьях реки. Так, в 1618 г. на земле кузнецких татар,

подчинявшихся враждебным России «князцам», появилась небольшая крепость — Кузнецкий острог. В дальнейшем он вырос, стал центром отдельного уезда, но вплоть до начала XVIII в. оставался крайним и самым отдаленным русским городом на юге Западной Сибири.

Постройка Кузнецка завершила первый этап присоединения Сибири к России. С ним связывают включение в состав Российского государства почти всех западносибирских земель и коренное изменение политической обстановки в Зауралье.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПУТИ «ЗА КАМЕНЬ»

В это же время шли энергичные поиски наиболее удобных путей «с Руси» в Сибирь и принимались серьезные меры к тому, чтобы сделать продвижение по ним по возможности более удобным и безопасным.

К началу XVII в. путей «за Камень» было выявлено немало, но редкие из них отвечали возросшим требованиям. Объем всякого рода перевозок резко возрастал с началом колонизации края, и то, что могло удовлетворить торговцев, промысловиков и отряды ратных людей, изредка наведывавшихся в Сибирь, не годилось для организации постоянного сообщения, для регулярной переброски большого количества людей и грузов.

Этой цели прежде всего не отвечали северные «чрезкаменные» пути, самые древние, проложенные в обход Казанского ханства задолго до присоединения Сибири. Они были труднодоступны и слишком удалены от экономически развитых районов Российского государства. По печорским путям (с выходом по восточным притокам Печоры на нижнюю Обь Собью или Северной Сосьвой) можно было отправить донесения, небольшие грузы (например, пушнину), но широко пользоваться ими могли лишь люди «торговые и промышленные».

Существовал и морской путь в Сибирь — «Мангазейский морской ход». Им ходили из Белого моря в устье реки Таз, в район, называемый «Мангазея». При этом полуостров Ямал суда обычно не огибали, а пересекали по рекам и волоку. Однако поддерживать постоянное сообщение с Сибирью морем было по силам лишь привычным к такого рода плаваниям поморам, к тому же только в очень короткий для русского Севера и Сибири период летней навигации.

Камские пути (по восточным притокам Камы) были в то время наиболее пригодны для налаживания регулярных связей с Сибирью. Но и среди них не сразу удалось выбрать самый удачный. Путь, по которому шли «Ермаковы казаки» (через Тагильский волок), в значительной части проходил по мелким и бурным рекам. Однако до 90-х гг. XVI в. ничего лучшего найдено не было, и основные перевозки осуществлялись по нему. В 1583 г. для его закрепления был даже поставлен Верхтагильский городок, простоявший семь лет, пока не был найден и освоен более удобный Чердынский путь. По нему с Вишеры перетаскивали суда

волоком в Лозьву, а из нее по Тавде и Тоболу можно было попасть как в Туру, так и в Иртыш. Эта дорога была объявлена главной, и в 1590 г. на ней был построен Лозьвенский городок. Но и он просуществовал недолго.

Посадский человек Артемий Бабинов отыскал и предложил властям более короткую и к тому же сухопутную дорогу: от Соликамска, минуя Лозьву, прямо на Туру. Эта дорога (названная Бабиновской) до конца XVII в. и стала главным и единственным официально разрешенным путем в Сибирь. Лозьвенский городок по приказу Москвы был срыт, а его жителей перевели в Верхотурье, построенное в 1598 г. и ставшее главными воротами в Зауралье.

В 1600 г. для лучшего обеспечения перевозок на полпути между Верхотурьем и Тюменью был выстроен еще один город — Туринск (его долгое время называли также Епанчин).

В Тюмень «с Руси» можно было добраться и по старой Казанской дороге. Она, правда, проходила через степи и потому была довольно опасной — из-за угрозы неожиданного нападения кочевников. В 1586 г. на этой дороге русскими был построен город (Уфа), и впоследствии ее стали использовать в особых случаях — для срочной переброски войск, посылки гонцов и т. д.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ КОЛОНИЗАЦИИ

Казаки Ермака проложили дорогу на сибирский простор наиболее энергичным и предприимчивым представителям русского народа. Трудовой люд увидел «за Камнем» возможность избавиться от гнета и нужды и поспешил этой возможностью воспользоваться.

«Словно брешь пробил Ермак в стене, сдерживавшей напор колоссальных, пробудившихся в народе сил, — хлынули в Сибирь ватаги жаждущих свободы, суровых, но бесконечно выносливых и безудержно смелых людей», — так охарактеризовал развернувшиеся за Уралом с конца XVI в. события советский писатель Игорь Забелин.

Какие же силы заставляли сотни и тысячи людей оставлять свои дома и отправляться «встречь солнца» все дальше и дальше? В чем причины упорного продвижения русских на восток? Почему оно приобрело широкий размах именно с конца XVI столетия? Наука в настоящее время не располагает исчерпывающими ответами на эти вопросы, но выясненного уже достаточно, чтобы нарисовать ясную в общих чертах картину.

Начало освоения русскими людьми Сибири пришлось на конец XVI в. не случайно. До XVI в. особо ценную пушнину Русскому государству в основном давали печорские и пермские земли, но к середине столетия они заметно «испромышлились». В то же время спрос на дорогие меха увеличился, особенно за границей. Русский соболь издавна высоко ценился во многих европейских и азиатских странах. С середины XVI в. возможности выгодной продажи пушнины резко возросли, так как были установлены прямые торговые связи с Западной Европой через Белое море, а на короткий период — и через Балтийское, а включение в состав России всего волжского пути (после падения Казанского и Астраханского ханств) дало возможность вывозить русские товары непосредственно в страны Востока.

Понятно, что в таких условиях Сибирь с ее, казалось, неисчислимыми пушными богатствами стала привлекать к себе особое внимание. «Соболиные места» интересовали прежде всего людей «торговых и промышленных». Но кровно заинтересованным в сибирской «мягкой рухляди» (так на Руси называли меха) было и крепнувшее государство. Его расходы увеличивались вместе с возрастанием его мощи, но новые источники пополнения казны отыскивались с трудом. Природно-географические условия «проведанных» Ермаком мест позволяли закрепиться в Сибири надежно — построить города с постоянным

населением, завести для него пашню и т. д. И правители России, так же как и народные низы, не могли не использовать открывшиеся им после похода Ермака возможности для продвижения в Зауралье.

Состав первых переселенцев был поэтому довольно пестрым. Кроме промысловиков («промышленных людей», на языке того времени), добровольно, «своею охотою» отправлявшихся «за Камень», в Сибирь по царскому указу шли служилые люди — казаки, стрельцы, пушкари. Они длительное время составляли на «сибирской украйне», как и на многих других «украинных» (т. е. окраинных) землях России XVI–XVII веков большинство постоянного русского населения.

Но московское правительство отправляло за Урал не только ратных людей; оно, видимо, понимало, что Сибирь может иметь большое значение для будущего России. В то время по Европе ходили упорные слухи о близости к восточным пределам «Московии» границ Индии и Китая, и русские государственные деятели не могли оставаться к ним равнодушными: прямая торговля с этими странами принесла бы огромный доход казне. «За Камнем» надеялись найти месторождения драгоценных металлов (золота, серебра), которые еще не были найдены в России, но требовалось их все больше и больше, как и других полезных ископаемых. Московское правительство стремилось поэтому не только к присвоению пушных богатств Сибири, но и к прочному закреплению на ее просторах. В Москве менялись правители и даже царские династии, но освоение сибирских земель неизменно рассматривалось в российской столице как задача первостепенной государственной важности.

По «государеву указу» в сибирские города уже с конца XVI в. вместе со служилыми людьми переводились «пашенные крестьяне». Своим трудом они должны были помочь обеспечению «новой государевой вотчины» продовольствием. Отправлялись за Урал и казенные ремесленники — прежде всего кузнецы, нередко являвшиеся одновременно и рудознатцами.

Параллельно с задачей освоения Сибири царское правительство пыталось решить другую — избавиться от всякого рода беспокойного, ненадежного в политическом отношении люда, по крайней мере, удалить его из центра государства. В сибирские города стали охотно ссылать («в службу», «в посад» и «в пашню») уголовных преступников (часто вместо смертной казни), участников народных восстаний, «иноземцев» из числа военнопленных. Ссыльные составили заметную часть оказавшихся за Уралом переселенцев, особенно в наименее благоприятных для жизни (а потому и наименее заселенных) районах. В документах

тех лет нередки упоминания о «немцах» (так в XVI–XVII вв. называли почти всех выходцев из западноевропейских стран), «литве» (выходцах из Речи Посполитой — прежде всего белорусах, затем украинцах, поляках, литовцах и т. д.), «черкасах» (ими обычно называли украинских казаков-запорожцев). Почти все они в Сибири обрусели, слившись с основной массой пришлого населения.

Но «иноземцы» встречались и среди вольных переселенцев. Российское государство с самого своего начала сложилось как многонациональное, и естественно, что переселенческая волна увлекла за собой и населявшие его нерусские народы. Из них в XVII в. больше всего за Урал попадало коми (зырян и пермяков): многие из них познакомились с Сибирью задолго до ее присоединения к России, наведываясь туда для торговли и промыслов. Со временем в Сибири оказалось немало поволжских (казанских) татар, других народов Среднего Поволжья и Прикамья.

Нерусские народы Европейской России влекло «за Камень» то же, что заставляло сниматься с места русских переселенцев. Массы «черного» люда постоянно стремились к лучшим условиям хозяйствования, но условия эти в России того времени давали слишком многим основания для недовольства.

Начало освоения Сибири пришлось на время «великого разоренья» страны из-за Ливонской войны и опричнины, голода, «смуты» и польско-шведской интервенции. Но и позднее, в течение всего «бунташного» XVII в., положение народных масс было тяжелым: возрастали налоги, усиливался феодальный гнет и все прочнее утверждалось крепостничество. Избавиться от угнетения всякого рода люди надеялись на новых землях.

Из ищущих лучшей доли и состоял основной поток вольных переселенцев. С течением времени он все более нарастал и постепенно превысил число тех, кто направлялся в Сибирь не по своей воле. Именно он в конечном итоге привел к ее прочному вхождению в состав Российского государства.

ВОЛЬНО-НАРОДНАЯ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КОЛОНИЗАЦИИ

В исторической литературе еще можно встретить противопоставление вольно-народной колонизации Сибири в XVII в. колонизации правительственной, споры о том, какая из них сыграла большую, а какая меньшую роль в освоении края. Однако изучение всей совокупности сохранившихся от той эпохи документальных материалов убеждает, что такое противопоставление не имеет под собой оснований.

Вольно-народная колонизация проявлялась в добровольном и стихийном, т. е. никем специально не организованном, заселении края. Правительственная колонизация осуществлялась также силами простого народа с той лишь разницей, что почин и руководство в проведении тех или иных мероприятий по освоению новых земель (строительство городов, перевод в них людей «на житье», устройство казенной запашки, прокладка дорог и т. п.) принадлежали царской администрации — воеводам, их помощникам, стрелецким и казачьим начальникам и др.

Политика правительства оказывала в то время сильное воздействие на направление и ход колонизации — либо сдерживала, либо ускоряла ее, влияла на плотность заселения различных районов.

Сейчас все больше ученых разделяют мнение о тесном переплетении государственного и вольно-народного начал в освоении Сибири. Каждая из сторон — вольные переселенцы и представители государственной власти — имела в Сибири свои интересы, далеко не всегда и не во всем совпадавшие, но вольно или невольно все они за Уралом делали общее дело и были заинтересованы друг в друге. В одних районах в какой-то отрезок времени преобладала правительственная, в других — вольно-народная колонизация, однако в чистом виде оба колонизационных потока встречались в Сибири редко и чаще всего тесно взаимодействовали, сливались друг с другом.

Строится новый город — и под защиту его стен собирается не только переведенное «по указу», но и вольное население (вначале обычно «промышленные люди»). Из вольных переселенцев местный воевода черпает пополнение для гарнизона, они же обживают окрестности, «проведывают» пути дальше на восток, содействуют присоединению «проведанных» земель, где, в свою

очередь, по указу московского государя служилые люди ставят новый город, организуют ясачный (с коренных жителей), таможенный (с торговых и промышленных людей) и прочий налоговый сбор, заводят казенную и собственную пашню, проводят иные, в том числе оборонные мероприятия, немыслимые без помощи со стороны пришлых вольных людей, но укрепляющие в новом крае прежде всего позиции государственной власти.

Некоторые из мер по освоению Сибири не вписываются целиком ни в понятие вольной, ни в понятие правительственной колонизации (их можно назвать смешанными). К ним, например, относится перевод «по государеву указу» из Европейской России в Сибирь служилых людей, набранных для этой цели на добровольных началах. А к какой из форм колонизации отнести действия сибирских стрельцов и казаков (т. е. исполнителей воли правительства) и промысловиков (людей вольных), которые, объединившись, вместе проведывали и по собственному почину приводили в российское подданство отдельные группы коренного населения? Как в связи с формами колонизации определить суть торгово-промышленной деятельности «государевых служилых людей», которая нередко не только велась помимо воли правительства, но и запрещалась им (например, пушная торговля)? Как в той же связи расценить участие добровольцев из вольного торгово-промышленного населения в военных экспедициях, организованных по указу представителей царских властей? Можно привести немало подобных же вопросов-примеров, но суть их в одном — в тесном переплетении, в неразрывном единстве правительственной и вольно-народной колонизации.

Важно отметить, что все формы русской колонизации Сибири в XVII в. основывались главным образом на переселении жителей северорусских, так называемых черносошных уездов — таких, где почти не было боярского и помещичьего землевладения, а большинство крестьян несли повинности непосредственно в пользу государства. В северных городах — Вологде, Великом Устюге, Холмогорах, Каргополе и др. — прежде всего набирали ратных людей для службы в Сибири. В основном из северорусских уездов отправляли за Урал на вечное житье» и первых крестьянских поселенцев. Поток вольных переселенцев в Сибирь также главным образом состоял из северорусских крестьян и посадских. Из других районов Российского государства в XVII в. чаще всего за «Камень» шли жители Среднего Поволжья, остальная же территория страны если и давала Сибири людей, то почти исключительно в качестве ссыльных.

То, что первоначально Сибирь заселялась главным образом из не знавшего дворянского и боярского гнета черносошного Севера, может на первый взгляд показаться непонятным. Получается, что в XVII в. за Урал в поисках лучшей доли уходили не самые угнетенные и закрепощенные, а наоборот, самые свободные слои трудового населения России. Но тем не менее это твердо установленный факт, и ему уже давно даны вполне убедительные объяснения.

Исследователи указывают на давнее (задолго до Ермака) знакомство северорусских промышленников с Зауральем, на широкое распространение и сильное развитие на Севере пушного промысла (а пушнина долго считалась главным богатством Сибири), на высокий уровень хозяйственного развития северусских земель, достигнутый в немалой степени благодаря отсутствию грубой феодальной эксплуатации. Вместе с тем историками отмечается усиление в XVII в. налогового гнета на Севере, а также возникновение там относительной земельной тесноты из-за роста населения. Нельзя не учитывать и географическую близость русского Севера к Сибири, сходство их природно-климатических условий, и то, наконец, что особенностью вольной крестьянской колонизации является ее, как правило, «ступенчатый», «ползучий» характер.

Крестьяне обычно переселялись не сразу на большие расстояния, а двигались на новые земли как бы поэтапно: вначале оседали в ближайшей местности, обживали ее, затем отправлялись (пусть и не все) осваивать новые районы и т. д. Выгода от такого способа заселения окраин очевидна: он избавлял семейства переселенцев от долгих и изнурительных переходов, а главное — позволял крестьянам не отрываться надолго от полевых работ и тем самым постоянно обеспечивать себя продовольствием. Именно поэтому жители центральных районов страны обычно переселялись на юг — в «Дикое поле», а северорусские крестьяне — на более близкий и более привычный им по климату восток.

Среди переселенцев было немало беглых, т. е. тех, кто оставил прежнее место жительства, не получив на это разрешения властей (а оно на Севере, как правило, давалось, если за ушедшего кто-то соглашался платить налоги и нести повинности). В старых трудах по истории нередко можно прочитать, что Сибирь в XVII в. стала пристанищем беглого люда. Однако исследования последних лет не подтвердили мнения о решительном преобладании среди переселенцев беглых. Оформленный на законных основаниях уход в Сибирь, как выяснил советский историк А. А. Преображенский, был обычным

явлением на русском Севере XVII в., почти не знавщем, повторяем, ни крепостного права, ни помещичьего землевладения. Это, в свою очередь, дополнительно благоприятствовало тому, что переселенческое движение за Урал шло наиболее сильно именно из северусских земель.

«МАНГАЗЕЯ» И «ЕНИСЕЯ»

Второй этап в присоединении Сибири начался с выходом русских на Енисей. Правда, когда историки пишут об этом, то имеют в виду в основном южную часть Енисейского бассейна. Северную его часть промышленники начали осваивать, как и низовья Оби, еще до присоединения Западной Сибири к Русскому государству — сразу же после открытия реки Таз. Примыкавший к Тазу район — «Мангазея» — был хорошо известен в России уже в 70-х гг. XVI в. (Первоначально этот район русскими назывался «Молгонзеи»; его наименование, видимо, восходит к коми-зырянскому «молгон» — «крайний», «конечный» — и обозначает «окраинный народ».) В это же время появились в документах первые упоминания о «Тунгусии» (тунгусы жили за Енисеем). До англичан и голландцев сведения об экспедициях русских поморов на Енисей дошли в 80 — 90-е гг. XVI в.

С Таза волоком можно было перебраться в Туруханн, а по нему выплыть в Енисей. Далее открывался путь к Таймыру, на Нижнюю Тунгуску и другие реки Восточной Сибири. Ее освоение' русскими, таким образом, началось с северных районов и также было связано с «Мангазеей», где создали свою опорную базу русские и коми-зырянские промышленники. К концу XVI в. они столь основательно освоились в «Мангазее», что построили там свои городки, наладили оживленную торговлю с местными жителями, а часть их даже подчинили и, как позднее выяснилось, «дань с них имали… на себя».

По законам того времени это считалось «воровством», т. е. государственным преступлением. И, узнав о положении дел в бассейне Таза, московское правительство решило поставить под свой контроль мангазейские земли. В 1600 г. туда направляются воеводы Мирон Шаховской и Данила Хрипунов с отрядом в 150 человек. Но они не выполнили возложенную на них задачу. В Обской губе их суда затерло льдами; Служилые двинулись далее «сухим путем» на оленях и подверглись нападению сопровождавших их местных жителей. Его, по-видимому, организовали хозяйничавшие в «Мангазее» торговые и промышленные люди, стремившиеся избежать контроля со стороны центральной власти. Отряд Шаховского и Хрипунова понес большие потери (30 человек только убитыми), но все же достиг Таза, занял и укрепил там один из построенных промышленниками близ полярного круга городков. Однако лишь

новый, более крупный отряд правительственных войск полностью овладел положением в Мангазейском крае.

В 1601 г. воеводы Василий Мосальский и Савлук Пушкин сменили Шаховского и Хрипунова и завершили начатую ими работу по строительству города (названного впоследствии Мангазеей), организовали сбор таможенных пошлин с торговцев и промышленников и сбор ясака в «государеву казну» с окрестного самодийского населения.

Вскоре контролируемая царскими воеводами территория расширилась до Енисея. В 1607 г. там были построены зимовья — Туруханское (в устье реки Турухан) и Инбатское (недалеко от впадения в Енисей Елогуя). Они стали новыми центрами ясачного сбора и новыми опорными пунктами для продвижения на восток. Поток драгоценных мехов хлынул в царскую казну. Мангазею стали называть «златокипящей государевой вотчиной». Построенная за Полярным кругом крепость, как показали археологические раскопки, очень быстро выросла в один из самых крупных и красивых городов Сибири. Мангазейский уезд вообще надолго превратился в большую перевалочную базу для отправлявшихся в глубь Северной Азии экспедиций, как промысловых, так и военных.

Эту роль Мангазея сохранила и после 1620 г., когда правительство запретило под страхом смертной казни «мангазейский морской ход». Таким способом оно решило пресечь упорные попытки западноевропейских мореплавателей освоить путь на Обь и Енисей (они пытались это сделать с помощью русских поморов). Недовольна была Москва и беспошлинным провозом «на Русь» сибирской пушнины из-за сложности с организацией таможенных застав на этом пути. После запрета «морского хода» промышленники стали больше пользоваться для поездок в «Мангазею и Енисею» давно известным им северным «чрезкаменным» путем, а также официальной дорогой через Верхотурье.

Территория Мангазейского уезда непрерывно расширялась и в основном оформилась лишь к середине 30-х гг. XVII в. Тогда в число российских подданных вошло большинство племен не только по Тазу и Туруханy, но и по нижнему, среднему Енисею, Нижней и Подкаменной Тунгусках, Таймыру. Приводить их «под высокую государеву руку» служилым людям активно помогали останавливавшиеся в Мангазее промышленники.

Но в те же 30-е гг. начался и упадок Мангазеи. Причиной тому явилось «испро мышление» соболя в бассейне реки Таз (основные районы пушного промысла находились уже восточнее), а также освоение более удобных путей на север Сибири по Енисею

и как следствие этого — сокращение перевозок по бурной и опасной Обской губе. Преемником Мангазеи стал Туруханск; его так и называли — «Новая Мангазея».

Южные пути из Западной Сибири в Восточную были проложены по притокам средней Оби, и в первую очередь по Кети. В 1618 г. в ее верховьях, несмотря на сильное противодействие тунгусов, был построен Маковский острожек. Он охранял волок с Кети на Енисей, однако одной крепости для обеспечения безопасного перехода оказалось недостаточно и с противоположной стороны волока в 1619 г. был сооружен еще один острог, названный Енисейским и ставший впоследствии крупнейшим административным и хозяйственным центром Восточной Сибири, длительное время определявшим основные пути ее освоения.

Вслед за основанием Енисейска в Москву стали поступать сообщения о частых «приходах» на новые русские владения ¦воинских людей» с верховьев Енисея. Сибирские воеводы писали царю, что без сооружения на пути враждебных «орд» новой крепости «государевых ясачных людей, которые платят в Енисейский острог ясак, уберечь… не мочно». В этом районе русские встретили ожесточенное сопротивление киргизских, «колмацких» и бурятских «князцов», не желавших уступать «белому царю» своих данников, сознававших свою силу и потому настроенных очень воинственно.

В сибирских городах для службы на верхнем Енисее специально набрали отряд в 300 человек. Он двинулся в поход во главе с Андреем Дубенским с целью присоединения Аринской и Качинской «землиц» и противодействия враждебным «ордам». Так в 1628 г. был основан Красноярск — город, остававшийся главным оплотом России на верхнем Енисее вплоть до начала XVIII в.

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

От Енисея в глубь Восточной Сибири русские продвигались стремительно. Это движение по-прежнему сильно замедлялось лишь по мере приближения к степной полосе, населенной сильными и воинственными кочевыми племенами, но в восточном и северном направлениях оно пошло с невероятной быстротой. Необычными были не только темпы продвижения: сам процесс присоединения восточносибирских земель отличался большим своеобразием.

Если для Западной Сибири московское правительство тщательно разрабатывало план присоединения той или иной «землицы» и для его осуществления нередко посылало войска непосредственно из Европейской России, то в Восточной Сибири действовать такими методами становилось трудно, а потом и вовсе невозможно. Слишком далеко оказывались русские отряды от «Руси», слишком велики были размеры открывавшегося перед землепроходцами края, слишком редким и разбросанным по нему было коренное население. И по мере углубления в восточносибирскую тайгу местная администрация получала все больше власти, а вместо подробнейших инструкций у воевод все чаще оказывались предписания поступать «смотря по тамошнему делу». Управление на местах становилось более гибким и быстрым, однако представители сибирской администрации теперь часто теряли согласованность действий. Движение на восток становилось не только более стремительным, но и более стихийным, нередко просто хаотичным.

В поисках еще не объясаченных и богатых соболем «землиц» небольшие (иногда в несколько человек) отряды служилых и промышленных людей, опережая друг друга, — преодолевали за короткий срок огромные расстояния. Они проникали на никому, кроме местных жителей, не известные реки, в «дальние, от века не слыханные земли», ставили там наскоро укрепленные зимовья, «приводили под высокую государеву руку» встреченные на пути племена и народы, воевали и торговали с ними, брали ясак и сами промышляли соболя, весной после вскрытия рек отправлялись дальше, действуя, как правило, на свой страх и риск, но всегда от имени «государя». В таких походах они проводили годы, а когда, изнуренные выпавшими на их долю невзгодами, возвращались в свои города и остроги, то будоражили других рассказами о сделанных открытиях, часто

добавляя к увиденному полученные от коренных жителей и совершенно невероятные сведения о богатствах «землиц», еще не «проведанных». Дух предпринимательства разгорался с новой силой. По следам первопроходцев отправлялись новые экспедиции и, в свою очередь, находили неясачные и богатые соболем земли.

Отряды землепроходцев часто представляли собой объединения служилых и промышленных людей. Во время совместных походов, писал известный дореволюционный историк Н. И. Костомаров, «промышленники и торговые люди были товарищами служилых людей в их изумительных подвигах открытия новых землиц и вместе с ними выдерживали героическую борьбу с ужасною стужею… и дикими народами». Однако нередко такие отряды соперничали и враждовали друг с другом. Тем не менее все они в конце концов раздвигали пределы известного им мира и увеличивали число подвластных российскому царю земель и народов.

Продвижение на восток в 20 — 40-е гг. приобрело столь большой размах, что вскоре пошло более быстрыми темпами, чем промысловое освоение края. Добывавшие соболя промышленники задерживались на «проведанных» землях, в то время как служилые люди продвигались все дальше. Однако и действия казаков и стрельцов постепенно попадали под контроль правительственной администрации. Во время походов она, правда, сильно не сковывала волю служилых. Подобно казакам Дона или Яика, «государевы служилые люди» в Сибири нередко сами решали, собравшись «на круг», многие важные вопросы и, например, могли «по приговору всего товарищества», «всего войска» изменить маршрут похода и его цели. Власти считались с бытовавшими в служилой среде порядками, заносимыми в Сибирь вольными казаками еще с «Ермакова взятья», но при всем этом в организации военных экспедиций играли важную роль. Администрация снабжала (пусть не всегда и не полностью) «поднимавшихся» в поход служилых оружием, боеприпасами, продовольствием, а после завершения похода, памятуя о наградах и продвижении по службе, стремилась «учинить государю многую прибыль» закреплением достигнутых результатов: строительством и заселением новых острогов, организацией местного управления, ясачного и таможенного сбора, казенной пашни, связи и т. п.

ОТ ЕНИСЕЯ К ЛЕНЕ И ТИХОМУ ОКЕАНУ

Движение землепроходцев на восток от Енисея шло двумя основными, часто смыкавшимися потоками — северным (через Мангазею) и южным (через Енисейск).

В Мангазее уже в 1621 г. от живших по Нижней Тунгуске эвенков-буляшей были получены смутные сведения о «большой реке» Лене. К 20-м гг. относится и предание об удивительном путешествии на эту реку промышленного человека Ленды (или Пянды). По мнению историков, он совершил выдающийся географический подвиг. Во главе отряда в 40 человек Пенда в течение трех лет, преодолевая противодействие эвенков, пробирался вверх по Нижней Тунгуске, на четвертый год по Чечуйскому волоку достиг Лены, проплыл вниз по ее течению до места, где в будущем возник Якутск, вернулся в верховья Лены, бурятской степью перешел на Ангару, а затем по уже знакомому русским Енисею добрался до Туруханска. Известие об этом походе может показаться фантастическим из-за его дальности и длительности, но оно подтверждается отдельными документальными записями, в том числе и названиями основанных на этом пути зимовий (Верхне-Пяндинского и Нижне-Пяндинского), надолго переживших своего основателя.

Однако и грандиозный поход Пенды, и менее значительные по результатам промысловые экспедиции явились лишь разведкой «неведомых землиц». Начало же их присоединению было положено в 1629 г. отрядом тобольских, берёзовских и мангазейских служилых, отправленных во главе с Самсоном Навацким на Нижнюю Тунгуску. Посланная от этого отряда группа в 30 человек во главе с Антоном Добрынским и Мартыном Васильевым перешла с этой реки на Чону, по ней проникла на Вилюй, а по нему — на Лену и Алдан. Не будучи подготовленными к столь длительному и дальнему походу, служилые, судя по их письмам-челобитным, претерпевали величайшие трудности и лишения: приобретали продовольствие в долг и «дорогою ценою» у изредка встречавшихся им торговых и промышленных людей, «зимою на себе таскали нарты… нужду и стужу и голод терпели», во время столкновений с коренными жителями многие были «побиты и поранены, и кровь проливали, а иные головы свои положили». Особенно тяжело отряду Добрынского и Васильева пришлось осенью 1630 и зимой 1631 г.,

когда их наскоро выстроенный острожек осадили многочисленные «якутские орды конные люди»: оголодавшие служилые полгода выдерживали «жестокие приступы» пяти объединившихся «князцов» со всеми их «улусами». Тем не менее Добрынский и Васильев взяли ясак со многих тунгусских и якутских родов, вернулись в Тобольск в 1632 г., потеряв половину своего отряда, но живо заинтересовав своими рассказами местную и московскую администрацию.

В 30-е гг. по Вилюю и Лене прошло несколько групп ясачных сборщиков из Мангазеи. Они поставили несколько острожков и зимовий, вокруг которых, в свою очередь, возникли зимовья торговых и промышленных людей, ринувшихся в Приленский край после похода Добрынского и Васильева.

В 1633 г. на те же «захребетные» (т. е. находящиеся за горными хребтами) реки иным, более северным путем — с Нижней Тунгуски на Вилюй, минуя Чону — отправилась новая тобольская экспедиция в составе 38 человек во главе с Воином Шаховым. Разделившись на несколько мелких групп, этот отряд в течение шести лет укреплял власть «великого государя» в Вилюйском крае, сооружая зимовья, взимая ясак с тунгусских и якутских племен и «десятую пошлину» (десятипроцентный налог) с русских промышленников. Экспедиция Шахова снаряжалась всего на два года, поэтому служилые люди быстро израсходовали и продовольствие, и подарки «иноземцам» (необходимое в то время условие уплаты ясака), запасы пороха и свинца. К 1639 г. из отряда уцелело лишь 15 человек. Изредка покупаемую у промышленников муку служилые тратили на «аманатов» (заложников из подчинившихся родов), а сами питались лишь рыбой и дикорастущей травой-«борщём» и слезно просили в отправляемых в Тобольск письмах о замене.

Гораздо больших успехов удалось добиться к этому времени отрядам служилых и промышленных людей, продвигавшихся в глубь восточносибирской тайги более удобными южными путями из Енисейска.

В 1627 г. 40 казаков во главе с Максимом Перфильевым» добрались по Ангаре до Илима. Там они взяли ясак с окрестных бурят и эвенков, поставили зимовье и через год вернулись степью в Енисейск, дав толчок новым походам в «проведанные» земли.

В 1628 г. на Илим отправился десятник Василий Бугор с десятью служилыми. С притока Илима Идирмы казаки дошли через волок до Куты, а пустившись по ней, попали в Лену и, собирая, где могли, ясак, проплыли по течению реки до Чаи. В 1630 г. Бугор вернулся в Енисейск, оставив для «службы» на верхней Лене в зимовье у устья Куты двух, а у устья Киренги

четырех человек.

В 1630 г. у волока на Лену был построен Илимский острог — важный опорный пункт для дальнейшего продвижения на эту реку. В том же году по приказу енисейского воеводы С. Шаховского «для государева ясашного сбору и острожные поставки» на Лену был отправлен немногочисленный, но хорошо оснащенный отряд под предводительством атамана Ивана Галкина. Весной 1631 г. он добрался до Лены, открыв с Илима на Куту более короткий путь, поставил небольшое (на 10 человек) «зимовье по-промышленному» в устье Куты и проплыл по Лене гораздо дальше Бугра — до «Якутской земли». Там Галкин сразу же встретил сопротивление пяти объединившихся «князцов», однако вскоре подчинил их, после чего предпринял походы по Алдану и вверх по Лене, собирая ясак с якутов и тунгусов и отражая нападения отдельных их объединений. Летом 1631 г. на смену Галкину из Енисейска прибыл с дополнительным отрядом в 30 человек стрелецкий сотник Петр Бекетов и стал посылать служилых людей вверх и вниз по Лене. Используя как силу оружия, так и незаурядный дипломатический талант, Бекетов привел «под государеву руку» еще несколько якутских, тунгусских, а также бурятских родов и для закрепления своих успехов в соответствии с царским указом поставил в 1632 г. острог в центре Якутской земли в ее наиболее заселенном районе.

Вернувшийся с прежними полномочиями на Лену Иван Галкин в 1634 г. приказал перенести эту крепость (будущий Якутск) на менее затопляемое место. Он собрал значительные в тех условиях силы (около 150 человек) из служилых и скопившихся в новом остроге промышленных людей и предпринял энергичные действия по упрочению в Якутии царской власти, опираясь на тех якутских «князцов», которые «государю прямили». Оказавшимся на Лене русским на этот раз пришлось очень тяжело. Они совершали конные походы, покупая лошадей, как потом сообщалось, «на последние свои товарёнка», брали в ходе двух- и трехдневных штурмов хорошо укрепленные якутские городки, сами месяцами сидели в осаде, отбивая «жестокие приступы», «помирали голодною смертью», «перецынжали» и т. д. Но в конце концов служилым людям удалось поладить с местной знатью, и Якутская земля стала частью Российского государства.

Слухи о богатствах ленских земель привлекали в Якутию самых различных людей из самых различных мест. Так, даже из далекого Томска на Лену был в 1636 г. снаряжен отряд: 50 казаков во главе с атаманом Дмитрием Копыловым, несмотря на недовольство и противодействие енисейских властей, не жаловавших конкурентов, добрались до верховьев Алдана, где

построили Бутальское зимовье. Оттуда 30 человек во главе с Иваном. Москвитиным в поисках неясачных земель отправились дальше на восток. Они спустились по Алдану до устья Май, поднялись за два месяца вверх по ее течению до горного перевала хребта Джугджур, перешли по нему в верховье реки Ульи и по ней, преодолев пороги и сделав новое судно, через две недели в 1639 г. первыми из русских вышли на побережье Тихого океана.

В построенном на Улье «зимовье с острожком» казаки провели два года. Они собирали соболиные меха, воевали с тунгусами и одновременно, разделившись на две группы, обследовали морское побережье от Тауя на севере до Уды на юге. Русских поразили не только пушные, но и рыбные богатства 1 новооткрытого края. «Только невод запустить, — удивлялись служилые люди, — и с рыбою никак не выволочь…» По возвращении казаки Москвитина доставили сибирским властям, помимо богатой соболиной «казны», ценные географические сведения (одними из первых рассказали о народах Амура и т. д.).

Находясь на Алдане, отряд Дмитрия Копылова был втянут в межплеменной конфликт, который затем привел к вооруженному столкновению с находившимися по соседству енисейскими служилыми людьми. Это не явилось случайностью. На Лене в те годы, по выражению крупнейшего советского историка-сибиреведа С. В. Бахрушина, «царила полная анархия». «Служилых людей, — писал Бахрушин, — охватила какая-то горячка». На свой страх и риск мангазейские, тобольские и енисейские отряды в поисках «новых неясачных землиц» забирались в самые отдаленные и глухие уголки Приленского края, торговали и воевали с «иноземцами», оспаривали друг у друга право собирать ясак с них и пошлину с встречавшихся русских промышленников. В итоге местное население бывало вынуждено платить дань по два, а то и три раза и разорялось, служилые же, как стало известно властям, «богатели многим богатством, а государю приносили от того многого своего богатства мало». В распри между отдельными группами русских вовлекались коренные жители, дело нередко доходило до настоящих сражений. В Москве скоро узнали, что «меж себя у тех тобольских и у енисейских и у мангазейских служилых людей… бывают бои: друг друга и промышленных людей, которые на той реке Лене промышляют, побивают до смерти, а новым ясачным людям чинят сумнение, тесноту и смуту, и от государя их прочь отгоняют».

В ходе продвижения русских по Сибири такое положение складывалось и в некоторых других ее районах (например, несколько позднее — в Бурятии). Московское правительство не на

шутку встревожилось, ясно увидев в таком состоянии дел серьезные убытки для казны. Было решено запретичь самовольные походы на Лену из сибирских городов и создать в Якутии самостоятельное воеводство. Это и было сделано в 1641 г. В результате Якутский острог стал не только прочной базой дальнейшего освоения Восточной Сибири, но и центром самого обширного в Российском государстве уезда.

ПОЛЯРНЫЕ МОРЕХОДЫ

Важным этапом русской колонизации Сибири было достижение служилыми и промышленными людьми естественных пределов Азии на севере и северо-востоке. Оно стало возможно благодаря развитию полярного судоходства.

В Сибири XVII в. главной целью арктических плаваний являлся проход морем к устьям рек, по которым можно было подняться до богатых соболем таежных участков. Внимание мореходов вместе с тем привлекали «корги» — лежбища моржей, где добывался драгоценный «рыбий зуб» (моржовые клыки). Первые, по сути дела, разведывательные плавания по сибирским морям русские совершали на небольших судах, построенных кустарным способом во время походов. Затем служилые и промышленные люди ходили в море обычно уже на специально приспособленных для этого кочах. Лучшие из судов такого типа поднимали до 40 тонн груза и до 50 человек экипажа, в длину достигали 19, а в ширину 6 метров. Форма и обшивка кочей позволяли им длительное время находиться во льдах (в частности, сжатие выталкивало кочи наверх, а не сминало) и плыть (из-за малой осадки) по узкой прибрежной полосе свободной ото льда воды. При попутном ветре на кочах, используя единственный полотняный или кожаный парус, можно было идти со скоростью до 250 верст в сутки. По свидетельству английского шкипера С. Бэрроу, пытавшегося в 1555–1556 гг. достичь Оби с помощью русских, их суда, «плывя по ветру», опережали английский корабль и время от времени «приспускали свои паруса», чтобы тот не отстал.

Богатый опыт арктических плаваний подсказывал русским людям наиболее безопасные способы передвижения по северным морям и наилучший в тех условиях порядок его организации. Как отметил исследователь полярного судоходства М. И. Белов, «наши древнерусские мореходы обычно ходили в «студеное море» большими партиями, караванами… На северо-востоке этот порядок сохранился… В то время, когда средства борьбы со льдами были развиты слабо, особое значение приобретало товарищество людей, уходивших на море. Караванный способ передвижения гарантировал большую безопасность, чем плавание в одиночку. В случае крушения одного судна мореходы перебирались на другие». Но мы знаем, что в Арктике нередко бывали и одиночные плавания…

Первым из достоверно известных походов вдоль

восточносибирского побережья была экспедиция двинского торгового человека Кондратия Курочкина (Куркина) из Енисея в устье Пясины в 1610 г. Однако, основываясь на косвенных данных, историки полагают, что мореходы шли тогда по уже известному пути. Иначе, например, трудно объяснить, почему Курочкин в течение пяти недель упорно ожидал освобождения устья Енисея ото льда. Заслуживает внимания и сообщение голландца Исаака Массы, записанное им во время пребывания в Москве в 1601–1609 гг., о плавании к востоку от Енисея некоего «капитана Луки». Отчет об этом, писал Масса, «хранится среди сокровищ Московского государства», и если он пропадет, то это «поистине будет очень печально, так как путешественники нашли много различных и редких островов, рек, птиц, диких зверей, — все это далеко за Енисеем».

О раннем ознакомлении русских с побережьем Таймырского полуострова может свидетельствовать и находка в 1940–1941 гг. на острове Фаддея и в заливе Симса (к востоку от мыса Челюскин) следов погибшей русской экспедиции. Большинство исследователей, изучив найденные среди остатков снаряжения монеты, датируют ее 1615–1620 годами и рассматривают в качестве бесспорного доказательства того, что русские первыми достигли северной оконечности Евразии.

Широкий размах полярное мореходство приняло после присоединения ленских земель. В 1632 г. за полярным кругом было основано Жига некое зимовье — важный опорный пункт для походов на «дальние заморские реки». В 1633 г. оттуда на реку Яну отправился мангазейский служилый Иван Ребров, снарядив за свой счет группу служилых и промышленных людей. К ним вскоре присоединился енисеец Илья Перфильев, и они поплыли вниз по Лене, достигли моря, повернув по нему на восток, дошли до Яны, где соорудили «зимовье с острожком». Затем Перфильев с добытым ясаком отправился обратно в Енисейск, а Ребров в течение семи лет «проведывал» новые земли. Он совершил морской поход на «Индигирскую реку» (называвшуюся русскими также «Собачьей рекой») и поставил там два острожка. В 1641 г. этот первооткрыватель «Юкагирской земли» доставил богатый ясак в Якутск, а в следующем году вновь достиг морем реки Оленек, где построил зимовье и прослужил до 1647 г.

В начале лета 1636 г. началась одиссея енисейского десятника Елисея Бузы, отправленного воеводой «для прииску новых землиц» на «море» и впадающие в него реки. Отряд Бузы, состоявший из 6 служилых и 40 промышленных людей, «добежал» морем из ленского устья до Оленёка, оттуда после зимовки перебрался «сухим путем» на Лену и, построив там два коча,

вновь спустился в море, повернул к Яне и потерпел крушение, дойдя лишь до Омолоя. Бросив все лишнее, Буза и его спутники перебрались на нартах «через Камень до янской вершины», где после ряда вооруженных столкновений (в ходе которых им раз пришлось «сидеть в осаде шесть недель») обложили ясаком местных якутов, затем, построив суда, спустились в низовья Яны и провели там еще два года.

Примерно в то же время на северные реки были открыты и сухопутные дороги через Верхоянский хребет. В 1635–1636 гг. «зимним путем на конях» добрался до верховьев Яны и поставил там зимовье служилый Селиван Харитонов. В 1638 г. длительный конный поход «через хребет» совершил во главе отряда в 30 человек служилый Посник Иванов. Сначала они вышли на Яну, где основали зимовье (будущий Верхоянск), а на следующий год добрались и до Индигирки. В наскоро срубленном там зимовье (впоследствии названном Зашиверским) русские выдержали «крепкий бой» с юкагирами и затем взяли с них ясак.

Прибывший на смену Поснику Иванову Дмитрий Ерило основал ниже по течению Индигирки Олюбенское зимовье. Оттуда весной 1642 г. с отрядом всего в 15 человек на построенном «своими руками» коче он вышел в море и добрался до «Алазейской реки», где в ходе длившегося «целый день до вечера» тяжелого «съемного» (рукопашного) боя разгромил объединенные силы местных юкагиров и чукчей. «Алазейские люди», потерпев поражение, «убегом ушли», а служилые, перевязав свои раны, построили на границе тайги и тундры «зимовье с острожком». К нему тут же подъехал с угрозами «лучший» шаман из местных «князцов», но служилые люди, предприняв дерзкую вылазку, захватили его в плен и в конце концов «положили в ясак» окрестное население.

Вскоре была присоединена и Колыма, куда с Яны еще в 1640 г., «перешед море» на самодельных судах, вновь первым добрался уже упоминавшийся Селиван Харитонов. В 1641 г, казачий десятник Михаил Стадухин, снарядив за свой счет отряд служилых и промышленных людей, пошел с верховьев Индигирки на коче до ее устья, а далее морем доплыл до Колымы и закрепил ее присоединение постройкой опорного пункта для новых походов.

Возвращаясь морем же в Якутск, Стадухин оставил на Колыме 13 человек во главе с казаком Семеном Дежневым. Служилым пришлось выдержать в своем острожке жестокий приступ юкагирского войска числом свыше 500 человек. Лишь смерть его предводителя, которого удалось «сколоть», когда юкагиры вломились в острожек, вынудила их отступить.

Вслед за этим Семен Дежнев принял участие в событиях, обессмертивших его имя. В качестве представителя государственной власти он отправился вместе с промышленными и несколькими служилыми людьми в экспедицию, организованную приказчиком богатого устюжского купца А. Усова холмогорцем Федотом Алексеевым Поповым. Ее целью была река Погыча (возможно, современная Покача), слухи о богатствах которой стали распространяться среди находившихся на Колыме русских еще во время пребывания там Стадухина. По тем же слухам, Погычи можно было достигнуть, следуя в восточном направлении морем.

В июне 1648 г. 90 (или, по другим данным, 105) человек на семи кочах вышли из устья Колымы и двинулись на восток вдоль морского побережья. Люди Алексеева и Дежнева плыли на шести судах; один коч принадлежал служилому Герасиму Анкудинову, шедшему самостоятельно. Мореходы несколько раз попадали в бурю. В районе мыса Шелагского потерпели крушение два судна, а выбравшихся из них на берег людей перебили чукчи. До «Большого каменного носа» (так назвал позднее Дежнев северо-восточный выступ Азии) добрались лишь три коча — Алексеева, Дежнева и Анкудинова, причем последний там же и разбило о камни. Людей с него подобрали Алексеев и Дежнев. С трудом обогнув этот «необходимый нос», они прошли проливом, носящим ныне имя Беринга, и доказали существование прохода из Северного Ледовитого океана в Тихий. Тем самым было совершено одно из крупнейших географических открытий XVII в.

При высадке мореходов на берег произошло столкновение с чукчами. «На драке» с ними был ранен Федот Алексеев. Суда отчалили, но в поднявшейся буре потеряли друг друга.

Разбушевавшееся море долго носило коч Дежнева и выбросило его на пустынный берег далеко к югу от реки Анадырь. В течение десяти недель Дежнев и 24 его спутника, претерпевая в условиях начавшейся зимы невероятные лишения, добирались на лыжах и нартах, «сами пути себе не зная», до Анадыря и провели там страшную голодную зиму. Вот как сам Дежнев позднее рассказывал о положении своего отряда: «А шел я, бедный Семейка, с товарищи до Анадыря реки ровно десять недель, и пали на Анадырь реку вниз близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет. И с голоду мы, бедные, врознь разбрелись. И вверх по Анадыре пошло двенадцать человек, и ходили двадцать дён, людей и… дорог иноземских не видали и воротились назад и, не дошед за три дня днища (дня пути. — Н. Н.) до стану, обночевались, почали в снегу ямы копать. А с ними был промышленой человек Фомка Семенов Пермяк, учал им говорить,

что де тут нам ночевать нечего, пойдем де к стану к товарищем. И с ним, Фомкою, только пошел промышленой человек Сидорко Емельянов да Ивашко Зырянин, а достальные люди тут остались, потому что с голоду итти не могут…»

К весне 1649 г. у Дежнева осталось всего 12 человек. Надо, однако, отметить, что и этот небольшой отряд проявил себя как действенная сила. Сделав лодки, он поднялся вверх по Анадырю, взял ясак с местного юкагирского 'населения (анаулов) и основал зимовье — будущий Анадырский острог. Там в 1650 г. произошла далеко не дружеская встреча Дежнева с его бывшим начальником — Михаилом Стадухиным. Тот добрался до Анадыря с Колымы «сухим путем» через реку Большой Анюй и сам рассчитывал собрать богатый ясак с новых земель.

Впрочем, Стадухин не стал долго задерживаться на Анадыре. Он прошел со своими людьми На лыжах и нартах до Пенжины, спустился к Охотскому морю и летом, сделав судно, проплыл морем до реки Охоты, откуда уже разведанным другими землепроходцами путем вернулся в Якутск.

По сравнению с морским путем, чрезвычайно опасным из-за свирепых бурь и не всегда проходимым из-за льдов, дорога на Анадырь через горный хребет при всех своих сложностях оказалась более удобной. Именно по ней устремились на новую реку ватаги служилых и промышленников. Кроме людей Дежнева и Стадухина, там в 1650 г. хозяйничали отряды С. Моторы и Ю. Селиверстова. За расположенную возле устья Анадыря «коргу» с залежами особо ценного «заморного зуба» (старых, выдержанных клыков моржа) между русскими развернулось соперничество. Дежнев надолго задержался на открытой им реке, добывая возле ее устья драгоценную «заморную кость» (в Якутск он вернулся лишь в 1661 г.), и открытие столь богатой «корги» считал своей главной заслугой. Рассказывая о ней, он и поведал о подробностях похода на «Погычу». От него же исходит известие и о судьбе организатора всей экспедиции — Федота Алексеева Попова.

Как сообщил Дежнев, «возле моря» во время одного из походов ему удалось «отгромить» у коряков участницу плавания вокруг «Большого каменного носа» — «якутскую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что де Федот и служилой человек Герасим померли цынгою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душею, не знаю де куда». Сопоставление полученных от Дежнева сведений с другими (правда, менее достоверными) позволяет предположить, что, по-видимому, отважный холмогорец и его спутники были занесены бурей на Камчатку и там погибли.

Еще более загадочной представляется судьба кочей, пропавших во время бури до выхода Алексеева и Дежнева в Берингов пролив. Основываясь главным образом на преданиях коренных обитателей северо-востока Азии, повествующих о живших в районе Аляски бородатых и во всем «подобных русским» людях, некоторые исследователи допускают, что часть участников экспедиции Алексеева — Дежнева могли попасть на Американский материк.

В истории полярного мореходства немало подобных загадок. «Морская струя» колонизационного потока оставила, пожалуй, наименее четкий след в архивных документах, открывая тем самым простор различным толкованиям и предположениям.

Немало догадок, например, высказывалось по поводу уже упоминавшихся находок у северного побережья Таймыра. Историки спорят даже о времени гибели русских мореходов в заливе Симса и на острове Фаддея, расходясь в датировке примерно на 60 лет. Относительно целей погибшей экспедиции также, соответственно, имеются различные, иногда довольно смелые суждения. Так, советский писатель С. Н. Марков, изучив содержание бесед русского посланника в Китае Ивана Петлина в 1618 г. с «подьячими» китайского императора, высказал интересное (и не лишенное оснований) предположение, что погибшее у берегов Таймыра русское судно пыталось около 1617 г., подобно кораблям западноевропейских мореплавателей, найти дорогу в Китай, двигаясь на восток вдоль берегов Северной Азии. Другие не считают эту экспедицию единственной в своем роде. Например, известные советские географы В. Ю. Визе и Д. М. Лебедев полагают, что русские в XVII в. вообще многократно плавали вокруг Таймыра, добираясь таким путем до Лены. Это мнение прежде всего основано на следующем любопытном сообщении голландского географа Николаса Витсена, жившего во второй половине XVII — начале XVIII в.: «В Енисейске делаются очень большие корабли, имеющие верхнюю палубу. На них ездят к Лене, причем поездка совершается с внешней стороны материка, вдоль берега, если стоит теплое лето, что не всегда бывает».

Не менее любопытны мнения относительно возможности плаваний русских Беринговым проливом еще до экспедиции Алексеева — Дежнева, а также после нее. Однако и эти точки зрения пока в основном строятся на догадках. Исключением, пожалуй, является сообщение об удивительном походе десятника Ивана Рубца. Его отряд, как выяснил Б. П. Полевой, отплыл из Якутска по Лене «на службу за море на Анадырь-реку» летом 1662 г. и удачно, в одну навигацию прошел через Беренгов

пролив аж до устья реки Камчатки.

Выход из Ледовитого океана в Тихий явился высшим достижением русских полярных мореходов. Он имел важные последствия и для дальнейшего хода колонизации Сибири. Продвигавшиеся «встречь солнца» промышленные люди, достигнув естественных пределов Азии на северо-востоке, повернули к югу, что позволило в кратчайшие сроки освоить богатые соболем земли на Охотском побережье и перейти на Камчатку. В этом движении вновь сыграли важную роль сибирские мореходы, пройдя вдоль тихоокеанского побережья от устья Пенжины до Охоты. Дорогу же на Охоту «проведал» еще в 1642 г. казак Андрей Горелый во время трудного конного похода с верховьев Индигирки, а в 1647–1649 гг. направленный из Якутска отряд Семена Шелковника после ожесточенных столкновений с тунгусами основал там острог — будущий Охотск. Таким образом, в 50-х гг. XVII в. в этом районе пересеклись два колонизационных потока — сухопутный южный и северный морской.

Они, впрочем, не были равноценны. В связи с «испромышлением» соболя в северных районах Сибири активность мореходства в арктических водах стала быстро снижаться, особенно с 80-х гг. XVII в. Южные пути получали все большую значимость в освоении Сибири и привлекали основной поток переселенцев.

К БАЙКАЛУ И ПРИАМУРЬЮ. НА КАМЧАТКУ

Дальнейшее освоение южных путей было прежде всего связано с закреплением русских в Прибайкалье, с последующим выходом в Забайкалье и «Даурию» (Приамурье). Начало присоединению этих земель было положено постройкой Верхоленского острога (1641 г.) и первым походом русских на Байкал, осуществленным в 1643 г.

Байкал для России и всего мира открыл якутский пятидесятник Курбат Иванов, возглавивший в этом походе отряд служилых и промышленных людей. Значительная часть прибайкальских бурят без сопротивления согласились тогда принять российское подданство, однако в 1644–1647 гг. отношения с ними испортились. Главной причиной этого были самоуправство и злоупотребления, допущенные по отношению к бурятам присланным из Енисейска атаманом Василием Колесниковым. Но его экспедиция имела для освоения края и положительные результаты: она достигла северных берегов Байкала, где в 1647 г. был построен Верхне-Ангарский острог.

В том же году отряд енисейца Ивана Похабова совершил переход по льду на южный берег Байкала. В 1648 г. Иван Галкин обогнул Байкал с севера и основал Баргузинский острог. В 1649 г. казаки из отряда Галкина добрались до Шилки.

В середине XVII в. в Забайкалье действовали еще несколько отрядов служилых и промышленных людей. Один из них, возглавлявшийся основателем Якутска Петром Бекетовым, в 1653 г. предпринял поход на юг вверх по Селенге, а затем повернул в восточном направлении по Хилку, где в его верховьях основал Иргенский острог (у озера Иргень), а в районе будущего Нерчинска — Шилкинский («Шильский»).

Вхождение прилегающих к Байкалу земель в состав Российского государства произошло в довольно короткий срок и вскоре было закреплено сооружением еще целого ряда опорных пунктов — Балаганского, Иркутского, Телембинского, Удинско-го, Селенгинского, Нерчинского и др. острогов. В чем причина столь быстрого присоединения этого сравнительно густозаселенного края к России? Дело в том, что значительная часть его коренных обитателей стремились опереться на русских в борьбе с разорительными набегами монгольских феодалов. Сооруженная в районе Байкала цепь крепостей длительное время и обеспечивала защиту населения от вражеских вторжений.

Одновременно с закреплением русских в Забайкалье сложные и драматические события разыгрались в Приамурье. Слухи о наличии в этом районе большой и «хлебной» реки, серебряной, медной и свинцовой руды, ископаемой краски и иных «угод» доходили до сибирских воевод от различных групп служилых и промышленных людей уже с 30-х гг. и не могли не будоражить воображение. Однако первые достоверные и подробные сведения об Амуре и его притоках были получены в результате похода «письменного головы» (так называли помощников воевод, выполнявших особые поручения) Василия Пояркова с отрядом якутских служилых и небольшого числа «охочих людей» в 1643–1646 гг.

Хорошо снаряженный и крупный по сибирским представлениям отряд (132 человека) поднялся по Алдану, Учуру, порожистому Гонаму до волока на Зею. Начавшаяся зима осложнила дальнейшее продвижение. Оставив у волока почти все продовольствие на попечение 42 человек, Поярков с остальными отправился налегке дальше, дав оставшимся наказ весной догнать экспедицию. Перейдя на нартах за две недели Становой хребет, русские вышли на реку Брянту а по ней на Зею, где в устье ее притока Умлекана поставили укрепленное зимовье. Расчеты на изобилие и доступность съестных припасов на «хлебной» реке не оправдались. Пояркову не удалось ни поладить с местными жителями, ни предотвратить голод, болезни и раздоры в своем лагере. К концу зимовки, когда, наконец, прибыли оставленные у волока люди с хлебными запасами, экспедиция недосчиталась около 50 человек.

По Зее отряд спустился в Амур. Поярков остановился и послал на двух стругах 26 человек узнать, «далече ли до моря», но они не выяснили за три дня ничего определенного и повернули обратно. Идти на веслах против течения оказалось очень тяжело, и разведчики двинулись по берегу, потянув суда за собой «бичевником». На этом пути они подверглись неожиданному нападению дючеров и почти все были перебиты. Сложность обстановки заставила Пояркова отказаться от намерения зимовать на Амуре или вернуться в Якутск знакомым путем. Было решено пробиваться к морю.

Дойдя до устья Амура, отряд Пояркова перезимовал, взял ясак с местных гиляков и затем три месяца шел морем на север вдоль Охотского побережья. Участники экспедиции жестоко страдали от бурь и потом вспоминали, как их «на море топило… а от якорей лапу отломило в погоду на отстое». В таких условиях трудно было решиться отойти далеко от берега, и мореходы подолгу обходили «всякую губу». В уже знакомом русским устье

Ульи отряд провел третью зимовку. Весной Поярков оставил там 20 человек для ясачного сбора, а с оставшимися по разведанному еще Москвитиным пути вернулся в Якутск.

Главным результатом этого похода было то, что русские власти узнали не только о реальных богатствах «Даурской земли», но и о политической обстановке в ней. Оказалось, что берега Амура в основном заселяли фактически ни от кого не зависимые племена.

Слухи об открытых экспедицией Пояркова благодатных землях распространились по всей Восточной Сибири и всколыхнули сотни людей. На Амур были проложены новые, более удобные пути. По одному из них в 1649 г. отправился отряд промышленника из устюжских крестьян Ерофея Хабарова.

Получив поддержку якутского воеводы Дмитрия Францбекова, Хабаров снарядил на собственные средства 70 человек, поднялся с ними по Олёкме до Тунгирского волока, перешел его на нартах и через реку Урку вышел весной 1650 г. на Амур. Выяснив на месте обстановку в земле дауров, Хабаров оставил в одном из покинутых ими городков большую часть своего войска, а сам набрал в Якутске новый отряд «охочих людей», которому воевода Францбеков придал 20 служилых.

Этот отряд прибыл* на Амур в 1651 г. Всего там под началом Хабарова собралось около 200 человек. До 1653 г. Хабаров плавал вверх и вниз по реке, собирая ясак и неизменно выходя победителем из вооруженных столкновений с местным населением. Часть казаков решили действовать самостоятельно. Они бежали от Хабарова на трех судах вниз по Амуру до «Гиляцкой земли», где построили свой острог. Хабаров настиг и обстрелял бунтовщиков, принудив их к сдаче и восстановив единство войска. Оно было совершенно необходимо в сильно осложнившейся к тому времени обстановке. В амурские события вмешалась новая серьезная сила — маньчжуры.

Их государство сложилось много южнее Амура и вело борьбу за завоевание Китая. Раньше маньчжуры не раз совершали походы и в Приамурье. На этот раз они вторглись туда для противодействия русским, но не рассчитали силы, натолкнувшись, по собственному признанию, на людей «храбрых, как тигры, и искусных в стрельбе». Хабаров в 1652 г. наголову разгромил большой маньчжурский отряд, «подступивший» к нему с «огненным боем»; только убитыми враги потеряли 676 человек, тогда как казаки— 10; однако было ясно, что на Амуре русских ждут более жестокие испытания.

Маньчжурское вторжение усиливалось и усугубляло урон, нанесенный хозяйству местного населения действиями

хабаровской вольницы. Чтобы лишить русских продовольственной базы, маньчжуры применили обычный для их стратегии метод: насильственно переселили в долину Сунгари дауров и дючеров и совершенно разрушили местную земледельческую культуру.

В 1653 г. Хабарова отстранили от руководства «войском» и увезли в Москву. Царь, дравда, наградил его, но не разрешил вернуться на Амур. Хабаровскими казаками там стали распоряжаться представители царской администрации. Общим итогом всех этих бурных событий стало присоединение к России Приамурья и начало массового переселения туда русских людей.

Вначале это были в основном служилые и «охочие» казаки, направляющиеся на помощь Хабарову. Так, еще в 1651 г. с продовольствием и боеприпасами на Амур был послан отряд Терентия Ермолина, который, в свою очередь, отправил вниз по реке на поиски Хабарова 27 служилых во главе с Иваном Нагибой и Иваном Уваровым. Они долго разыскивали Хабарова, оставляя для него на «приметных местах» записки и расспрашивая «языков», но тем не менее разминулись с ним и в результате невольно совершили первое в истории сквозное плавание по всему течению Амура, буквально прорвавшись к его устью с непрерывными боями. Там служилые наскоро приспособили к морскому плаванию один из стругов и поплыли на север вдоль побережья. Однако судно неожиданно было затерто льдами и через 10 дней дрейфа затонуло. Мореходы горестно потом описали, как «на берег пометались душою да телом» и разом «стали без всего» — без боеприпасов, без продовольствия и снаряжения. После пяти дней пешего пути казаки построили небольшое «суднишко» и вновь рискнули выйти в море, а с наступлением зимы сделали нарты и пошли к Якутску «сухим путем». Примечательно, что за все время своей одиссеи отряд Нагибы и Уварова не потерял ни одного человека и даже сумел взять ясак с встретившихся на пути к Якутску тунгусов.

Вслед за воинскими людьми уже в 50-е гг. на Амур потянулись промышленники и крестьяне. В 1665 г. там даже возникло подобие вольной казацкой общины с центром в Албазине. Ее основала группа восставших жителей Илимского уезда, бежавших на Амур во главе с Никифором Черниговским. Их самоуправление, правда, просуществовало недолго: в 1672 г. они были «помилованы» правительством, а в 1674 г. целиком подчинены воеводской администрации. Албазин стал центром нового уезда.

К 80-м гг. Приамурье, несмотря на свое «порубежное» положение, оказалось наиболее заселенным районом Забайкалья.

Обследовав часть его, маньчжурские лазутчики сообщали в Пекин: «В Албазине и Нерчинске имеется по 500–600 русских… Многие годы им удавалось продержаться тут благодаря тому, что они построили от устья реки Аргунь до Албазина более десятка селений. Между Албазином и устьем реки Буэрмафу имеется также более десяти населенных пунктов. Русские здесь построили избы, пашут и сеют для поддержания своего существования, а также занимаются охотой на соболей».

Дальнейшее освоение плодородных амурских земель оказалось невозможным из-за усиления действий маньчжурских феодалов. После захвата Китая они решили расширить свои владения к северу за счет Приамурья и всего Забайкалья, выдвинув претензии чуть ли не на всю Восточную Сибирь. Жертвами маньчжурских вторжений, наряду с русскими, становилось все больше коренных жителей края. Например, эвенки с реки Уды жаловались в Якутск, что маньчжуры («богдойского царя люди») к ним «приезжают и их всякими теснотами теснят и ясак с них емлют», а потому просили «их, тунгусов… от богдойских людей оборонить». Многие же из угнанных с Амура в маньчжурские пределы дауров изъявляли желание вернуться под Албазин в российское подданство. Они выражали недовольство не только маньчжурской тактикой «выжженной земли», заставившей их покинуть родину, но и своим положением на новом месте. Даурысообщали, что на чужбине «им де от китайских людей налоги и обиды великие и утес-ненье, а жить де им под Китайскою областью не в мочь» и также просили, чтобы русские служилые «их от погонщиков от китайских людей оборонили».

Малочисленные русские отряды при поддержке некоторых групп коренного населения не раз наносили поражение маньчжурам и союзным им монгольским феодалам. Особо следует отметить исключительную по героизму и воинской доблести пятимесячную оборону Албазина, осажденного в 1686 г. маньчжурской армией в 5 тыс. человек при 40 пушках и множестве «всяких приступных мудростей». В крепости основную часть осадного времени им противостояло около 800 защитников под командованием Афанасия Бейтона; из них к концу осады свыше 500 человек умерли от цинги, а держать оружие в руках могли не более 150 человек. Но маньчжурам не удалось, несмотря на огромный численный перевес (а их войско увеличилось вдвое), ни взять Албазин штурмом, ни выморить его защитников болезнями и голодом. Понеся огромные потери, маньчжурское войско сняло осаду.

Однако исход войны решался не под стенами Албазина, и царскому правительству приходилось считаться с явным

неравенством сил. Положение еще более осложнилось, когда под воздействием маньчжурской агитации некоторые бурятские роды стали проявлять «шатость». По условиям Нерчинского мирного договора 1689 г. русские, отстояв Забайкалье, в Приамурье были вынуждены покинуть часть уже освоенной территории. Владения московского государя надолго ограничились лишь верхними притоками Амура. Эти земли вошли в состав Нерчинского уезда.

На исходе XVII столетия началось присоединение к России новых обширных земель и в северных районах Дальнего Востока. На временами посещавшуюся русскими еще с 60-х гг. Камчатку зимой 1697 г. «для прииску новых неясачных людей» отправились из Анадырского острога на оленях 60 служилых и промышленников, а также 60 ясачных юкагиров. Во главе экспедиции стоял казачий пятидесятник Владимир Атласов.

Перевалив через «великие горы» (Корякский хребет), Атласов после двух с половиной недель пути встретил первых «неясашных иноземцев» (более 300 «пеших коряков») и без особых сложностей — «ласкою и приветом» — «призвал их под государеву самодержавную высокую руку». «Учинились послушны» без боя и представители корякского племени олюто-ров, встретившиеся русским через две недели. Ободренный успехом отряд разделился на две группы. Одна из них под командованием самого Атласова пошла вдоль западного побережья полуострова, а другая — вдоль восточного. Однако после первых же столкновений с местными жителями часть участвовавших в походе юкагиров изменила: они внезапно напали на группу Атласова, убив 6 человек и «переранив» (включая самого главу экспедиции) 16. С трудом отбившись от «изменников», Атласов и его спутники «сели в осаде». Выручили их лишь пришедшие по зову на помощь служилые из второй группы. Вновь соединившись, русские и оставшиеся им верными юкагиры двинулись вверх по реке Тигилю. Они перевалили Срединный хребет и вышли в районе Ключевской сопки на реку Камчатку, где в союзе с одной группой ительменов «погромили» другую, жившую в низовьях реки, и енова двинулись вдоль Охотского побережья.

Поход в общей сложности продолжался три года. За это время Атласов прошел тысячи километров по самым заселенным районам Камчатки (не дойдя лишь около 100 км до южной оконечности полуострова), «повоевал» одни родовые и племенные объединения и взял ясак «ласкою и приветом» с других. В основанном в центральной части полуострова Верхне-Камчатском остроге он оставил 16 человек (через три года они погибли на обратном пути), а сам в сопровождении 15 русских и 4 юкагиров вернулся с богатым ясаком в Анадырский острог, а

оттуда в Якутск, где сообщил подробные сведения о пройденных землях и некоторые известия о Японии и «Большой земле» (видимо, Америке).

В Москве, куда вскоре прибыл Атласов, большой интерес вызвали как его рассказы, так и привезенный с Камчатки японец Денбей, занесенный бурей к южному побережью полуострова в 1695 г. и находившийся в плену у камчадалов. Петр I велел Денбею обучать русских японскому языку.

«ЗАВОЕВАНИЕ» ИЛИ «ПРИСОЕДИНЕНИЕ» СИБИРИ!

Мы видели, что процесс вхождения сибирских народов в состав Российского государства завершился в основном в течение одного столетия. Он носил сложный характер и определялся множеством факторов, среди которых сила оружия была не единственным и далеко не всегда главным. Немало племен и родов приняли российское подданство добровольно. Одни из них просто боялись «на себя посылки государевых ратных людей». Другие надеялись с русской помощью сломить соседей-соперников. Третьи рассчитывали на защиту от разорительных вражеских набегов (что было особенно характерно для сибирской лесостепи). Наконец, некоторые родо-племенные группы попали в число подданных «великого государя» просто в силу того, что оказывались окруженными со всех сторон русскими поселениями.

Случалось также, что одни лишь выгоды прямой торговли с русскими толкали сибирские народы к переходу «под высокую государеву руку». Показательно записанное в 1680 г. мнение одного из иностранных наблюдателей. Он изумился тому, как небольшая «горсть людей овладела таким громадным пространством», и полагал, что это произошло не потому, что сибирские племена «были покорены военной силой», а «исключительно в надежде на выгоду в будущем от торговых отношений с московитами».

Советские историки отказались от господствовавшего раньше термина «завоевание», так как он не раскрывал всех сторон и всей сложности процесса вхождения сибирских народов в состав Российского государства. В настоящее время наши ученые предпочитают говорить о «присоединении» Сибири, поскольку этот термин, по словам В. И. Шункова, включает в себя «явления различного порядка — от прямого завоевания до добровольного вхождения».

Большую часть сибирской тайги и тундры малочисленные русские отряды прошли, не встретив серьезного сопротивления, и, таким образом, присоединили к России огромные территории в основном мирным путем. Это обстоятельство явилось одной из основных причин чрезвычайно быстрого продвижения землепроходцев от Урала до Тихого океана. Оно объяснялось прежде всего крайне слабой заселенностью Сибири. Дни, недели и месяцы служилые и промышленные люди могли не встретить на

своем пути ни одного человека, а встретившиеся далеко не всегда стремились к активному противодействию и далеко не всегда были способны оказать его. Более того, коренные" обитатели края нередко добровольно поставляли русским отрядам «вожей» (проводников) на новые земли. Бывало и так, что отдельные группы «иноземцев» присоединялись к отрядам служилых людей, использовавших в своих целях межплеменные распри.

Все это, однако, не являлось единственной причиной беспримерно быстрых темпов продвижения. Как бы, в частности, ни распылено и малочисленно было коренное население Сибири, русских переселенцев тогда было еще меньше. В. В. Покшишевский справедливо заметил, что «временами русская колонизация словно «захлебывалась» от несоответствия размеров открываемых территории численности служилых и промышленных людей». Быстрое достижение русскими самых отдаленных уголков Северной Азии объясняется также и самой целью походов, направленных прежде всего на поиск «соболиных мест». Высокоэффективные способы пушного промысла приводили к быстрому истреблению драгоценного зверька, что все время толкало на поиски новых «землиц».

Быстроте продвижения на восток содействовала, наконец, и разветвленная речная сеть Сибири: от Урала до Тихого океана можно было перебираться по волокам из одного речного бассейна в другой. Сибирские реки и волоки в представлении иных (в основном зарубежных) историков делали несложным как перемещение по гигантским просторам Северной Азии, так и ее присоединение к Российскому государству.

Так полагать могут лишь люди, имеющие весьма смутное понятие о природе и общей обстановке в Сибири XVII в. Возразить им лучше всего словами зарубежных же ученых. Английский исследователь Дж. Бейкер писал: «Продвижение русских через Сибирь в течение XVII в. шло с ошеломляющей быстротой. Успех русских отчасти объясняется наличием таких удобных путей сообщения, какими являются речные системы Северной Азии, хотя преувеличивать значение этого фактора не следует, и если даже принять в расчет все природные преимущества для продвижения, то все же на долю этого безвестного воинства достанется такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равного которому не свершил никакой другой европейский народ». Японский историк Синтаро Накамуро также отмечал, что «нельзя не удивляться героическим действиям этих людей, проходивших в те далекие времена совершенно неизведанные земли и тайгу, преодолевавших студеные реки и моря….»

Рассмотрим все же подробнее, каковы были условия продвижения русских «встречь солнца».

ЛЕГКО ЛИ БЫЛО «ПОКОРЯТЬ СИБИРЬ»?

Уже переход через Урал был сопряжен с огромными трудностями. Приходилось преодолевать безлюдные лесные пространства, каменистые перевалы, «тесные» и бурные реки, одни из которых постоянно грозили разбить суда, а другие из-за своей маловодности вынуждали проталкивать их вперед, сооружая ниже по течению временные плотины (обычно из парусов), как это, по преданию, делал еще Ермак. На сухопутной же Верхотурской дороге предстояло преодолевать «грязи и болота непроходимые», лесные завалы, трудный перевал через «Камень», на котором «снеги… падут рано». А зимой путников там и позже подстерегала вполне реальная опасность быть растерзанными волками или заживо погребенными под снегом во время пурги.

В самой Сибири большую сложность передвижению создавали волоки — те самые, наличие которых, по мнению некоторых, и делало сибирские пути удобными. Вот условия перехода по одному из волоков — Маковскому. Для его преодоления требовалось всего 2–3 дня, но это был путь «через грязи великие», «через болота и речки», «а в иных местах, — сообщал очевидец, — есть на волоку и горы, а леса везде темные». Для переброски грузов там, кроме людей, могли использовать лишь вьючных лошадей или собак, «а телегами через тот волок ходу за грязьми и болоты никогда не бывает».

Не легче был переход на Енисей и по северному, Туруханскому волоку. Здесь на разных участках пути не могли проходить суда одной величины. Из крупных морских и речных судов грузы переносили в простые лодки, на них двигались по озерам и протокам к самому волоку, по нему грузы переносили уже «на себе» или «волокли» на тележках, затем снова передвигались в лодках через систему озер, торопясь пройти их до летнего спада воды, а если не успевали, то вынуждены были поднимать уровень воды в протоках с помощью парусных и земляных «запруд».

К востоку от Енисея волоков, как правило, уже не было. Вернее, они представляли собой горные перевалы. Переправить через них лодки и струги чаще всего не удавалось, всю кладь приходилось переносить «на себе», а суда строить заново. Такие сухопутные «вставки» в речные маршруты были довольно значительными, а к трудностям их преодоления добавлялась еще и сложность плаваний по самим рˆкам, часто очень порожистым. С «великим трудом и большою нужою» было сопряжено,

например, передвижение по Верхней Тунгуске (Ангаре). «Судовой ход» там был «тяжек и нужен, река Тунгуска быстрая, и пороги великие». Из-за них суда приходилось разгружать и переносить весь груз «на себе», либо сплавлять на небольших лодках, а пустые суда тянуть «канатами, человек по 70 и больше» по «небольшим проезжим местам, где камней нет». На Илиме плавание опять затрудняли многочисленные пороги, через которые «взводили суда» таким же образом, а грузы «обносили на себе».

Труден был переход и через Ленский волок, особенно по речкам Муке, Купе и Куте. Как сообщали очевидцы, летом по этому пути можно было идти лишь на небольших плотах, «а в малых… судах и в стружках отнюдь… не мочно, потому что… реки каменые и малые, ходят по них судами только в одну вешнюю пору, как половодье бывает…» Но и плоты приходилось делать небольшими, на 20 пудов груза. Тем не менее они то и дело садились на мель, что прибавляло измученным людям работы: «…И везде, бродя, с камени те плотишка сымают сте-гами (шестами. — Я. Я.), а те де речки, идучи, перед собою прудят парусы».

Сильно осложняло плавание по сибирским рекам раннее их замерзание и позднее освобождение ото льда. Землепроходцы поэтому часто вынуждены были зимовать в пустынных, непригодных для жилья местах. Передвижение же по сухопутным северным маршрутам, проложенным отрядами служилых и промышленных людей на «захребетные заморские реки», было связано с трудностями другого рода. Там приходилось ехать не на санях или телегах, а лишь верхом, причем по совершенно безлюдным, диким и гористым местам. Верховые и вьючные лошади в пути нередко погибали, «а иных… сами с голоду съедаем», сообщали служилые люди, прибавляя, что в дороге «голод великий терпят, едят сосновую кору и траву, и корень, и всякую едь скверную».

Однако самые тяжкие испытания выпадали на долю тех, кто избирал морские пути. Особенностью омывающих Сибирь океанов является прежде всего негостеприимность берегов, а сильные ветры, частые туманы и тяжелый ледовый режим создают для плаваний на редкость трудные условия. Крайне опасным был, например, «мангазейский ход» — плавание по бурному «Мангазейскому морю» (Обской губе). «Путь нужен и прискорбен и страшен от ветров» — так отзывались о нем. Редкий год обходился здесь без «разбою» (кораблекрушений), когда не успевшие укрыться от непогоды в устьях рек суда выбрасывало на берег, а находившиеся в них грузы топило или «разметывало» на

расстояние в несколько верст. Многие из выброшенных «душою да телом» мореплавателей погибали в пустынной тундре от голода и стужи. Случалось, что в течение нескольких лет из-за подобных катастроф ни один коч не мог добраться до Мангазеи.

Свирепые бури часто разбивали суда и при плавании вдоль восточносибирского побережья (вспомним поход Алексеева — Дежнева). Подолгу задерживали полярных мореходов и «прижимные ветры», вынуждая идти «бечевою и греблею, мучая живот свой». Однако главную опасность в этих плаваниях представляли льды. До нас дошли рассказы мореходов о том, как «льды ходят и кочи ломают», как «затирает теми льды заторы большие». Иной раз лишь «с великой нужою» удавалось провести коч «промеж льды»: через них мореходы «выбивались и просекались», плыли, выбирая свободные или покрытые тонким льдом места, двигались «по заледью возле земли… по протокам». Лед «испротирал» защищавшие корпус судна' «нашивки» и «прутье», суда замерзали в открытом море, подолгу оставаясь «в заносе» вдали от берегов «без дров, и без харчу», и без воды. В таких случаях, бросив кочи, «волочились» пешком на берег, «перепихиваясь с льдины на льдину», при этом далеко не всегда удавалось захватить с собой из кочей «запасы». «Морем идучи, оцынжали, волочь не в мочь», — так, случалось, объясняли полярные мореходы гибель своего груза. Кроме того, и во время благополучных плаваний они часто страдали от недостатка свежей воды и продовольствия, от цинги, случавшейся, по их мнению, «от морского духу и дальнего нужного пути».

Положение полярных мореходов осложнялось и трудностью устройства для них опорных пунктов непосредственно на побережье. Остроги и зимовья, в которых мореходы могли бы укрыться и отдохнуть, на севере Сибири прятались в глубине устьев рек и заливов («губ»), нередко в сотнях километров от моря. Нельзя также не учесть, что на годы подъема полярного судоходства пришлось такое явление, как обмеление и повышение ледовитости полярных морей (в конце 40-х и в начале 50-х гг. XVII в.). Не приходится удивляться, что в этих условиях во льдах погибало до двух третей шедших северным морским путем судов. Удивительно другое: само существование полярного мореходства и его бурное развитие в XVII в.

Рассматривая природные условия, в которых протекала деятельность землепроходцев, нельзя не остановиться на чрезвычайной суровости сибирского климата. Долгая сибирская зима страшит своими морозами жителя Европейской России и поныне, между тем ученые выяснили, что в XVII в. холода были более жестокими, чем в настоящее время. Трудным периодом

было и короткое, но жаркое лето Сибири. Оно и сейчас изводит не столько зноем, сколько немыслимо кровожадными полчищами гнуса, способного довести до исступления непривычного человека. «Гнус — это вся летучая мерзкая гадость, которая в летнее время днем и ночью пожирает людей и животных… Владения его необъятны, власть безгранична. Он доводит до бешенства лошадей, загоняет лосей в болото. Человека он приводит в мрачное, тупое озлобление… Это целое сообщество кровососов, работающих посменно, круглосуточно целое лето. Гнус прежде всего поражает и давит своей массой. Он не появляется, а именно наваливается…» Так писал советский географ В. П. Кальянов, прошагавший не одну сотню верст по Сибири. В XVII в. посланник в Китай Николай Спафарий отметил, что в Сибири «от мошек» без специальной защитной сетки «человек ходить не может и получетверти часа».

Нельзя не учесть также, что при неимоверной протяженности переходов раннее замерзание рек и позднее их освобождение ото льда не только замедляли передвижение, но и сильно осложняли снабжение первых переселенцев. Почти все они, не имея возможности сразу же приспособиться к новой обстановке, испытывали периоды как недоедания, так и острого 'голода, постоянно ощущали недостаток в самом необходимом. В частности, ратные люди подолгу вынуждены были служить «великому государю» без жалованья, как они говорили, «с травы и воды». В походах им нередко приходилось питаться «сосновой и лиственной корой» и «всякою скверною».

Характерна судьба отряда Онуфрия Степанова, сменившего Ерофея Хабарова на Амуре. Незадолго до своей трагической гибели (в 1658 г. отряд был разгромлен маньчжурами) он писал в Якутск: «Ноне все в войске оголодали и оскудали, питаемся травою и кореньем… А сойти с великия реки без государева указу не смеем никуда. А богдойские воинские люди под нами стоят близко, и нам против их… стоять и драться стало нечем, пороху и свинцу нет нисколько».

Малейший просчет в организации военно-промысловых экспедиций в сибирских условиях мог привести к трагическим последствиям, как это, например, случилось с участниками похода Пояркова на Амур. Вспомним, что тогда из-за задержки с подвозом «хлебных запасов» от голода и сопутствовавших ему болезней за одну зиму умерло более 40 человек из 132. В случае же кораблекрушения у пустынных берегов «голодною смертью» и «цынгою» нередко умирали все, кому удавалось спастись от разбушевавшейся стихии. Но и вышедшие живыми из подобных испытаний еще долгое время ощущали последствия недоедания,

тяжелой изнурительной работы, страдали от болезней, вызванных переохлаждением, длительным пребыванием в дымных, тесных и переполненных жилищах…

И при всем этом Сибирь была пройдена русскими вдоль и поперек за какие-то полвека. Вот какие чувства вызвал этот факт у известного советского писателя (и, что немаловажно, коренного сибиряка) В. Г. Распутина: «Уму непостижимо! Кто представляет себе хоть немного эти великие и гиблые расстояния, тот не может не схватиться за голову. Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжелые грузы, зимуя в ожидании ледохода в наскоро срубленных избушках в незнакомых местах и среди враждебно настроенного коренного кочевника, страдая от холода, голода, болезней, зверья и гнуса, теряя с каждым переходом товарищей и силы, пользуясь не картами и достоверными сведениями, а слухами, грозившими оказаться придумкой, нередко в горстку людей, не ведая, что ждет их завтра и послезавтра, они шли все вперед и вперед, все дальше и дальше на восток. Это после них появятся и зимовья на реках, и остроги, и чертежи, и записи «расспросных речей», и опыт общения с туземцами, и пашни, и солеварни, и просто затеей, указывающие путь, — для них же все было впервые, все представляло неизведанную и опасную новизну. И сейчас, когда каждый шаг и каждое дело сибирских строителей и покорителей мы без заминки называем подвигом, нелишне бы помнить нам и нелишне бы почаще представлять, как доставались начальные шаги и дела нашим предкам… Для осознания их изнурительного подвига не хватает воображения, оно, воображение наше, не готово следовать теми долгими и пешими путями, какими шли сквозь Сибирь эти герои».

Представление об условиях деятельности русских в Сибири XVII в. не будет полным, если мы пройдем мимо еще одного важного обстоятельства: неизбежных столкновений землепроходцев с местным населением. Как уже отмечалось, огромные пространства за Уралом были присоединены к России, по существу, мирным путем. В Сибири ратные люди чаще погибали от голода и болезней, чем от стычек с коренными жителями. И все же поскольку такие «бои» случались, их нельзя игнорировать. Тем более что при вооруженных столкновениях землепроходцам обычно приходилось иметь дело не со слабым, а с сильным и опытным в ратном деле противником.

Большинство коренных обитателей Сибири в XVII в. находились на той стадии общественного развития, когда наиболее характерной чертой их облика и поведения является воинственность, а война становится, по выражению Ф. Энгельса,

одним из «постоянных промыслов». Это был период разложения первобытнообщинного строя и складывания раннеклассовых отношений.

По описаниям современников широко, например, известны воинственные наклонности эвенков. «Люди воисты, боем жестоки», — отзывались о них в XVII в. русские служилые. «Они очень воинственны, ведут частые войны с соседями», — отмечал и западноевропейский наблюдатель. «Все это здоровые и смелые люди, — писал он, в частности, о «конных» эвенках. — Нередко до полусотни тунгусов, напав на четыре сотни монгольских татар, доблестно разбивают их по всем правилам». В представлении русских людей в XVII в. были «воистыми» и якуты, и енисейские киргизы. Буряты, по словам крупнейшего исследователя Сибири А. П. Окладникова, являлись в то время владельцами данников-кыштымов, «организаторами походов на другие племена, богатым и воинственным народом». Бывало, что они сами же бросали вызов казакам — «звали де их, служилых людей, к себе биться».

«Дух воинственности» отмечался исследователями и у ханты-мансийских «князцов», для которых, по мнению С. В. Бахрушина, «война и военный грабеж долгое время были главным средством существования». Воинственностью и крайней жестокостью отличались некоторые из обитавших в тундре самодийских племен — особенно юрацкая «кровавая самоядь», не признававшая российской власти в течение всего XVII в. Начавшийся к этому времени у ненцев процесс выделения племенной знати сопровождался усилением обычных для данного этапа общественного развития грабительских набегов. Нападениям подвергались не только соседи, но и следовавшие северным «чрезкаменным» путем группы промышленников и служилых. Немало русских людей было при этом убито и переранено. Иной раз они по нескольку дней «сидели от той самояди в осаде», отстреливаясь из-за нарт и других укрытий. Грабеж перевозимых через Урал продовольственных запасов и «соболиной казны» стал для некоторых ненецких родов чуть ли не постоянным промыслом, как и охота за судами, терпевшими крушение в Обской губе.

В качестве активной нападающей стороны, «промышлявшей» перевозимыми русскими грузами, проявляли себя и другие сибирские народы, например коряки. «Геройский дух» и «ужасающая жестокость», по отзывам европейских наблюдателей, были присущи камчадалам. Даже один из наиболее «кротких» и далеких от классового общества народов Сибири — юкагиры — представлял собой, по отзывам очевидцев, «воинственное, на войне жестокое племя». Очень воинственными в это время были

чукчи. В XVII в. они усиленно (и довольно успешно) вытесняли на запад и юг юкагиров и коряков, невзирая на построенные для противодействия их наступлению Нижнеколымский и Анадырский остроги.

Русские, располагая огнестрельным оружием, разумеется, имели на своей стороне большое преимущество и ясно сознавали его. Они всегда сильно беспокоились, если подходили к концу запасы пороха или свинца, подчеркивая, что «без огненной стрельбы» в Сибири «быть нельзя». Действительно, без обладания «огненным боем» с его более высокой, чем у «лучного», убойной силой русским отрядам не удалось бы успешно противостоять неизмеримо превосходящему их по численности коренному населению. У отдельных, наиболее изолированных его групп страх перед огнестрельным оружием наблюдался и много позднее рассматриваемых нами событий, и, возможно, именно поэтому раньше историки были убеждены, что в Сибири XVII в. русским совсем не трудно было побеждать «инородцев».

Были для такой уверенности и еще некоторые причины. С легкой руки Н. М. Карамзина Сибирь в XIX в. именовалась «вторым Новым Светом». В результате, изображая происходившие за Уралом в XVI–XVII вв. события, авторы вольно или невольно подгоняли «покорение Сибири» под наиболее известную им (и, кстати, сильно упрощенную, часто просто неверную) схему испанских завоеваний в Америке. Из одного сочинения в другое переходили чисто умозрительные рассуждения о «легкости» побед над «туземцами» Северной Азии. У читателей создавалось представление о толпах сибирских «дикарей», разбегавшихся, подобно их американским собратьям, при первых же звуках ружейной пальбы или из-за страха перед ней державшихся от «государевых служилых людей» на почтительном расстоянии и потому не причинявших им «никакого вреда».

Подобные построения рушатся при соприкосновении с фактами. Угорские, самодийские и татарские племена задолго до «Ермакова взятья» познакомились с «огненным боем» русских и тем не менее совершали опустошительные набеги на северовосточную окраину России — осаждали и сжигали города, разоряли деревни и слободы, убивали и уводили в плен их жителей, отгоняли скот. Но и те народы, которые до прихода русских не сталкивались с огнестрельным оружием, обычно вовсе не были склонны считать обладавших им людей богами, извергавшими громы и молнии. Во всяком случае, если потрясение и испуг при первых ружейных выстрелах у каких-то сибирских народов и были, то в себя они приходили довольно быстро, после чего стремились скорее заполучить в свои руки

невиданное оружие. Это временами и удавалось. Например, даже находившиеся на уровне каменного века юкагиры при первых столкновениях с русскими обстреливали их из пищалей, взятых у убитых служилых.

В полном противоречии с фактическим материалом находится и утверждение тех же дореволюционных историков, будто стрелы «сибирских инородцев» не причиняли никакого вреда русским. В донесениях служилых людей часто говорится о ранах, полученных в сражениях с «иноземцами». Иные в одном бою получали «ран по пяти, по семи, и по восемь»; переранено бывало и большинство участвовавших в схватке, а то и абсолютно все. Ранения эти могли иметь самые печальные последствия, поскольку в Сибири некоторые племена умели отравлять стрелы смертоносным ядом. Стрелками же сибирские жители были отменными. О самоедах известно, что они попадали из лука в едва различимую монетку. «Стрельцы скоры и горазды», — отзывались о них русские. Хорошо владели некоторые сибирские народы и таким оружием, как праща. По свидетельствам служилых, чукчи, метая камни, «щиты дощаные пробивали и котлы».

Пищали в руках ратных людей были для своего времени, конечно же, грозным оружием, однако не следует забывать, насколько сложна была стрельба из громоздких и тяжелых, в основном фитильных ружей XVII в. Всего по 12–16 выстрелов обычно производили из них за целый день ожесточенного сражения. Отсюда неизбежность рукопашных («съемных») боев, где преимущества русских часто сводились на нет не только многочисленностью, но нередко и хорошим вооружением их противников.

«При постоянных войнах и набегах жители тундр были вооружены с головы до ног», — писал С. В. Бахрушин. Прекрасное вооружение, в том числе защитное, имелось у якутов. По рассказам служилых людей, они были «доспешны и вои-сты», во время боев надевали крепкие «куяки» (доспехи из пластин, нашитых на кожаную или матерчатую основу) и «напускались» на врага в конном строю «с копьи и с пальмами» (тяжелые ножи на древке). Русские высоко ценили якутские «пальмы» и «куяки» и охотно приобретали их — покупали, выменивали, брали во временное пользование (как бы напрокат) перед походами. Так, в отправившемся на Амур отряде Пояркова среди снаряжения было и 70 «куяков якутских». «Доспешными» у якутов бывали не только воины: в документах упоминаются кони «в железных досках», «конные куяки».

У не имевших развитого железоделательного промысла

народов наряду с металлическими встречались «костяные куяки и шишаки» (шлемы), которыми при случае не пренебрегали и русские служилые люди. Из описаний вооружения эвенков в XVII в. видно, что их воины выступали «збруйны и оружейны, с луки и копьи, в куяках и шишаках, в железных и костяных», в наручнях и со щитами. «Вооруженные пальмами, копьями, в шишаках, одетые в куяки, с неизменным боевым луком и с колчанами стрел, тунгусские воины производили внушительное впечатление на русских», — замечает советский исследователь Н. Н. Степанов.

Добавим, что впечатление это не было чисто внешним.

Сибирские «иноземцы» нередко наносили «государевым служилым людям» серьезные поражения. Так, чукчи даже в XVIII в. не раз «громили» отправлявшиеся на Чукотку военные отряды. Правда, там, в безлесной гористой местности и к тому же на суше, русские обычно чувствовали себя неуверенно: трудно было построить укрепление, «отсидеться» на судах и т. д. Но военные неудачи у служилых людей случались и в более привычной им таежной зоне. «А в тех, государь, службах многих нас, холопей твоих, тунгуеские и иных землиц люди побивали», и «от иноземцев, новых землиц проведываючи, великое позорство терпим», — жаловались, например, енисейцы в Москву в конце 20-х гг. XVII в.

«Государевы ратные люди» терпели поражения не только при неожиданных нападениях, когда на стороне коренных жителей могли быть и лучшее знание местности, и фактор внезапности. Даже хорошо укрепленные русские остроги брались порой сибирскими «иноземцами» в ходе «жестоких приступов». Откровенно и бесхитростно объяснили причины своего ухода с Тихоокеанского побережья служилые люди в 1635 г., после того как эвены сожгли Охотский острожек: «Жить де на Охоте от иноземцев не в силу». Укрепления же самих «иноземцев» бывали настолько основательны, что иные их городки русским приходилось брать по всем правилам военного искусства того времени: с сооружением на подступах к крепости осадных «острожков» и башен, откуда можно было обстреливать внутреннее пространство осажденного городка, с использованием для прикрытия специальных «щитов», которые шедшие «на приступ» «катили» перед собой, и т. д.

Но особенно трудно доставались служилым людям победы в столкновениях с кочевыми народами южной Сибири. Быт скотовода-кочевника вырабатывал навыки профессионального воина почти у всего мужского населения степной и лесостепной полосы. Это делало их высокоманевренное и хорошо вооруженное

войско сильным и чрезвычайно опасным противником.

По описаниям очевидцев, южносибирские кочевники «являются быстрым и опасным врагом», «очень ловко обращаются» с луком и стрелами, «никогда не идут в набег без кольчуги и пик», «выходят в бой прекрасно вооруженными, т. е. в шлемах, с копьями и в кольчугах». -В защитном вооружении «государевы служилые люди» далеко не всегда были на равных с ними и не раз сетовали как на потери из-за отсутствия доспехов в боях с хорошо защищенным противником, так и на недостаток пороха, свинца и удобного для сражений в конном строю огнестрельного оружия. Нередко было ниже и качество защитного вооружения русских. Как писал А. П. Окладников, «воистые» бурятские наездники… хорошо снабжаемые железом, ездили в крепких металлических латах, превосходивших «ветчаные», т. е. обычно обветшавшие йуяки казачьей пехоты и конницы, и мало уступали в своем вооружении казакам».

Преимущества «огненного боя» русских наиболее полно раскрывались в обороне, при наступательных же действиях были минимальными. В степи ратные люди, разумеется, могли, укрепясь «табором» (поставленными вкруг телегами и т. п.), отбить нападения намного превосходящих сил, но при решающих сражениях в конном строю скорострельный лук даже в сухую погоду успешно соперничал с неуклюжими «самопалами». Дождь же мог стать причиной полного поражения углубившегося в степь русского войска (как это случилось в 1693 г. у озера Се миску ля в Западной Сибири, когда был уничтожен большой — в несколько сот человек — отряд дворянина Василия Шульгина).

Поскольку исход сражений со степняками обычно решался в ближнем бою, необходимой предпосылкой успешного похода считалось хотя бы равное с врагом по численности соотношение сил, на что, однако, было трудно рассчитывать в Сибири на раннем этапе ее освоения. Со временем положение осложнилось еще и тем, что южносибирские кочевники сами стали довольно широко и успешно применять огнестрельное оружие. Например, у енисейских киргизов пищали появились по крайней мере уже с начала 40-х гг. XVII в.

Но все-таки в Сибири победы в боях чаще всего одерживали русские. Бывало, что землепроходцы отважно бросались в рукопашную схватку с вдесятеро превосходившим их по численности противником и наголову разбивали его. И чтобы понять причины этого, недостаточно рассуждений о «превосходстве ружья над луком». Если коротко охарактеризовать действия землепроходцев в боях, то лучше всего повторить оброненную одним из исследователей их подвигов фразу:

«сражались умело, отчаянно».

Отчаянная смелость этих, как правило, бывалых, привычных и готовых ко всему и на все, отчаянных людей производила впечатление и на сторонних наблюдателей: вспомним оценку хабаровских казаков маньчжурами — «храбрые как тигры». Именно она, эта отчаянная смелость, парализовывала волю противника и удесятеряла собственные силы, и она же в соединении с воинским умением позволяла землепроходцам одерживать верх не только над вооруженным стрелами и копьями, но и над равным в снаряжении и притом превосходящим по численности врагом, например над маньчжурами, несмотря на их «приступные мудрости» и «огненный бой».

Заметим, что здесь мы сталкиваемся отнюдь не с уникальным явлением в истории: она знает немало примеров, когда находившийся «на подъеме», переживавший свой «звездный час» народ одерживал такие же победы. Взлет социальной активности русских людей произошел в конце XVI–XVII в. и на восточной окраине нашей страны, и в первую очередь благодаря ему Россия всего за одно столетие обрела Сибирь.

Вместе с тем совершенно очевидно, что единовременное выступление значительного количества коренного населения против русских на сколько-нибудь значительной территории Сибири в XVII в. привело бы не только к остановке всякого их продвижения в глубь Северной Азии, но и к утрате уже приобретенных земель.

Правящие круги России, видимо, сознавали это и стремились прежде всего использовать для проведения в жизнь своей политики методы невоенного, дипломатического воздействия. За Урал отсылались строгие предписания «приводить иноземцев под… государеву руку» и собирать ясак «ласкою и приветом, а не жесточью», стараться не чинить с ними «за-доров» и «драк» и т. д.

Мы знаем, однако, что при всех успехах сибирских «дипломатов» из тех же служилых людей «задоры» и «драки» у русских с коренными жителями Сибири бывали. Вместе с лютыми морозами, кораблекрушениями, голодом и болезнями военные столкновения уносили жизни первопроходцев. Достаточно вспомнить потери в людях лишь наиболее известных сибирских экспедиций XVII в., чтобы убедиться в полной несостоятельности утверждений о легкости «покорения Сибири».

Из 30 человек отряда Добрынского, положившего начало присоединению Ленского края, вернулись 15; из 132 человек, принявших участие в походе Пояркова на Амур, погибло, по словам очевидцев, «человек с 80»; из 90 (или 105) человек,

отправившихся с Дежневым и Алексеевым вокруг Чукотского полуострова, благополучно добрались до цели лишь 12; из 60 ходивших в поход с Атласовым на Камчатку служилых в живых осталось 15 человек. Этот перечень можно продолжить, но ведь были и целиком погибшие, и оставшиеся нам совершенно неизвестными экспедиции.

Конечно, общая численность людских потерь в Сибири уступает тем, которые Россия понесла, пробиваясь, например, к Балтийскому и Черному морям. Однако нельзя забывать, что счет людям и людским потерям за Уралом был особый. В дошедших до нас правительственных документах прямо (и совершенно справедливо) говорилось, что в Сибири десятки и сотни человек значат то же, что в европейской части страны — тысячи. Как известно, всего около 7 млн. человек проживало в России в конце XVI — середине XVII в. И тот поток переселенцев, который направлялся в Сибирь, был, пожалуй, максимально возможным для страны, постоянно страдавшей при огромных размерах от малолюдья.

Впрочем, представление о трудности или легкости путей, как мы уже видели, определяется не только числом погибших первопроходцев…

Сибирь дорого обошлась русского народу. Об этом не следует забывать, оценивая деятельность тех, кто, шагнув за порог неведомого, первым преодолел и первым освоил гигантские пространства Северной Азии.

ПОДВИГ ОТКРЫТИЙ

У каждой эпохи своя мораль, своя этика, и то, что большинству людей представляется несправедливым сейчас, могло быть обычной нормой поведения несколько столетий назад.

Как заметил Н. М. Карамзин, «мы должны судить о героях истории по обычаям и нравам их времени». Укажем в этой связи, что и в средние века, и много позднее качествами, ценившимися в человеке больше всего, были отвага и сила, а во взаимоотношениях одних народов с другими правым (и лучшим) считался тот, кто оказывался сильнее.

Землепроходцы XVII в. были, конечно, людьми своего сурового времени. Если оценивать их деятельность с морально-этических позиций современного человека; то нельзя не заметить, что поступки землепроходцев нередко отличала жестокость, а определяла обыкновенная корысть. Вместе с тем нас и сегодня не могут не привлекать в них отвага и решительность, предприимчивость и изобретательность, удивительная стойкость в преодолении трудностей и невзгод, а также ненасытная любознательность. Прежде всего благодаря этим своим свойствам они прошли за невероятно короткий срок всю Сибирь, собрали о ней первые достоверные сведения и положили начало ее изучению.

Экспедиции землепроходцев, как правило, преследовали не только военно-промысловые, но и разведывательные, т. е. по сути дела исследовательские цели. В соответствии с полученными от воевод «наказами» служилые люди обычно должны были «смотреть того накрепко… от которой реки от устья до устья ходу парусом или греблею, и расспрашивать про те реки подлинно, как те реки слывут и отколево вершинами выпали… и землицам и рекам и всяким местам чертеж подать». Участники походов должны были также выяснить, «какие люди по тем рекам и вершинам живут и чем кормятся… и зверь у них соболь есть ли… и кто у них… землицами владеет… и товары к ним какие приходят, и на какие товары… торгуют» и многое другое.

Советский географ Д. М. Лебедев, изучив составленные по этим наказам «отписки» и «скаски», пришел к выводу, что они «говорят о большой любознательности и точности восприятия русских «землепроходцев» и «мореходцев», хотя… они вряд ли отчетливо сознавали, что их наблюдения представляют какой-то более широкий, чем узкопрактические задачи, географический интерес… Их донесения не являются стройным описанием

виденных новых мест. В подавляющем большинстве случаев изложение следует в порядке маршрута и представляет собой подорожную запись. Добросовестнейшее перечисление многочисленных рек и волоков с указаниями расстояний между ними в днях пути и, гораздо реже, в верстах перемежается с сообщением всего того, что сами путники или лица, ведущие опрос, сочли необходимым записать. По уровню своего развития как спрашивающие, так и путешественники не могут дать сколько-нибудь широких обобщений, исторических справок и т. п. Но они обнаруживают большой интерес к природе, населению и хозяйству вновь открытых местностей, зоркость и точность наблюдения».

К началу XVIII в. на севере Азии практически необследованными оставались лишь внутренние районы Таймыра и Чукотки, гористые и безлесные, малопривлекательные для служилых и промышленных людей из-за отсутствия соболя и труднодоступности. В целом же к этому времени русские собрали вполне достоверные и подробные сведения о Сибири. Там, где накануне «Ермакова взятья» западноевропейские картографы могли вывести лишь пресловутое «Тартария» («Страна татар»), стали вырисовываться все более приближавшиеся к реальным очертания гигантского материка. «Отписки», «скас-ки» и «чертежи» землепроходцев были наполнены подробными и бесценными по тем временам сведениями о главных и «сторонних» реках Сибири, горных хребтах и «незнаемых» ранее народах, о природных особенностях и богатствах «от века неслыханных» земель. Вся эта огромная и совершенно необходимая для освоения сибирских просторов работа была проделана всего за одно столетие. «Такого огромного масштаба, такой быстроты и энергии в исследовании новых стран не знала история мировых географических открытий», — заметил С. В. Бахрушин.

Открытия русских первопроходцев далеко не всегда понимались и оценивались должным образом царским правительством, держались, как правило, в тайне и нередко просто забывались, но все же становились достоянием мировой науки. Сведения, добытые сибирскими служилыми и промышленными людьми, не оседали «мертвым капиталом» в архивах московских приказов, а проникали различными путями далеко за пределы страны. Исследователь западноевропейской литературы М. П. Алексеев писал: «Именно русские открыли европейцам северную Азию — через посредство иноземцев, бывавших в Москве. Они осветили далекие северные просторы, оказав самое значительное влияние на развитие познания земли».

Таким образом, есть все основания говорить о землепроходцах не только как о людях, первыми из европейцев достигших тех или иных районов, но и как о первооткрывателях Сибири, ставшей благодаря им известной всему цивилизованному миру.

Занятые поисками путей в Китай западноевропейские путешественники и географы целое столетие черпали сведения о Северной Азии, по сути дела, лишь из тех источников, к которым смогли получить доступ в России. Они переносили на свои карты данные из русских «чертежей», переводили на свой язык «расспросные речи» и «отписки» землепроходцев, а также составленные на основе этих документов «дорожники» и иные материалы. В некоторых западноевропейских сочинениях того времени русских называли «великими путешественниками». В трудах иностранных писателей находили отражение результаты экспедиций Алексеева — Дежнева, Пояркова, Атласова и ДР-, уделялось большое внимание результатам русских посольств в Китай. При этом в Западной Европе воспроизводились не только ныне известные документы о походах землепроходцев, но и до наших дней не сохранившиеся.

Издавались за рубежом и русские «чертежи». Так, в Швеции была напечатана тайно вывезенная послом этой страны из Москвы сводная карта Сибири, составленная в 1667 г. в Тобольске при воеводе П. И. Годунове на основании собранных к этому времени и по большей части не дошедших до нас отдельных «чертежей», а также «ра, сспросных речей» и «отписок».

Конечно, научная значимость полученных землепроходцами XVII в. сведений была далека от добытых российскими учеными в следующем столетии, когда географическая наука в нашей стране поднялась до общеевропейского уровня. Однако хорошо известно высказывание В. И. Ленина: «Исторические заслуги судятся не по тому, что не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками». С этим нельзя не согласиться и уместно лишь дополнить словами английского ученого Дж. Бейкера: «К концу целого столетия географических исследований русские выявили важнейшие географические черты Северной Азии… Достижения русских были замечательны и если не носили строго научного характера, то по размаху и точности наблюдений выдерживают в свою пользу сравнение с работой французов в Северной Америке в ту же эпоху».

Заметим также, что хотя уровень географических знаний мог в то время и не позволить русским первопроходцам подняться до осознания сути сделанных ими открытий (например, понять

значение обнаруженного ими пролива между Азией и Америкой), но представление о важности свершаемых дел, как и понятие о первенстве в открытии, о приоритете, было этим людям в значительной мере присуще. «А преж, государь, меня в тех местах никакой русский человек не бывал», «и наперед де сего… на той реке русских людей никого не бывало, проведал тое реку я», — не раз с гордостью писали в Москву сибирские служилые люди.

«Чертежи» землепроходцев по технике исполнения были, разумеется, далеки от уровня передовой европейской картографии (в них, например, отсутствовала градусная сетка, не выдерживался масштаб), но они вполне отвечали тем практическим целям, которые намечались в ходе освоения Сибири в XVII в., так как обычно составлялись тщательно и добросовестно. Показателен случай, описанный географом В. Н. Скалоном. Работая в 1929 г. над картой реки Таза, он обнаружил, казалось, невероятное: «Чертежи XVII века стояли ближе к действительности, чем те, что были выпущены два века спустя». Но это не единственный случай такого рода. По мнению известного путешественника и естествоиспытателя XIX в. А. Ф. Миддендорфа, из сибирских «чертежей» XVII в. вообще «можно почерпнуть кое-что для улучшения даже новейших карт России». Миддендорф, кстати, на собственном опыте убедился, что в Сибири кое-где удобнее было мерить расстояния не верстами, а «возвратиться к первобытному, хотя и неточному, но не испорченному счету днями пути».

Совершенно очевидны две истины:' без работы, проделанной землепроходцами, не было бы и замечательных результатов Великой Северной и других экспедиций XVIII столетия; накопленные в XVII в. сведения стали фундаментом всего последующего знания о Сибири. И нам остается лишь повторить за С. В. Бахрушиным, что «если бы не мужество и упорство русских промышленников и служилых людей, громадное пространство… оставалось бы еще на долгое время так же недоступно для науки, как были закрыты для нее до XIX в. истоки Нила в Центральной Африке».

XVII век с полным правом может быть отнесен к эпохе великих русских географических открытий.

«ГОРОДОВОЕ ДЕЛО»

Присоединение сибирских земель к России шло одновременно с их хозяйственным освоением. Это были две стороны одного и того же процесса превращения Сибири в неотъемлемую часть Русского государства.

По сравнению с историей географических открытий, хозяйственное освоение сибирских просторов выглядит, может быть, более скромно. Оно менее насыщено яркими, запоминающимися событиями, а потому и менее известно. Это, однако, не должно умалять ни важности, ни величия трудового подвига освоения, представляющего собой закономерный этап сибирской истории, выросший из предыдущего, тесно связанный с ним, но самый продолжительный. Видоизменяясь, он длится и по сей день, является частью нескончаемого процесса преобразования природы человеком и* по выражению советского писателя И. М. Забелина, относится «к самой главной и светлой стороне человеческой деятельности». «Путешественники-первооткрыватели, — пишет он далее в своей книге «Встречи, которых не было», — для того и прокладывали дороги в неизвестное, чтобы следом за ними пришли… люди с топорами и лопатами, пришли преобразователи… Хочется верить, что, наряду с книгой по истории географических открытий, будет написана еще одна, не менее интересная книга — история географических преобразований, история освоения земель, открытых путешественниками и мореплавателями».

Такая книга пока не написана. Но условия и возможности для ее написания уже есть. Учеными к сегодняшнему дню выявлен, проанализирован и, как говорят, введен в научный оборот (т. е. опубликован) огромный материал о трудовом подвиге русских людей в Сибири. На основе этого материала можно создать не одну книгу. Мы бегло коснемся его и остановимся лишь на основных направлениях хозяйственной деятельности русского человека на севере Азии в XVII столетии.

На начальной стадии освоения Сибири русские переселенцы оседали на жительство в построенных первопроходцами «городах» и «острогах». Это были небольшие, разбросанные на большом расстоянии друг от друга укрепленные селения, которые постепенно разрастались и преображались. Из них со временем выделялись, как бы отпочковывались, новые населенные пункты, временные и постоянные. Стук топора — это первое, чем возвещал русский человек о своем поселении в любом уголке

Сибири, а свежий бревенчатый сруб на берегу пустынной реки уже наглядно и неоспоримо свидетельствовал о начале совершенно нового этапа освоения этих земель. Город как общественное явление на большей части сибирской территории впервые возник лишь в ходе русской колонизации. К ее началу Сибирь знала только крепости-убежища.

В таежной зоне города нередко вырастали из зимовий — временных прибежищ служилых и промышленных людей. Строились зимовья нескольких типов. Простейшее — «зимовье по-промышленному» — представляло собой «курную» (с печью без трубы) «избу с сенцы» без всякого «острожного заводу», с плоской крышей и маленькими окнами. Однако более распространенными являлись зимовья усложненной конструкции — с «нагороднями», когда продолженный выше перекрытия сруб поднимался над плоской крышей на 1–1,2 м. Он образовывал на ней подобие стен, в результате чего зимовье приобретало вид одиноко стоящей крепостной башни. Многие зимовья имели тыновую ограду с прорезями для стрельбы — бойницами, и такое поселение приобретало вид небольшого острожка.

Остроги тоже бывали разные. Общим правилом являлись стены из вертикально поставленных бревен. Стена, однако, могла быть «стоячей» и «косой» (с наклоном внутрь укрепления), с помостом для «верхнего боя» и без него, врытой в землю или поставленной (с опорой на специальные подставки — «козлы») непосредственно на грунт, как это чаще всего бывало у «косых острожков», которые обычно предпочитали строить в районах вечной мерзлоты. Стены бывали высокими (до 6 м) и сравнительно низкими (2–4 м). Сильно отличались остроги друг от друга по количеству и форме башен.

Если башен было больше четырех, то укрепление могло уже называться «городом». Однако главное отличие «города» от «острога» в начальный период освоения Сибири заключалось в другом — в особенностях конструкции стен. «Город» должен был иметь более прочные, «рубленые» стены — чаще всего «городни», т. е. соединенные друг с другом и башнями срубы прямоугольной формы (получалась как бы непрерывная цепь бревенчатых изб, образующих крепостную стену).

Правда, в названии селения большое значение имела сила традиции, привычка, и нередко возникшие на базе небольших крепостей города именовали до самого конца XVII в. «острогами», несмотря на большое количество башен и рубленые стены.

Башни сибирских городов обычно были четырехугольными, реже — шести- или восьмигранными. Их часто дополняли смотровыми надстройками, в результате чего высота башни от

земли до венчавшего остроконечную шатровую крышу «орла» могла достигать 16, 20, 26, 46, 50 метров. Высота рубленых стен в крупных городах доходила до 6–7 метров.

В Сибири городни чаще всего не засыпали землей и камнем, как это обычно делалось в Европейской России для защиты от артиллерии. Они, как и башни, являлись не только крепостными сооружениями, но и хозяйственными, иногда жилыми помещениями: служили амбарами-хранилищами, тюрьмами, караульными и т. д. В башнях устраивались также часовни и церковные звонницы. Вместе с тем в крепостные стены нередко встраивались всякого рода хозяйственные постройки, церкви, которые в случае необходимости использовались как крепостные сооружения.

Такие строения имелись в большинстве «государевых» острогов, поскольку почти каждый из них одновременно являлся центром управления определенной округой. Кроме жилых домов, там, как правило, были «съезжие избы» (канцелярии), церковь, «государевы амбары» (причем иногда в 2–3 этажа), в которых хранились порох и свинец, пушнина, «хлебные припасы» (мука, крупы и т. д.).

Сибиряки XVII в. стремились как можно полнее использовать внутреннее пространство своих городов и острогов, но с ростом населения жители начинали жаловаться на «тесноту великую» и стремились расселяться за пределами первоначально занимаемой городом территории. Там можно было расположиться с привычным размахом — не только поставить дворы (так назывались жилые дома с комплексом хозяйственных построек), но и развести огороды, для чего, например, участки размером вдоль и поперек по 5–7 сажен считались уже совершенно недостаточными.

Со временем город, не терявший военного значения, окружался вторым кольцом укреплений (но уже более легкой конструкции), а часто и третьим, приобретая весьма живописный и даже величественный вид. Вот как описывает облик первых сибирских городов историк архитектуры В. И. Кочеда-мов: «Шатровые башни кремлей, колокольни и храмы были видны отовсюду. Цельности восприятия способствовала и цветовая гамма основного материала — дерева, от грубых мостовых до изящного лемеха (дощечки для покрытия крыш. — Н. Н.) кровель башен. Основному ядру города вторили здания приходских церквей… Обычно они свободно стояли на небольших площадях, часто окруженные рощицами… Узкие улицы выводили на обширные торговые площади, над зыбью крыш одноэтажных домов возвышались башни крепостей, запутанному лабиринту

улиц противопоставлялась линейная четкость крепостных стен… человек постоянно видел резко преобладавшие по высоте постройки кремля и мог легко ориентироваться… Общественными центрами ранних сибирских городов были обширные торговые площади». Они «не имели четких границ и формировались несложным набором общественных построек (таможенная изба… торговые ряды, гостиный двор и церковь)… Но иногда крепость стояла не на самом берегу, а занимала близкую возвышенность. Тогда между площадью и пристанью возникала торговая улица…»

Мастерство строителей первых сибирских городов привлекало пристальное внимание посещавших Сибирь иностранцев, а ныне оно все больше удивляет и восхищает наших современников. Много уникального открыли исследователи в дошедших до нас шедеврах деревянной архитектуры Сибири того времени (например, в знаменитой Спасо-Зашиверской церкви, перенесенной недавно из Заполярья в новосибирский Академгородок). Интересные находки ждали ученых и при изучении найденных в архивах описаний не сохранившихся до наших дней строений, при археологических раскопках на территории старинных городов Сибири. Выяснилось, например, что одна из башен в Сургуте насчитывала 85 «венцов» (рядов бревен), что в далекой заполярной Мангазее на башне были часы с курантами, Что в Илимске действовал деревянный водопровод и т. д.

Остановимся подробнее на Тобольске — столице Сибири XVII в. Он был не только самым большим, но, пожалуй, и самым красивым городом края. Посетивший Тобольск в 1666 г. иностранец так описывает его: «Город делится на две части… одна… находится на горе, а другая — у подножия ее, у реки… На верхушке горы, прямо над рекой находится острог, сделанный только из дерева; он имеет вокруг себя красивую деревянную стену, в которой бревно лежит на бревне, как строят избы; она достаточно высока; на верху ее находится крытая галерея, в которой вырублены бойницы; внизу такой же системы постройки стена с камерами, в которых теперь хранится казна;…она также имеет 9 красивых деревянных башен о восьми углах, крепко построенных, двое ворот, обращенных к городу, и одни — к воде. В этом остроге нет других зданий, кроме государевых приказов или канцелярий, дворца, в котором живет воевода, и небольшой русской церкви, сделанных из дерева, а также отделанного камнем и похожего на погреб сооружения, в котором хранится амуниция; сверху он покрыт землей и порос травой… В той же части города находится… большой монастырь, в котором имеет

свое местопребывание митрополит… Что же касается нижнего города, лежащего под горой, у реки, то он больше по размерам и, подобно верхнему… имеет только одну большую улицу, проходящую через него, но также ряд маленьких улиц и узких переулоков, так как дома очень тесно стоят друг к другу… Около самой воды расположен довольно большой монастырь…»

Шестая по счету тобольская крепость (1678 г.), как выяснил В. И. Кочедамов, представляла собой грандиозное сооружение. Это был девятибашенный «город», к которому с двух сторон подходил ограждавший посад «острог». «Стена, повторявшая своим расположением очертания обрывистого берега, имела многократные изломы, придававшие кремлю живописный характер. Главная башня кремля имела «от земли до орла 23 сажени с аршином… и… орел с короною 2 сажени без аршина». Имеются сведения и о размере стен: «…до кровли 3 сажени с аршином». Стена была срублена из толстых шестивершковых бревен». (Сажень равна 216 см, аршин — 72 см, вершок — 4,5 см.)

А в конце XVII — начале XVIII в. в нагорной части Тобольска ужебыло построено много каменных зданий, получивших общее название кремля — самого, пожалуй, красивого и величественного сооружения Зауралья. По словам А. П. Окладникова, «Тобольск с его кремлем, с высокими башнями и грандиозным собором, как бы парящими над просторами Сибири, явился зримым выражением величия и мощи Русского государства, конкретным свидетельством неразрывной связи Сибири… с Русью».

Живописный вид сибирских городов и острогов в немалой степени объясняется их расположением. Крепости обычно строили на возвышенных участках — на кручах в развилках рек, на высоких обрывистых берегах. Это, конечно, вряд ли следует рассматривать как стремление строителей учесть красоту окружающего пейзажа. Они руководствовались сугубо практическими соображениями.

Город должен был располагаться «крепко» и «усторожливо» в военно-оборонительном отношении. Подступы к крепости старались поэтому прикрыть водной преградой, оврагами, болотами. Выбор места для города был делом весьма ответственным. Этот вопрос, как правило, решался на самом высоком уровне с обязательным привлечением специалистов «городового дела». Выбор места сопровождался его письменным обоснованием, составлением «чертежей», «росписей» и «смет», нередко служил предметом ожесточенных споров между представителями царской администрации. Бывали и неоднократные пересмотры принятых решений.

Любопытны обстоятельства постройки Братского острога в 1631 г. Основавший его Максим Перфильев имел наказ, согласно которому место будущего города определялось, исходя из «высмотра» Петра Бекетова, предлагавшего для острога левобережье Ангары около устья ее притока Оки. Выбранный им участок хотя и примыкал к бурятским кочевьям, но был отде-ˆлен от них широкой водной преградой: «Буде братские люди не похотят давать острогу ставить и похотят с государевыми людьми биться, и им де будет за реку домышляться мешкотно, а государевым де людям на заречной стороне будет усторожливо». Но Перфильев из-за напряженной военно-политической обстановки предпочел место подальше от бурятской земли — не доходя 40 км до устья Оки. Он объяснил свой выбор тем, что в случае принятия бекетовского варианта в остроге во время осады придется «помереть голодной смертью», не дождавшись подмоги, так как из-за порогов до устья Оки «на кочах не подняться не токмо одним летом, но и в полтора лет».

Внимательно изучало московское правительство проект сооружения постоянного острога возле озера Ямыш — центра соледобычи, расположенного в верховьях Иртыша далеко к югу от русских селений. Тобольские служилые Гроза Иванов и Дмитрий Черкасов в 1626 г. обследовали это место и отправили в Москву составленные ими «соляному Ямышу озеру чертеж и роспись». Из них следовало, что из-за многолюдства кочевавших близ озера калмыков устоять в случае нападения мог лишь острог с сильным гарнизоном. Однако содержание его обошлось бы слишком дорого, а' издержки казне на новом месте восполнить было трудно: «…С калмацкими людьми торгу чаять небольшого и в том остроге прибыли чаять мало… Пашенных мест нет, и пашни завесть и хлеба на служилых и на жилецких тутошных людей напахать негде, и всяких угодий мало, и лесу хоромного нету». Ознакомившись с представленными материалами, правительство решило отложить сооружение острога до лучших времен.

Воеводам нередко предписывалось ставить новый острог, лишь «поговоря» о его месте со служилыми людьми. Взаимопонимание при этих «разговорах» достигалось далеко не всегда: для казаков и стрельцов вопрос о месте будущего поселения и службы имел не отвлеченное, а жизненно важное значение, и служилый «мир» обычно активно и небезуспешно отстаивал свои интересы. Например, Кетский острог в 1631 г. был перенесен, вопреки мнению воеводы С. Шелешпанского, на то место, которое выбрали служилые люди.

Однако при всей продуманности шагов по строительству сибирских городов Москва не придавала решающего значения

природным условиям, когда определяла место для нового города. На первый план чаще всего выходили другие соображения. Города и остроги в первую очередь стремились основать в гуще ясачного населения, рассматривая их либо как опорные пункты для дальнейшего продвижения в глубь Сибири, либо как необходимое условие для сдерживания «немирных орд», либо как то и другое одновременно. Принимались во внимание и пути движения торговых и промышленных людей, контроль над которыми давал немалый доход казне.

Поэтому жителям сибирских городов и острогов нередко приходилось терпеть большие неудобства, самым частым из которых при недостатке высоких участков было наводнение, а при их наличии — трудности с водоснабжением. Показательно, что подтопляемые во время половодий остроги часто переносились с места на место, но стойко держались в избранном районе, так как были там необходимы. Для расположенных же на «высоких местах» поселений особенно опасными были пожары. Наиболее пагубно этот бич всех русских городов отразился на развитии сибирской столицы. Только с 1658 г. по 1701 г. Тобольск горел 10 раз.

Восстановление сгоревших городов, ремонт подмываемых водой и обветшавших строений наряду с возведением их заново были постоянным и наиболее распространенным в XVII в. видом трудовой деятельности русского человека в Сибири, представляли собой основное содержание градостроительного освоения ее территории. Являясь одним из самых ранних и главных занятий переселенцев, строительное дело сопровождало каждый шаг русского человека за Уралом и стало в XVII в., соответственно, одним из самых упорядоченных. Мы видим довольно четкий порядок не только при основании сибирских городов, но и при перестройке, ремонте зданий и тому подобных работах.' И если о сооружении своих жилищ переселенцы обычно заботились сами, то восстановление, перенос и расширение городских укреплений, строительство и ремонт казенных зданий считались государственной повинностью и возлагались на все городское и уездное население. Когда местных жителей оказывалось недостаточно, присылались служилые из других городов. Городовая повинность была очень тяжелой, и многие предпочитали собрать деньги и нанять вместо себя людей.

К началу XVIII в. служилые и «иных чинов» люди возвели в Сибири в общей сложности около 150 крепостных сооружений. Правда, из городов и острогов XVII в. лишь 20 стали уездными центрами: Тюмень, Тобольск, Пелым, Берёзов, Сургут, Тара, Нарым, Верхотурье, Туринск, Мангазея, Томск, Кетск, Кузнецк,

Енисейск, Красноярск, Илимск, Якутск, Нерчинск, Иркутск, Албазин.

Для территории свыше 10 млн. км2 это, конечно, немного, но и немало, если учесть скудость людских ресурсов, крайне слабую плотность населения и суровый климат. Трудно переоценить значение этих, казалось бы, крохотных островков европейской цивилизации для истории Северной Азии. Они полнее всего олицетворяли новую, русскую Сибирь для ее коренных жителей, связали этот огромный дикий край в одно целое и заложили основу всех будущих его преобразований.

На примере сибирского города хорошо видна справедливость слов основоположника городского краеведения в России профессора И. М. Гревса: «Города — это… высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов… Город… самое яркое и наглядное мерило уровня культуры, а история города прекраснейший путеводитель ее хода и судеб».

На сибирские города и остроги жизнь обычно возлагала несколько важнейших задач: обеспечивать оборону края, управление им, сбор налогов с населения; они должны были служить местом торговли, промышленного производства, перевалки грузов и т. д. Но для каждого отдельно взятого города в каждый из периодов его развития какая-то задача была самой главной. Она и определяла лицо данного города как прежде всего военно-административного или торгово-промышленного центра.

Однако, даже не становясь экономически развитыми центрами, укрепленные поселения Сибири играли наиболее важную роль в истории края как опорные пункты именно хозяйственного освоения его громадных и труднодоступных территорий. Хозяйственная деятельность русских людей на всем пространстве от Урала до Тихого океана стала возможной в первую очередь благодаря появлению в Сибири городов, но вместе с тем и сама в немалой степени вызывала их появление. О различных видах этой деятельности и пойдет речь далее.

ПУШНОЙ И РЫБНЫЙ ПРОМЫСЛЫ

В XVII в. в хозяйственный оборот России была включена, по сути дела, вся Северная Азия, и главная роль на начальной стадии ее освоения принадлежала промысловой колонизации. Она явилась не только первым, но длительное время и основным видом использования природных богатств на большей части сибирской территории, особенно к востоку от Енисея.

Первые русские переселенцы оседали в Сибири прежде всего по берегам ее главных рек, которые становились как бы «каркасом» первоначального расселения. Реки служили там главными, а часто и единственными дорогами, давали важнейший источник существования — рыбу. Приречные земли обычно более всего подходили и для хлебопашества, и для скотоводства. Но междуречья в XVII в. также осваивались, и делали это в основном охотники за пушным зверем — промышленники.

По своей общей численности промышленники уступали таким группам русского населения Сибири XVII в., как служилые люди и крестьяне. Однако в отдельных ее районах в это время численность промышленников оказывалась либо равной количеству охотников из коренного населения (в Якутии и Енисейском крае в 40-х гг.), либо даже превосходила его (в Манга-зейском уезде в начале XVII в.).

Всемерно содействуя присоединению обширнейших территорий к Российскому государству, промышленники укрепляли его могущество еще и тем, что обогащали «государеву казну» сданными в виде десятинной пошлины мехами, и в итоге давали такое количество ценной пушнины, которое намного превышало ясачный сбор. Вплоть до XVIII в. благодаря усилиям именно промыслового населения Сибири Россия занимала первое место в мире по добыче и вызову за рубеж дорогих мехов— этого «мягкого золота».

Начало бурного развития соболиного промысла приходится на 20-е гг., а период наивысшего подъема — на середину XVII столетия. Главным промысловым районом к тому времени стала Восточная Сибирь. Западная уступала ей не только в количестве, но и в качестве соболя (чем более суровым является климат, тем пышнее становятся шкурки зверей, а к востоку от Енисея морозы сильнее).

Районы интенсивного пушного промысла находились далеко

от наиболее заселяемых мест, и промышленники направлялись сначала в низовья Оби и Енисея, а затем — на Лену и еще далее на восток.

В большинстве своем промышленники являлись северорусскими крестьянами и посадскими людьми, стремившимися хоть немного разбогатеть в «златокипящих государевых вотчинах». Однако дорога к сибирским соболям была опасна, длинна, нередко отнимала несколько лет. Кроме того, она требовала значительных средств «на подъем».

Промышленнику требовались орудия охоты и рыбной ловли, обычная и специально сшитая для промысла одежда и обувь. Недешево обходился в далекой Сибири и продовольственный запас. Общая стоимость «ужины» (необходимого для промысла снаряжения и продовольствия) составляла обычно от 20 до 40 рублей. Это была весьма значительная по тем временам сумма: тогда дневное пропитание стоило несколько копеек, а годовое жалованье рядового казака или стрельца составляло в среднем около 5 рублей.

Далеко не каждый имел нужные средства, и большинство охотников становились «покрученниками», т. е. снаряжались за счет нанявшего их хозяина. Условия найма были кабальными. Покрученник попадал в зависимость от нанимателя, выполнял его поручения и отдавал ему две трети добытой пушнины. Нанимателями обычно являлись торговые люди, но нередко ими бывали и сами промышленники. Они составляли четвертую или третью часть таких хозяев, правда, в отличие от торговых людей, свыше 10 покрученников имели очень редко.

Поднимавшиеся на промысел «собою» так называемые «своеужинники», как было недавно выяснено, играли тем не менее довольно видную роль в освоении пушных богатств Сибири. Однако и своеужинники редко охотились в одиночку. Обычно соболиный промысел в Сибири XVII в. велся организованно — артелью. Объединение промышленников в артели («ватаги») объясняется дальностью и неимоверной трудностью путей к промысловым угодьям, выгодностью организации совместных зимовок, глубоко укоренившимися в русском народе общинными традициями. Согласованных усилий требовал и сам промысел. Он чаще всего просто не окупал расходов «на подъем», если производился в одиночку.

Артели по своим размерам бывали от нескольких до 40 и более человек и нередко объединяли и своеужинников, и покрученников, и их хозяев. Во главе каждой артели стоял выбранный промышленниками из своей среды «передовщик» — наиболее опытный, бывалый охотник. Если в ватаге было

несколько промысловых групп, избирался главный передовщик.

Сам промысел начинался в октябре — ноябре, а заканчивался в марте. В другие месяцы, когда качество меха было низким, промышленники занимались устройством зимовий, рыбной ловлей и охотой для пополнения запасов продовольствия, подготовкой снаряжения и т. п. «Съестной припас» для лучшей сохранности обычно зарывался в ямы. Как и добыча, он считался общим достоянием артели. С началом промыслового сезона большая артель делилась на мелкие группы и расходилась по распределенным заранее охотничьим угодьям. «Промышляли» почти исключительно соболя; изредка добывали чернобурых лис: менее ценные меха не окупали промысловых расходов.

В отличие от коренных сибирских жителей, стрелявших соболя из луков, у русских главными орудиями охоты в XVII в. были «кулемы» — ловушки давящего действия с приманкой из мяса или рыбы и «обмёты» — сети. Они позволяли вести промысел с наивысшей для того времени производительностью. Для охоты иногда использовали и специально обученных собак (когда стреляли соболей «по иноземческому обычаю» — из луков).

Ранней весной промышленники съезжались в свои зимовья, где поровну делили добытые за сезон меха, рассчитывались с хозяевами (если те были на промысле), выделывали и разбирали пушнину. При этом односортные шкурки связывались по 40 штук в общепринятом порядке: «лучший зверь к лучшему, середний к середнему, а худой к худому». Соболи наивысшего качества сшивались либо попарно, либо хранились по одному. Со вскрытием рек артель обычно распадалась: одни оставались в зимовьях еще на один сезон, другие отправлялись искать новые промысловые угодья, третьи возвращались домой, скупая или продавая по пути пушнину.

В 40 — 50-е гг. XVII в. из Сибири «на Русь» вывозили в год до 145 тыс. и более соболиных шкурок. Средняя добыча на одного охотника в основных промысловых районах составляла тогда около 60 соболей, наивысшая же добыча в самые благоприятные для промысла годы доходила до 260 соболей на человека. Лучшие шкурки продавались по 20–30 рублей за штуку, а отдельные могли оцениваться фантастическими для простого человека суммами — в 400, 500, 550 рублей. Однако обычная цена соболя в период наибольшей его добычи редко составляла более 1–2 рублей, и в итоге промышленники чаще всего получали доход, лишь в 1,5–2 раза превышавший затраты на снаряжение. Но и так получалось далеко не у всех. Даже в середине XVII в. иные промышленники возвращались без денег, без товаров и без

«мягкой рухляди». В дальнейшем число «прогоравших» охотников все более увеличивалось; уже в 70-х гг. оно превысило в некоторых уездах половину возвращавшихся домой. Это являлось одним, из красноречивых показателей начавшегося упадка сибирского пушного промысла. Резкое сокращение поголовья соболя привело к свертыванию промыслового движения в Сибири, но оно уже сыграло свою роль в освоении края.

Значение промысловой колонизации Сибири в XVII в. заключалось не только в вовлечении в хозяйственный оборот огромных пушных богатств. По определению П. Н. Павлова, крупнейшего знатока истории сибирского пушного промысла, «движение промышленников в Сибирь с учетом возвращающихся обратно было самым многолюдным в XVII в.» и явилось «живой нитью, связывавшей Сибирь с Россией». Дело в том, что около трети промышленников имели постоянные многолетние связи с Сибирью. Кроме того, наряду с возвращавшимися в Поморье охотниками за Уралом сложилось довольно многочисленное промысловое население, которое обитало в Сибири постоянно, хотя и не оседало там в каком-то одном месте.

Это заставило пересмотреть некогда широко бытовавшее мнение о промышленных как «пестрой толпе случайных гостей» Северной Азии.

После оскудения соболиных запасов далеко не все промышленники спешили покинуть Сибирь. Например, некоторые из них прочно осели на севере Якутии. Там главным занятием стала рыбная ловля, а сами они положили начало весьма своеобразным, непохожим на другие группам русского старожильческого населения Колымы, Анадыря, Оленёка и нижней Лены.

Из-за неудач с промыслом иные промышленники оказывались в Сибири совершенно без средств. Не имея возможности ни вернуться домой, ни дождаться организации новой ватаги, эти люди подолгу жили «по наймам» на всякого рода сезонных работах. Обычным явлением в Сибири, особенно Восточной, было верстание таких промышленников на военную службу. Наконец, они нередко вспоминали приобретенные еще до ухода на промысел навыки ремесленников и земледельцев и пополняли ряды посадских людей и крестьян, приступая, таким образом, к освоению других богатств сибирских земель.

В конце XVII в. вышли царские указы, вообще запрещавшие русским промышлять в Сибири соболя. Они, впрочем, никогда полностью не выполнялись, и, несмотря на истребление большей части соболиного поголовья и всякого рода ограничения на промысел, охота на пушного зверя оставалась в Сибири одним из

важнейших занятий переселенцев. Правда, она со временем видоизменилась. Среди охотников стали преобладать постоянные и вполне оседлые обитатели Сибири, и промышляли они в основном уже несоболиную пушнину, постепенно поднимавшуюся в цене.

На протяжении всего рассматриваемого нами периода пушному промыслу естественно сопутствовала охота на мясную дичь и всякого лесного зверя. Она играла важную роль в питании промышленников, но не только их. В ранний период освоения Сибири лесные продукты пользовались большим и постоянным спросом почти у всех переселенцев. Поэтому многие из них добывали зверей и птиц не только для собственного пропитания, но и на продажу.

В сибирских городах можно было встретить торговцев медвежатиной, олениной, зайчатиной, куропатками, гусями и т. д. Имеются также сведения о занятии части русских переселенцев морским промыслом. Так, по сообщению знаменитого голландского географа Н. Витсена, жители Туруханска в XVII в. регулярно выезжали «в Ледовитое море» «на охоту за моржами».

Одним из основных занятий оседавших за Уралом русских людей сразу же становился и «рыбный промысел». Рыба всегда занимала важное место в питании русского человека, а в Сибири из-за «бесхлебья» она нередко круглый год являлась его основной пищей.

В непригодных для хлебопашества районах такое положение сохранялось не одно столетие, чему прежде всего содействовало просто сказочное богатство сибирских рек рыбой и широкие возможности ее добычи. В Сибири в то время были распространены ценные сорта рыбы — севрюга, осетр, стерлядь, сиг, семга, горбуша, нельма. В огромном количестве там водились таймень, форель, язь, омуль, налим, окунь, щука, карась, сазан и другие, менее ценные виды.

Наряду с засолкой рыбы русские поселенцы использовали такие способы ее заготовки впрок, которые были малоизвестны в Европейской России (например, специальная, в рыбьем жире, варка, приготовление в большом количестве самого рыбьего жира). Даже привычные лепешки русские в Сибири нередко выпекали из сухой толченой рыбы и икры.

Однако только «про свой обиход» рыбу добывали лишь в самых глухих уголках Сибири. В остальных районах потребительский промысел очень быстро превращался в товарный, т. е. ориентированный на продажу. За Уралом на рыбу стал предъявляться огромный спрос. В сибирских городах и

острогах скапливалось много промышленников, которые, отправляясь за пушниной, стремились запастись на первое время сушеной и соленой рыбой для себя и своих собак. Поэтому не только в «непашенных», но и в пригодных для хлебопашества районах для части жителей рыбный промысел превращался из дополнительного занятия в основное. Организовывался он часто так же, как и пушной промысел. При объединении в артель рыболовы могли приобрести на общие средства лодки и снасти. В большие рыболовные экспедиции входили и свое-ужинники, и покрученники. Покрута в рыбном промысле тоже превращала нанявшегося на определенное время в лично зависимого человека.

Рыбу добывали круглый год, однако главными промысловыми сезонами считались весна, лето, осень. Тогда на лов временами выходило все трудоспособное население. В XVII в. еще не получило большого распространения закрепление рыболовных угодий за отдельными лицами, но те места, где для лова устраивались специальные сооружения, обычно находились в чьем-то владении и отмечались при переписях земель уже в первой четверти XVII в. Благодаря этому мы знаем о существовании на сибирских реках той поры «тонь», «езовищ», «заколов», «запоров» и тому подобных устройств для задержания и ловли рыбы. Довольно рано в документах начинают упоминаться и различные виды сетей — невода, бредни и т. д. Они делались в основном «по русскому обычаю» и иногда достигали гигантских размеров — до 100 м. Вообще же орудия и способы лова были чрезвычайно многообразны. Во время весеннего разлива рыбу ловили в поймах рек сетями. Когда вода шла на убыль, в ход пускались всевозможные заграждения и ловушки, преграждавшие рыбе путь обратно в реку. Затем до поздней осени главным видом промысла становился неводный лов. Применялись и более простые способы добычи — с помощью удочки, а также остроги и охотничьего лука (обычно ночью, когда рыба шла на разведенный в лодке огонь). Зимой широко использовали плетенные из прутьев «морды» и другие ловушки, ставили сети в устьях малых рек и ручьев. Важное место в зимней ловле занимал так называемый «ировой промысел». Его производили коллективно. Места скопления рыбы — глубокие ямы и быстрины — распределялись между участниками лова, которые вытаскивали рыбу через проруби крючковыми снастями («самоловами»). А ранней весной начиналась добыча «духовой рыбы», т. е. той, которая шла «подышать» к прорубям и другим свободным ото льда местам.

Особенно сильно рыбный промысел был развит в районах,

расположенных по путям передвижения промышленных людей, и вообще там, где собиралось много приезжего люда. Большое количество рыбы добывалось, например, на среднем и нижнем Енисее, в окрестностях Тобольска. В сибирской столице иностранный наблюдатель в середине XVII в. обратил внимание на «замечательно большой рыбный базар», какого он «не видел ни в одной стране». Рыбу туда привозили по 30, 50 и более телег в день и в самом различном виде — сушеную, соленую, мороженую. Ее продавали штуками, ведрами, кадушками и возами. Лучшие сорта иртышской рыбы стоили дешевле хлеба. Много продавалось икры, рыбьего жира и рыбьего клея. С Тобольском были связаны промысловые районы Иртыша и Оби, в том числе столь отдаленные, как Тара, Берёзов, Сургут, Обдорск. Рыбу покупали не только «про себя», но и для продажи в других районах Сибири, за рубежом (в «калмыках») и даже в «русских городах», как ближних, так и дальних — Костроме, Вологде, Устюге Великом, Москве.

Сибирский рыбный промысел не только содействовал, таким образом, созданию прочной продовольственной базы на восточной окраине страны, но и дал дополнительный толчок развитию торговых связей между различными областями.

СИБИРСКИЕ ТОРГИ

Торговля также явилась одним из самых ранних хозяйственных занятий русского населения за Уралом. В сибирских городах она на долгое время стала наиболее важным видом деятельности жителей.

Торговля была тесно связана не только с промысловым освоением края, но и с его присоединением к России. Торговая колонизация вместе с промысловой во многих районах предшествовала колонизации правительственной, прокладывая пути на новые земли отрядам служилых людей.

Развитие русской торговли за Уралом началось со скупки мехов у местного населения. В ней в той или иной степени участвовали все, кто встречался с коренными жителями Сибири. Хозяевами же пушных рынков на севере Азии быстро становились представители купечества европейской части страны. Лично или через своих представителей они скупали «мягкую рухлядь» у ясачных, служилых и большинства тех же промышленных людей и вывозили ее в «русские города». И лишь постепенно к началу XVIII в. на первое место стали выходить купцы из самой Сибири.

Торговля с коренными жителями края носила преимущественно меновой, а не денежный характер, причем вначале она обычно производилась путем примитивной «немой торговли». Торговцы с той и другой стороны бросали друг другу предназначенные для обмена товары через стену острожка или зимовья, либо оставляли их в определенном месте и поочередно забирали. В глухих районах такая практика продержалась довольно долго. Однако рано или поздно взаимное доверие устанавливалось, и скупщики пушнины начинали ходить «для торгу» непосредственно «по юртам», а «иноземцы» — приезжать к острогам и зимовьям, выменивая меха на муку, котлы, топоры, ножи, железо «в прутьях», оловянную посуду, украшения и т. п.

По замыслам правительства, такая торговля должна была производиться лишь после ясачного сбора, но это предписание часто нарушалось, как и целый ряд других правил, регламентировавших взаимоотношения с «иноземцами». Строго не выполнялось и требование торговать с ясачными людьми лишь на гостиных дворах — на глазах властей. Впрочем, сильно злоупотреблять подобными нарушениями тоже не имело смысла: без отметки об уплате пошлин трудно было рассчитывать на благополучный вывоз пушнины «на Русь» — меха могли отобрать в казну.

Помимо налогового обложения, немалую прибыль казне

давала и прямая торговля от имени «государя». Наиболее ценные виды пушнины временами разрешали покупать только для царской казны. И тем не менее успешно соперничать с частной торговлей в Сибири представители правительственной администрации не могли. Более того, они сами, «радея о государеве казне», при случае частным образом приторговывали «мягкой рухлядью».

Раньше в исторической литературе нередко можно было встретить мнение о «грабительском», «неэквивалентном» характере сибирской пушной торговли. При этом приводились сведения о колоссальных (300–400 %) прибылях некоторых купцов. Однако такие примеры нельзя рассматривать изолированно от других и тем более распространять на большинство действовавших за Уралом торговых людей. Указанные цифры свидетельствуют лишь о чрезвычайно благоприятном стечении обстоятельств для отдельных купцов в отдельные годы.

О доходах основной массы торговцев имеются другие сведения. Они свидетельствуют, что, например, в 30 — 50-е гг. XVII в. на главных пушных рынках русского Севера — в Сольвычегодске и Великом Устюге — годовая торговая прибыль у возвратившихся из-за Урала бывала равной 22–25 %. Она, конечно, достаточно высока, чтобы заинтересовать торговлей, но отнюдь не баснословна, как можно было бы ожидать. Объясняется это тем, что огромных средств требовали как преодоление громадных расстояний, так и всякого рода накладные расходы: уплата налогов и пошлин, подношения представителям царской администрации, ставшие в Сибири чуть ли не обязательными, и т. д.

Пушнина была стержнем сибирской торговли, но отправлявшиеся за Урал купцы рассчитывали не только на куплю-продажу «мягкой рухляди». Многие закупали в Сибири так называемые «бухарские товары», участвовали (с конца XVII в.) в «китайском торге». Кроме того, чтобы как-то окупить расходы на долгую и трудную дорогу, торговые люди брали с собой «русские», а нередко и западноевропейские товары, продавали их во время остановок, приобретали по пути новые товары для перепродажи в более отдаленных районах.

Не зная твердо, на какие товары в Сибири будет наибольший спрос, купец обычно брал с собой «всего понемногу» и в проигрыше, как правило, не оказывался. Он привозил за Урал купленные в Ярославле железные изделия, костромское мыло, изготовленные крестьянами тех же местностей ткани (сермяжное сукно и холст) и множество других товаров, пользовавшихся до

налаживания в Сибири собственного производства почти неограниченным спросом. В документах о сибирской торговле перечисляется, по сути дела, весь набор нужных человеку для повседневной жизни вещей — одежда, обувь, посуда, охотничий и сельскохозяйственный инвентарь, оружие, украшения, иконы, книги и т. д.

По перечню продававшихся за Уралом товаров можно составить довольно полное представление о быте сибиряков в XVII в., в том числе об их одежде. Она в целом была той же, что и в европейской части страны, особенно в Поморье. Кроме различных тканей, жители сибирских городов покупали много готовой одежды — кафтанов, однорядок, летников, шуб, рубах, штанов, юбок, сарафанов, рукавиц, шапок. Охотно приобретали обувь, кружева, пояса, пуговицы, различные украшения и всякого рода отделочные нашивки.

Бросается в глаза, что в торговле «русскими товарами» решительно преобладали предметы производственного и хозяйственно-бытового назначения. Так называемые «туземные» товары (безделушки, рассчитанные на сбыт у коренных жителей) не играли существенной роли на сибирских рынках. Бисер и одекуй (крупные бусы из белого и синего хрусталя) были, конечно, очень удобны для торговли, особенно в глухих, труднодоступных районах Сибири: их было легко перевозить на любое расстояние и на любом виде транспорта. Но сибирские «иноземцы» быстро «поизнаполнились» этим «товаром», и спрос на него резко упал уже в середине XVII в. Зато видное место среди провозимых на восток товаров заняли продукты питания: мука, крупа, толокно, мед и др. Большая часть этих продуктов со временем стала закупаться в самой Сибири и продавалась населению отдаленных и «непашенных» ее районов. Особенно выгодна для торговых людей была продажа хлеба.

Развитию торговли в крае длительное время содействовали большие природно-географические различия отдельных его районов, в частности наличие в Сибири «пашенных» и «непашенных» уездов, и неодинаковая степень освоения его громадной территории. Цены, складывавшиеся в различных сибирских городах на одни и те же виды продукции, ясно показывают причины, побуждавшие торговых людей закупать товары для их перепродажи. Так, в середине XVII в. одежда в Восточной Сибири стоила вдвое дороже, чем в Западной. Топоры в Тобольске ценились по 32 копейки, а в Якутске — по рублю. Пуд хлеба (муки) стоил в Тюмени 1–2 копейки, в Енисейске — 10–20 копеек, в Якутске — 30–60 копеек, а в Нерчинске — от полутора до четырех рублей. Но в Сибири постепенно складывались и свои

областные рынки, в основе самого существования которых лежало общественное разделение труда. Весьма показательным было появление в некогда диком и пустынном крае ярмарок.

Большую известность в XVII в. получила зимняя Ирбит-ская ярмарка, действовавшая в Верхотурском уезде. Сначала в Ирбитской слободе останавливались лишь те купцы, которые отклонялись от официальной Бабиновской дороги, с тем чтобы обойти Верхотурскую таможню и сэкономить на уплате пошлин. Однако уже в 1643 г. Ирбитская ярмарка была открыта на законном основании, а к концу XVII в. она собирала тысячи человек. С течением времени торговцы предпочитали все чаще пользоваться более коротким и удобным путем на Ирбит. Благоприятные условия для этого создавало успешное хозяйственное освоение Нижнего Поволжья и Южного Урала, а также укрепление безопасности путей на Ирбит в связи с появлением новых русских селений на юге Западной Сибири.

Купля-продажа товаров на «границе» Сибири сокращала расходы на перевозки у купцов и Европейской, и Азиатской России. Ежегодно в январе к Ирбитской слободе съезжались окрестные крестьяне, торговцы из сибирских, поморских и поволжских городов. Ярмарку навещало и крупное московское купечество. Во второй половине XVII в. значение Ирбитской ярмарки возросло вследствие появления на ней «китайских» и «бухарских» товаров.

В Сибири существовала и летняя ярмарка — Ямышевская. Она была довольно своеобразной. Торговцы обычно присоединялись к отправлявшемуся из Тобольска вверх по Иртышу за солью каравану судов и в течение двух-трех недель (в августе) вели возле озера Ямыш торг с подходившими туда же калмыками и «бухарцами». Одновременно с торговлей шла погрузка самоосадочной соли из озера и велись переговоры с калмыцкими «тайшами» (князьями). Обратно вниз по Иртышу вместе с русскими отправлялась и часть среднеазиатских купцов-«бухарцев», по каким-то причинам не продавших у озера Ямыш всех своих товаров. Они шли либо на «государевых соляных дощаниках», либо своим ходом на верблюдах по караванному пути.

Русские продавали калмыкам и «бухарцам» высококачественные кожи, сукна, холсты, котлы, блюда, топоры, косы, меха и одежду, иглы, серьги, гребни, деревянную посуду, слюдяные окончины, воск, писчую бумагу, рыбу, осетровый и стерляжий клей, а в обмен, помимо калмыцкого скота, получали прежде всего китайские и бухарские хлопчатобумажные, шелковые, льняные ткани и изделия из них, ревень, пряности.

Среднеазиатские торговые караваны приходили в сибирские города и самостоятельно — обычно осенью. Проторговав в Сибири всю зиму, они, как правило, весной отправлялись назад. Сначала торговля с «бухарцами» была сосредоточена в Тобольске, а в 70-е гг. переместилась в Тару. Оттуда караваны среднеазиатских купцов мелкими группами разъезжались по другим городам.

Временные, но весьма оживленные торжища время от времени, возникали под Стенами различных сибирских городов, острогов и даже зимовий. Так, в годы расцвета пушного промысла своего рода ярмарка возникала ежегодно в конце лета в Туру ханском зимовье. Там встречались шедшие «с Руси» на восток через Мангазею торговцы и промышленники с теми, кто возвращался с промыслов обратно «на Русь».

Деятельность торговых людей за Уралом содействовала развитию хозяйственных связей не только между Россией и другими государствами, не только между европейской и азиатской частями страны, но и между отдельными областями самой Сибири. Благодаря наладившейся в XVII в. торговле Северная Азия втягивалась в систему всероссийского рынка и активно участвовала в его складывании.

Роль торговцев в сибирской истории нельзя, разумеется, оценивать однозначно. Ввозом за Урал большого количества разнообразных товаров они, например, замедляли там развитие некоторых местных «промыслов». Нельзя вместе с тем не заметить, что сибирские «промыслы» сами долгое время нуждались в изделиях русского ремесла, поступавших в порядке торгового обмена. Кроме того, находясь в Сибири, торговые люди давали своими закупками толчок к развитию местного производства многих видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. Тем самым вольно или невольно оказывалось содействие превращению сибирских городов сначала в торговые, а затем и промышленные центры.

ГОРОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СИБИРИ В XVII В

В первоначальный период своей истории сибирскому городу предстояло пройти три ступени развития. Почти каждый из них возникал как крепость, военно-административный пункт. Большая часть таких крепостей быстро становилась торговыми центрами, более или менее значительными. Это был второй этап развития сибирского города. Третий уже связан с превращением укрепленного поселения в центр относительно развитой торговли, промыслов, ремесленного производства и товарного (рассчитанного на торговлю) сельского хозяйства, т. е. в настоящий город в полном значении этого слова.

Далеко не все называвшиеся в Сибири «городами» поселения прошли в своем развитии все эти три ступени. Некоторые так и остались в основном военно-административными пунктами (таким стал Пелым), другие быстро превращались в центры развитой торговли, но либо оставались таковыми в течение десятилетий (как Берёзов), либо приходили в упадок по истощении пушных запасов края (как Мангазея). И лишь удачно расположенные в благоприятных экономико-географических условиях укрепленные поселения поднимались в XVII в. до уровня развитых городов Европейской России.

Эти благоприятные условия сложились прежде всего в наиболее энергично заселявшихся районах Западной Сибири и в примыкавшей к ней части Восточной Сибири. Там довольно быстро превращались в торгово-ремесленные центры Тобольск, Тюмень, Верхотурье, Енисейск, Томск. Несколько позднее стали столь же успешно развиваться некоторые из более отдаленных городов — Илимск, Нерчинск, Иркутск. Это вовсе не означает, что в остальных городах не было ремесла. Ремесленники и всякого рода умельцы имелись в каждом сравнительно крупном поселении, но далеко не везде ремесло приобретало развитый и тем более товарный характер.

Развитыми в хозяйственном отношении оказались те города, которые были построены на главных направлениях колонизации, в районах, благоприятных для занятия сельским хозяйством, богатых пушниной или полезными ископаемыми. Самым крупным городом Сибири в XVII в. стал Тобольск — ее столица, главный торговый и промышленный центр. Но происходившие внутри и вокруг его стен хозяйственные процессы были

свойственны и другим торгово-ремесленным центрам Сибири.

Общим для них являлось прежде всего развитие отраслей, связанных с обработкой продукции животноводства. Так, крупным центром кожевенного производства наряду с Тобольском стала Тюмень. В Верхотурье, Енисейске и Томске кожевники, сапожники, скорняки, мясники, мыловары, свечники также составляли самую заметную часть ремесленников. Распространенными во всех сибирских городах были специальности, связанные с изготовлением одежды, продуктов из хлеба и различных поделок из дерева (посуды, ведер, бочек, колес и т. д.). Повсеместно были представлены кузнечный и его разновидность— котельный «промыслы». Однако в распределении различных видов промышленности внутри Сибири были и некоторые особенности.

Например, район Верхотурья, считавшийся «воротами» в Сибирь, являлся важным центром обслуживания транспорта. Там были хорошо налажены судостроение и связанные с ним отрасли, кузнечное ремесло. На территории к востоку от Верхотурья до Туринска была широко распространена деревообработка, а к югу вдоль восточного склона Уральских гор простиралась зона высокоразвитого железоделательного производства. На притоках Тобола разместилась мукомольная промышленность, а к Тюмени, как уже отмечалось, тяготели отрасли, связанные с переработкой животного сырья. В Тобольске же были неплохо по тем временам и местным условиям развиты все основные виды сибирских ремесел.

Томск и Енисейск явились центрами второго по величине промышленного района Сибири, близкого в экономическом отношении к Тюмени, Тобольску и Верхотурью. В районе Енисейска крупных для Сибири XVII в. размеров достигли судостроение, железоделательное производство, солеварение. Те же отрасли добывающей промышленности развивались к югу и востоку от Томско-Енисейского района. В Прибайкалье и Забайкалье промышленное производство в XVII в. лишь начинало складываться, и первые его успехи сближали хозяйственный облик городов этого района с Тюменью, Тобольском и Томском.

Одной из самых распространенных отраслей обрабатывающей промышленности Сибири было кожевенное производство. Его не имели только самые отдаленные сибирские города, хотя кожи для поставки на рынок в значительном количестве производились лишь в Тобольске, Тюмени, Енисейске и Томске, да и то лишь к середине XVII в. Там в городских мастерских изготовлялось по сто и более кож в год, а в начале XVIII в. возникли предприятия, дававшие в год по 1000 кож. В результате обычными кожами

сибиряки обеспечивали себя полностью и даже вывозили их за рубеж — в Казахстан, Среднюю Азию, Монголию и Китай.

Кожевенное производство давало сырье для изготовления обуви. Это была очень важная отрасль ремесла; она давала продукцию, пользующуюся всюду большим спросом. Как недавно выяснили историки, в XVII в. в Сибири (и не только в ней) русские почти не употребляли лаптей и носили в основном кожаную обувь. Сапожный, «чеботный» и другие промыслы поэтому имелись почти в каждом сибирском городе. В крупнейших из них обувь производили десятки ремесленйиков. Во второй половине XVII в. там все чаще происходит переход от изготовления обуви на заказ к ее производству на рынок. В некоторых местах оно получило широкий размах: купцы снабжали сырьем обувщиков под крупные, в несколько сот пар заказы.

С кожевенным производством были тесно связаны мыловаренный и свечной «промыслы». Один и тот же человек мог заниматься одновременно и изготовлением кож, и переработкой сала на мыло и свечи. Мыловарение в Сибири раньше всего появилось в Тобольске, затем в Тюмени, а к середине XVII в. — в Томске и Енисейске. Как и свечное производство, оно в основном обеспечивало потребности края в своей продукции.

В ряде сибирских городов высокой степени специализации достигла деревообработка. Занятые ею мастера делились на плотников, столешников, кадочников, оконничников, коробейников, сундучников, токарей и т. д. В каждом городе преобладали специалисты тех видов деревообработки, которые были ему нужнее и соответствовали общему направлению его хозяйственной жизни. Так, ведерников, ситников, рогожников, решетников оказывалось больше всего в центрах мукомольного, мыловаренного и кожевенного производства, предъявлявших большой спрос на ведра, рогожи, сита, решета. Санников, колесников, хомутников было много там, где большую роль играл гужевой (на конной тяге) транспорт.

В изготовлении одежды наиболее развитой отраслью ремесла за Уралом почему-то стало изготовление шапок. «Шапочный промысел» сделал многих сибиряков состоятельными людьми.

В сибирских городах XVII в. имелось еще немало ремесленных специальностей, рассчитанных на удовлетворение самых различных потребностей населения. В документах того времени упоминаются кузнецы, серебряники, иконописцы, каменщики и кирпичники, горшечники, дегтяри, хлебники, пирожники и многие другие. Общее их количество свидетельствует, что наиболее развитые сибирские города на

исходе XVII в. находились на одном уровне со средними городами Европейской России. Например, в Енисейске в 1669 г. насчитывалось 24 ремесленные специальности, в Томске во второй половине XVII в. — 50, в Тобольске в конце XVII в. — более 30, а в начале следующего столетия уже около 60.

Жители Сибири в XVII в. часто совмещали различные занятия, поэтому среди ремесленников мы встречаем не только и даже не столько посадских людей, но и служилых, крестьян, ямщиков. Они тяготели к городу, даже если не проживали в нем непосредственно. Но нередко до половины ремесленников бывало распылено по мелким селениям. Посадские слои сибирского города оставались до конца XVII в. еще довольно малочисленными и даже в торгово-ремесленных центрах нередко сильно уступали по численности служилому населению.

Слабость сибирского посада наводила в прошлом некоторых историков на размышления и об экономической слабости сибирских городов. Однако это не подтвердилось последними исследованиями. Как выяснилось, особенностью Сибири являлось то, что в XVII в. сильные позиции в ее «торгах и промыслах» занимали служилые люди. Они составляли не только первоначальное ядро, но и наиболее многочисленную группу городского населения. По своей численности занятые торговлей и ремеслами казаки, стрельцы и их «неверстанные» в службу родственники обычно или превосходили посадских людей и остальные неслужилые слои, или почти не уступали им.

Таким образом, сибирский город даже при преобладании в нем военно-служилого населения не терял облика торгово-промышленного центра. В каждом из подобных центров к концу XVII в. имелась хотя бы небольшая базарная площадь с торговыми лавками, несколько кузниц. В крупных же городах появились большие гостиные дворы с примыкавшими к ним торговыми площадями, насчитывались десятки торговых и складских помещений, ремесленных мастерских. Быстрые темпы развития — одна из особенностей сибирских городов XVII в. Наиболее крупные из них достигли за одно столетие того, на что у старых торгово-ремесленных центров России ушли века.

СУДОСТРОЕНИЕ И ТРАНСПОРТ

Как уже отмечалось, промышленное производство в Сибири хотя и тяготело к тем или иным городам, но далеко не всегда располагалось непосредственно в них. Многие ремесленники жили в более мелких селениях; всюду, естественно, сохранялось домашнее крестьянское ремесло. Но вдали от городских стен нередко размещалось и крупное для своего времени производство, крайне важное для экономики всего края. Таким было, в частности, судостроение. В Сибири его наладили очень быстро, так как этого требовали задачи по переброске множества грузов по рекам — главным дорогам XVII в.

Степень износа судов в то время была очень высокой (редкие из них держались на плаву более 2–3 лет), а тяжелые суда обычно вообще не переправлялись через волоки. На каждой речной системе имелись поэтому свои центры судостроения. Их называли «плотбища».

Как правило, они располагались вблизи водоразделов крупных речных систем и в тех местах, где скапливалось большое количество грузов. Наиболее крупными плотбищами считаются Верхотурское (в Обь-Иртышском бассейне), Енисейское (в Енисейском бассейне) и Усть-Кутское (в Ленском бассейне).

Эти центры производили основную массу судов в Сибири и обычно объединяли несколько верфей-плотбищ. Так, кроме самого Верхотурья, суда строили и в расположенных неподалеку от него слободах, с Енисейском было тесно связано судостроение в Красноярске, а с Усть-Кутом — плотбище на реке Муке.

Верхотурские плотбища были наиболее известны. В XVII в. о них знали не только в России, но и в Западной Европе. Н. Витсен в вышедшем в 1692 г. труде «Северная и Восточная Татария» писал, что в Верхотурье и «окружающих местностях» «везде имеются стапеля для постройки судов, которые плавают по всей Сибири и даже до Ледовитого моря и Новой земли».

Однако в большей или меньшей степени судостроение было развито в окрестностях всех крупных городов Сибири, поэтому в документах можно встретить сообщения о постройке судов в Тобольске, Тюмени, Томске, Иркутске и других местах.

Суда в Сибири строили самых различных размеров и типов. Для перевозки людей предназначались главным образом струги, для хлеба, соли и тому подобных грузов — вместительные дощаники, большие лодки-набойницы, лодьи. Для «морского хода» строили «кочи», а очень большие по размерам речные грузы сплавляли на плотах.

Плотбище обычно располагалось на пологом берегу небольшой реки недалеко от пригодного к «судовому делу» бора (соснового или елового). По мере истощения лесных запасов верфь перемещалась на другое место. Заготовка и вывозка на плотбище леса производилась, как правило, заранее — зимой. Строительство шло под открытым небом, большая часть судов сооружалась к началу навигации, весной, а срок изготовления среднего по размерам судна определялся в 3–4 месяца.

Из необходимых для судостроения материалов в Сибири на первых порах не было недостатка лишь в древесине и смоле, все же остальное — гвозди, скобы, холст для парусов, канаты, якоря — приходилось ввозить из-за Урала. Однако развитие местной промышленности позволило уже во второй половине XVII в. оснащать без привозных материалов большую часть сооружаемых в Сибири судов. Этого добивалась и воеводская администрация. Известно, что тобольский воевода Петр Годунов приказал в 1668 г. специально увеличить посевы конопли, дающей сырье для изготовления веревок и канатов, с тем чтобы обойтись без покупки снастей в Европейской России. Сибирских крестьян, кроме того, обязали поставлять холст на паруса.

Характер трудовой повинности носила и сама постройка дощаников и лодий «на государя» крестьянами и посадскими людьми. Но наряду с казенным широкое развитие в Сибири получило и частное судостроение. На нем специализировались представители самых различных слоев трудового населения, нередко объединявшиеся в довольно крупные артели.

В конце XVII — начале XVIII в. в «судовое дело» непосредственно было вовлечено несколько тысяч человек. Только на Верхотурье и в слободах по Туре они ежегодно строили около 100 судов. В целом же по Сибири в это время главные плотбища ежегодно спускали на воду от 350 до 580 крупных судов.

Признавая большое значение судоходства в налаживании и расширении связей между различными областями Сибири, нельзя вместе с тем недооценивать и тем более противопоставлять ему гужевой транспорт. Это было бы неверно уже потому, что по меньшей мере полгода сибирские реки скованы льдом. Различную кладь на подводах в Сибири перевозили, разумеется, и в летнее время, но зима была там, как и всюду по стране, главным временем переброски грузов на лошадях.

Хотя объем таких перевозок бывал меньшим, чем по воде, их значение в жизни сибирских городов и уездов оправдывало любые затраты на подводы и извозчиков. Поэтому сразу же после утверждения России за Уралом правительство стало прилагать

немалые усилия к организации «ямской гоньбы».

Наибольшее развитие ямская служба получила в Западной Сибири — ранее присоединенной, более заселенной и экономически развитой. Там довольно быстро (уже в 1600–1601 гг.) были устроены ямские слободы — в Туринске, Тюмени и Верхотурье. В 1635 г. важные центры «ямской гоньбы» учреждаются в Тобольском уезде — слободы Демьяновская (в 260 верстах от Тобольска вниз по Иртышу) и Самаровская (в устье Иртыша в 553 верстах от сибирской столицы). Их особенностью было широкое использование, наряду с привычными для русских ямщиков средствами передвижения, ездовых собак.

Предпринимались попытки привлечь к регулярной «ямской гоньбе» и коренное сибирское население, но в XVII в. они в целом не увенчались успехом. Даже при полном освобождении от ясака эта «служба», как правило, оказывалась непосильной для местных жителей, была им «не за обычай». Им еще предстояло к ней привыкнуть, а на первых порах она легла основной своей тяжестью на ямщиков, набранных из крестьян и посадских и переведенных «на житье» в Сибирь из северорусских уездов.

Длительность перевозок, громадная протяженность, трудность и опасность пути делали ямскую службу за Уралом крайне тяжелой и для привычных к подобным тяготам русских переселенцев. Она требовала не только много времени и сил, но и больших материальных расходов. А их в сибирских условиях плохо восполняли и «государево жалованье», и земельные наделы. Согласно правительственным наказам, «ямские охотники» должны были беспрестанно «гонять» по закрепленному за ними маршруту «ямскую гоньбу… где по государеву указу и по подорожным надобны будут подводы»; им предписывалось содержать за свой счет лошадей «зимою с саньми, летом с седлами и телегами и со всякой гонебной снастью, а для водного пути держать… всякие гребные суды с веслами, с биче-вами и со всякою судовою снастью ежегод бесперевод но». Лошади часто гибли из-за суровых природных условий и больших перегрузок, и жалобы на то, что ямские охотники «от той ямской гоньбы и конского падежу обнищали и задолжали великими долги», были постоянным явлением в Сибири XVII в. Они побуждали правительство несколько повышать ямщикам жалованье, увеличивать их численность, но ямская служба оставалась еще долгое время одной из самых тяжелых в Сибири. Тем не менее она расширялась и просуществовала не одно столетие, поскольку была необходимым условием освоения и развития края.

ДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СИБИРИ XVII В. ПОИСКИ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ И «ИНЫХ УГОД»

В XVII в. сибирская добывающая промышленность делает первые шаги. За Уралом прежде всего стала развиваться такая ее отрасль, как «соляной промысел». Это объяснялось и повседневной потребностью переселенцев в соли, и необходимостью иметь ее в большом количестве для заготовки впрок продуктов, особенно рыбы.

На юге Западной Сибири уже в первой четверти XVII в. русские добывали самоосадочную соль хорошего качества во время специальных экспедиций в верховье Иртыша к озеру Ямыш. С 20-х гг. XVII в. поездки «по соль» стали практически ежегодными, в них участвовали до нескольких сот служилых и «всяких чинов» людей. У этих экспедиций были не только промысловые, но и торговые, а также дипломатические цели (как уже отмечалось, у озера Ямыш велись торговля и переговоры с калмыками и «бухарцами»).

Прибытие к озеру должно было поэтому происходить в торжественной обстановке. Производился салют, звучала военная музыка. Очевидцы так описывали добычу самоосадочной соли на «Ямыш-озере»: ее «ломают рычагами… и возят тележками на себе, на лошадях и на верблюдах и струги грузят». Переносу соли от озера в суда предшествовала работа по строительству или восстановлению острожков и других защитных сооружений, поскольку экспедиции на Ямыш не всегда оканчивались мирно. Соль там добывали не только «на государя» (в казну), но и «про себя», затем ее развозили по западносибирским городам. С 20-х гг. они полностью покрывали свои потребности в соли и до 40-х гг. XVII в. отправляли ее в Восточную Сибирь.

Немало соли получали также из подземных источников — «соляных ключей». В Верхотурском уезде из «ключей» соль добывали недолго, а вот к востоку от Енисея солеварение приобрело широкий по тем временам размах. С 40-х гг. благодаря ему Восточная Сибирь также стала обеспечивать себя своей солью. Центрами соледобычи там были район в устье Куты и знаменитый Кемпендяйский источник на Вилюе, где получали соль очень высокого качества, а также местность по рекам Тасееве и Манзее в Енисейском уезде.

Солеварение было сложным и трудным делом. Оно требовало привлечения множества людей: умелых специалистов-солеваров с помощниками и «подварками», дровосеков для заготовки необходимого в большом количестве топлива, кузнецов для починки и изготовления «цренов» (больших сковород для выпаривания соли). Не всегда имелось под руками и нужное количество железного «уклада» для производства необходимого оборудования. Все это увеличивало стоимость восточносибирской соли, но не являлось препятствием к расширению ее добычи. Так, в Енисейском крае со временем возникло несколько крупных солеваренных предприятий мануфактурного типа. В 70-х гг. была устроена варница под Иркутском — в широко известном позднее «Ангарском усолье». В самом конце XVII в. приступили к солеварению в Забайкалье, под Селен-гинском. В результате и Западная, и Восточная Сибирь смогли в короткий срок полностью обеспечить себя солью за счет местных ресурсов.

Закрепившись за Уралом, русские люди сразу же попытались освоить и другие виды природных богатств края. Царскими указами сибирским воеводам предписывалось «приискивать и расспрашивать всяких чинов людей и у ясашного сбору иноземцев про золотую и про серебряную, и про медную, и оловянную, и свинцовую руды, и про жемчуг, и слюду, и краски, и про железо, и про селитряную землю, и про квасцы, и про иные узорочья». Воеводы, в свою очередь, давали соответствующие «наказы» отправлявшимся в походы служилым и, кроме того, приказывали о том бирючам «кликать по многие дни» на городских площадях. В итоге местные власти получали от знающих людей важную информацию о рудах, ископаемой краске и других полезных ископаемых и отправляли эти сведения в Москву. А оттуда в Сибирь посылались новые запросы, которые давали толчок новым изысканиям.

Переселенцы внимательно присматривались к природным богатствам края и «проведывали» их не только «по государеву указу», но и по собственному почину. О наличии в крае той или иной «угоды» они в первую очередь стремились расспросить коренных его жителей. Помощь в обнаружении различных видов ценного сырья чаще всего оказывали эвенки — прекрасные знатоки таежных дебрей от Енисея до Тихого океана. Известны случаи, когда сибирские «иноземцы» в расчете на вознаграждение сами являлись к представителям российской администрации с сообщениями о месторождениях полезных ископаемых.

В ходе специально организованных экспедиций и разысканий частных лиц за Уралом открывались многие «угодные места». Например, в Верхотурском, Тобольском уездах, в Якутии (на

Индигирке, Колыме), на реке Улье в XVII в. были «проведаны» горный хрустдль, сердолик, изумруды и другое «цветное узорочное каменье». В бассейне Туры на реке Нейве нашли «камень наждак», годный «ко всякому алмазному делу». На Витиме и в районе Байкала обнаружили минеральные краски различного цвета, а в Верхотурском уезде — строительный камень. На Охотском море в 1668 г. якутские служилые люди попытались наладить жемчужный промысел, выслав в Москву образцы добытого жемчуга и раковин.

Интерес Аптекарского приказа к лекарственным растениям отозвался в Сибири сбором и отправкой в столицу в соответствии с правительственными указами 1665–1696 гг. подробных сведений о целебных травах и самих трав из Якутского, Красноярского уездов.

Чтобы обеспечить сибирские гарнизоны «зельем» (порохом) собственного производства, в XVII в. специально предпринимались поиски ископаемой серы и «селитренной земли». После сообщений о находке «селитренных и серных мест» на реке Олёкме и в Иркутских степях из Москвы последовали обещания наград и указание «сыскивать» подобные месторождения «с великим раденьем неоплошно, и зелье завесть делать, чтоб проняться зельем без присылки».

Еще большую заинтересованность проявляло московское правительство к «проведыванию» в Сибири руд цветных металлов, особенно серебра — основного сырья для изготовления денег, которое Россия вынуждена была тогда полностью ввозить из-за рубежа. Экспедиции служилых людей, специально снаряжаемые для поиска серебряной руды, действовали в XVII в. от Урала до дальневосточных земель.

Пробы с каждого месторождения обычно внимательно изучались в воеводских канцеляриях («съезжих избах») и отсылались в Москву. К концу столетия изучение природных богатств края стало вестись не только более широко, но и более квалифицированно. Участникам экспедиций надлежало готовить образцы таким образом, чтобы «которая руда и на которой реке взята, и руду с рудою не мешать, покласть особо… и подписать на ярлыках, где которая взята и сколь глубока, и всякую ведомость о том рудном деле писать». Помимо качества руды, правительство интересовала экономическая целесообразность разработки найденного месторождения: «и тех мест досмотреть, и сметить, и описать, на сколько верст и сажен в длину и поперек и в глубину каких руд… мочно ли в том месте острог поставити и всякие заводы для плавки той руды завесть… и учинить опыты при себе, что из тех руд… выйдет, и те руды, и опыты, и досмотр прислать

к Москве».

Хотя в итоге успехи в области цветной металлургии в XVII в. и оказались довольно скромными (были получены лишь пробные плавки меди и серебра), недооценивать значение сделанных в то время рудознатцами открытий не следует. Они послужили толчком для новых экспедиций, для глубокого научного изучения и широкого использования природных богатств края в будущем. Именно в XVII в. было, например, начато освоение нерчинских серебряных месторождений, которые в дальнейшем имели важное значение для экономики всей страны.

Однако и в рассматриваемое время немало «проведанных» землепроходцами месторождений давали жизнь различным «промыслам». Так, на Аргуни удалось наладить выплавку из местной руды свинца и тем самым пополнить боезапасы окрестных острогов. Началась разработка некоторых из обнаруженных в XVII в. месторождений слюды, особенно широко в Западной Сибири, на Енисее и в Прибайкалье. Слюдой сибиряки себя обеспечили полностью и даже вывозили ее в Европу.

Наибольшее же развитие в Сибири XVII в. получила такая отрасль добывающей промышленности, как железнорудная. И это вполне закономерно при той потребности в железных изделиях, какую обычно испытывает колонизуемая страна. В тесной связи с железнорудной находились другие развитые отрасли добывающей промышленности — солеваренная, слюдяная. Все они, как правило, совпадали с районами распространения железоделательного производства. Оно давало базу для развития всех отраслей промышленности. Кроме того, в XVII в. среди ремесленников было обычным совмещение различных профессий, особенно смежных. Кузнец, например, часто одновременно являлся рудокопом, плавильщиком, солеваром.

Первые месторождения железной руды в Сибири стали разрабатываться русскими уже в 20-х гг. XVII в. — в Туринском, Томском, Кузнецком уездах. Затем были открыты и освоены другие месторождения — в Восточном Приуралье, в Енисейском и Якутском уездах, в Приангарье и Прибайкалье. Сибирское железо нередко было очень высоким по качеству. Так, о Кузнецком месторождении современники писали, что получаемый там металл «вельми добр… лучше свейского», т. е. шведского, одного из лучших в Европе. Его за Уралом выплавляли главным образом в небольших домницах, но тем не менее Сибирь к исходу XVII столетия стала почти полностью обходиться своим железом.

Главные цели организации железоделательного производства в крае определялись в правительственных наказах предельно просто: «делать пищали и к тем пищалям ядра, и… пашенным

крестьяном… ковати сошники, и косы, и серпы, и топоры, чтоб вперед с Руси железного наряду… не посылати».

Половина сибирского кузнечного производства и металлообработки располагалась в городах, половина — в сельской местности. Больше всего мастеров «железного дела» оказалось в уездах Западной Сибири (в Верхотурском, Тобольском, Тюменском), а также в Енисейском (о нем в документе 1685 г. говорилось как о месте, где «кузнецов и бронных мастеров многолюдство»). Всего в Сибири к концу XVII в. металлообработкой было занято более тысячи человек. Они делали сошники, косы, серпы, топоры, ножи, дверные петли, сверла, подковы, пешни, заступы, скобы, гвозди, котлы, воинские доспехи, копья, бердыши, ядра, чинили и (реже) изготовляли пищали, иногда лили пушки и колокола.

Железоделательным производством, как и солеварением, занимались и частные лица, и казна. Оно было преимущественно мелким, но действовали и сравнительно крупные заводы: Ницынский казенный завод, железоделательный завод Долматова монастыря, завод Тумашевых в Верхотурском уезде на реке Нейве, который являлся первым в Сибири крупным частным предприятием, применявшим наемную рабочую силу, и производил до 1200 пудов железа в год.

Вспомним, что крупное производство складывалось и в других отраслях сибирской промышленности — в судостроении, солеварении, изготовлении кож… И хотя мануфактуры в Сибири XVII в. возникали нечасто и, как правило, были недолговечны, их роль в развитии сибирской экономики не следует недооценивать. Сам факт появления предприятий такого рода на далекой восточной окраине Российского государства свидетельствовал о единстве экономических процессов по обе стороны от Уральских гор, о достижении сибирской промышленностью качественно нового этапа в своем развитии.

При общем сравнении с Европейской/ Россией достижения промышленности в Сибири XVII в. могут, правда, показаться довольно скромными. Этого, однако, не будет, если сравнивать уровень промышленного производства в дорусской (XVI в.) и русской (XVII в.) Сибири. При всякого рода сопоставлениях нельзя забывать и о таких обстоятельствах, как малочисленность и большая разбросанность населения, и о тех условиях, в которых русские налаживали за Уралом промышленное производство. Обычным явлением в Сибири того времени были военная опасность, голод, нехватка самых простых и самых необходимых вещей. Учитывая все это, успехи сибирской промышленности в XVII в. нельзя называть незначительными. Достижением было уже

то, что к началу следующего столетия за Уралом были представлены почти все отрасли ремесла.

Разумеется, не все они были хорошо развиты на восточной окраине России. И в конце XVII в., и в более позднее время в Сибирь еще продолжало поступать много промышленных изделий, особенно тканей. Вместе с тем резкое сокращение к концу XVII в. ввоза важных для сибиряков товаров наглядно свидетельствовало о становлении и успехах местного ремесла.

Значение для Российского государства «торгов и промыслов» Сибири в XVII в. хорошо понимали и некоторые современники. Оказавшийся в 1661–1676 гг. в тобольской ссылке выдающийся мыслитель своего времени Юрий Крижанич писал: «Сибирь и ныне нам полезна, но может стать гораздо полезнее». Показательно, что, помимо выгод от пушных про* мыслов и торговли с южными соседями, Крижанич отметил наличие в Сибири «железных руд», дающих возможность «получать оттуда всякое хорошее оружие и железо».

СИБИРСКАЯ ПАШНЯ

Развитие сибирского города не всегда было связано только с ремесленным производством или пушным промыслом. Там, где были благоприятные условия для земледелия, мог сложиться торгово-ремесленный центр, в основе существования которого прежде всего лежало развитие сельского хозяйства. В таких городах появлялось все больше ремесленных специальностей, важных в первую очередь для сельскохозяйственного производства или основанных на нем. При этом городские жители обычно сами охотно занимались земледелием и продавали хлеб для «непашенных» и «малопашенных» районов.

Важными центрами хлеботорговли являлись почти все экономически крепкие города Сибири, но особенно Туринск, Верхотурье, Тюмень и Тобольск. По сравнению с «дальними» сибирскими городами, они находились в сравнительно благоприятном для занятий сельским хозяйством районе, и в их судьбах земледелие сыграло важную роль.

Однако прежде чем содействовать превращению тех или иных селений в города, сибирское земледелие должно было пройти большой и трудный путь. Оно начало свое развитие практически на пустом месте, в целях вспомогательных, направленных на обеспечение продовольствием служилого и промыслового населения. Но постепенно русское хлебопашество стало основой всей хозяйственной жизни Сибири, преобразовало сам облик этого края и превратило его со временем (в начале XX в.) в одну из главных житниц России.

Голод был постоянным спутником первых русских переселенцев. Оі него страдали и гибли, начиная с «Ермакова взятья», и в таежных дебрях, и в местах, вполне пригодных для хлебопашества и скотоводства. Едва тлевшие очаги земледелия коренных обитателей Сибири не могли прокормить и сотой доли оказавшихся за Уралом русских людей. Им приходилось рассчитывать только на себя.

Вначале многие переселенцы находили выход из положения, обратившись к непривычной для русского человека пище. Воспринималось это ими, однако, очень болезненно. Ранние документы пестрят жалобами такого рода: «Едим траву и коренье»; «чего на Руси и скотина не ест, то мы едим»; «помирали голодною смертью и души свои сквернили — всякую гадину и медвежатину ели»… Сибирские леса, как правило, были богаты зверем, но охота в хозяйстве подавляющего большинства переселенцев могла иметь лишь вспомогательное значение, так

как основное время они были заняты другим делом. К тому же русским длительное время представлялось «нечистым» мясо многих диких животных, по сегодняшним понятиям вполне съедобных, включая деликатесную оленину.

Потребность в растительной пище на раннем этапе освоения Сибири русские часто стремились удовлетворить сбором и заготовкой путем сушки или засолки всякого рода дикорастущих трав. Например, в Мангазее готовили щи из травы, которую называли «капустою», а в Восточной Сибири варили растущий по берегам рек «борщ». Очень большое место в питании сибиряков, как уже отмечалось, стала занимать рыба.

Тем не менее при первой же возможности большинство переселенцев стремились и в Сибири восстановить привычную для коренных русских областей хлебо-мучную основу питания. Собирательство, охота и рыбная ловля рассматривались при этом как лишь подспорье в продовольственном обеспечении. В отсутствии же в нужном количестве хлеба обычно видели причину серьезных заболеваний. В 1636 г. томский воевода писал в Москву, что вследствие неурожая «служилые люди и пахотные крестьяне от великие от хлебные скудости… помирают голодною смертью, и многие едят траву борщ и кандык корень копают и едят, и от трав, и от коренья без хлеба оцынжали».

В Москве тоже хорошо понимали, что без обеспечения переселенцев хлебом невозможно их закрепление в Сибири. Сначала продовольственный вопрос пытались решить путем ежегодной присылки хлеба из Чердыни и Поморья. Мукой и крупами перед отправлением в Сибирь предусмотрительно запасались и служилые, и промышленные люди. Но по мере углубления в сибирскую территорию и усиления переселенческого движения за Урал подобные способы хлебоснабжения все меньше себя оправдывали. Они были слишком дороги, требовали больших затрат времени и, главное, были слишком ненадежны. Внутриполитические потрясения, трудности с перевозкой и иные неувязки, случалось, ставили русское население Сибири на грань голодной смерти.

Очень тяжело, например, переживали русские переселенцы Смутное время — период гражданской войны и интервенции в начале XVII в. Как сообщалось в воеводских донесениях в Москву, в 1608–1609 гг. денег и хлеба в Сибирь не было прислано совершенно, отчего там наступил «голод великой». Многие служилые люди Тобольска и других городов «от голоду разбежались на Русь», остальные собирались поступить так же, «только им хлебного жалованья не будет». В 1613 г. пелымский воевода просил хоть немного хлеба для стрельцов своего

гарнизона, чтоб они «врознь не разбрелися, а Пелым-ского города пуста не покинули», и напоминал, что «запасы сполна на Пелымь не дохаживали пятой год».

Курс правительства на создание за Уралом собственной продовольственной базы был в тех условиях вполне закономерным и единственно возможным. Уже в документах конца XVI в. предписывалось, чтобы в Сибири «вперед всякий был хлебопашец и хлеба не возить». Однако усилий первых поселенцев долгое время было недостаточно для самообеспечения зауральских территорий. В Сибири оказалось слишком много людей, не имевших возможности заниматься земледелием либо из-за своей загруженности другими занятиями, либо из-за проживания в «непашенных» уездах. Проблему могла решить лишь крестьянская колонизация края.

Первоначально для создания сибирской пашни правительство просто переводило «на вечное житье» в «новую государеву вотчину» крестьян из европейской части страны (из Поморья, Приуралья, Среднего Поволжья). Первые сведения о таких переводах относятся к 90-м гг. XVI в. и сообщают о водворении нескольких десятков крестьянских семей под Тюменью, Пелымом, Верхотурьем и Туринском. В дальнейшем такие способы формирования земледельческого населения сохранили свое значение лишь для наиболее отдаленных районов Сибири. Там на плечи крестьян-«сведенцев» еще долго ложилась основная тяжесть работ по устройству «государевой пашни». Для остальной же территории широко применялся другой путь — вербовка для переселения в Сибирь добровольцев. Их тоже набирали главным образом в северорусских уездах, предоставляя от казны немалую «подмогу» и льготы.

Однако примерно с середины XVII в. по мере усиления переселенческого потока за Урал все чаще производили набор в крестьяне из «вольных гулящих людей» уже в самой Сибири. Это было одним из путей использования правительством вольно-народной колонизации и обычно наблюдалось в уже предварительно освоенных с помощью принудительного переселения районах. Вольные переселенцы, став «государевыми крестьянами», завершали сельскохозяйственное освоение этих земель.

Новое земледельческое население привлекали в Сибирь и сами крестьяне. Из их среды выходили так называемые «слободчики». Они самостоятельно организовывали крестьянские поселения («слободы») и устраивали в них «охочих людей» на «государеву пашню».

Правительство разрешало слободчикам первоначальное

устройство крестьян на льготных условиях и управление ими. Это не было чисто сибирским изобретением, слободчики действовали и в Поморье, но они, как заметил известный ученый-архивист Н. Н. Оглоблин, «для малонаселенной Сибири… были находкою». Действительно, в 1630–1690 гг. они основали 26 слобод (главным образом в Западной Сибири), которые привлекали крестьян больше, чем селения, основанные по правительственным указам. Известно, однако, что представители царской администрации часто не доверяли слободчикам и стремились поскорее лишить их власти.

Простые крестьяне также могли вносить весьма существенный вклад в дело устройства на сибирскую пашню новых переселенцев. Используя возможность сдачи «тягла», крестьяне устраивали на свои места «вольных гулящих людей», предоставляя им помощь, подчас значительно превышавшую государственную «подмогу». Сдавшие таким образом «тягло» часто тут же отправлялись на новые земли, получая там как «новоприборные» крестьяне соответствующие льготы.

«Подмога», налоговые послабления, ссуда — все это давалось в XVII в. не зря. Тяжело доставался русскому человеку первый сибирский хлеб. Прежде всего нелегко было добраться через «непроходимые дебри» до новых «пахотных угодий». Крестьянские семьи по пути в Сибирь терпели большие лишения. Особенно трудно приходилось маленьким детям, они нередко умирали в дороге. А в «дальней государевой вотчине» природные условия во многом оказывались непривычными. Они заставляли менять веками выработанные земледельческие навыки и веками формировавшийся жизненный уклад.

Посевы неожиданно затоплялись вешними водами, вымерзали и высыхали, гибли от неизвестных «на Руси» вредителей и болезней. Документы того времени часто сообщают, что «хлеб водой вымыло», что всходы начал поедать «степной нахожий гад кобылка», что «хлеб позяб» или «была засуха»… Эти записи, замечает крупнейший исследователь истории сибирского земледелия В. И. Шунков, «говорят о трагедиях, о жестоких ударах, наносимых природой еще неокрепшему, только что складывающемуся хозяйству», но «на этом трудном пути земледелец обнаружил большую настойчивость, сметливость и в конечном счете вышел победителем».

Не каждый крестьянин решался извлекать выгоду из льготного положения первопереселенца, не каждый был способен быстро освоиться на новом месте, изменить в нужном направлении приемы возделывания почвы, подобрать наилучший для новых условий набор сельскохозяйственных культур. По

словам видного советского историка А. А. Преображенского, специально изучавшего положение первых крестьянских переселенцев в Сибири, «освоение того нового, что несла с собой незнакомая земля, требовало времени, больших трудовых усилий, воли к преодолению возникающих преград, сметки и находчивости. Все эти качества первопоселенцы Сибири проявили воочию».

Первым и самым важным их шагом на новой земле был Выбор места под пашню. С большой серьезностью и осмотрительностью выясняли условия для хлебопашества и рядовые переселенцы, и представители воеводской администрации. «Хлебной пашни не чаять, земля де и среди лета вся не растаивает», — отзывались они об одних участках. «На весну долго дозжей не живет и рожь выдымает ветром», — характеризовали другие. И только после того, как пробные посевы удавались, приходили к выводу: «Хлеб, чаять, будет родиться», «пашне быть большой мочно». Выявленным таким образом землям делались описи, иногда и «чертежи», и пахотные угодья быстро включались в хозяйственный оборот.

В Западной Сибири пригодные для хлебопашества участки обычно находили легко. В Восточной Сибири более суровые природные условия затрудняли выбор, но в конечном счете и там все решал опыт. Так, в Ангаро-Илимском кр'ае, как выяснил исследователь его истории, агроном по образованию В. Н. Шерстобоев, «под пашню выбирались преимущественно южные или юго-восточные склоны, чаще всего в полугоре. Спускаться к самой подошве препятствовали ранние осенние и поздние весенние заморозки. Подниматься на вершину… оказывалось нецелесообразным вследствие усложнения обработки… и большей бедности органическими веществами повышенных элементов местности. Не сразу, конечно, был найден этот принцип выбора пашни, многие поплатились за то, что не прислушались к безмолвному, но убедительному голосу природы. Но, ухватившись за елань (лесную поляну. — Н. Н.) в таком месте, крестьянин уже не отступал, а внедрялся в тайгу, медленно и методично отодвигая фронт леса».

В результате упорного и беспрерывного труда тысяч безвестных русских земледельцев к концу XVII в. в Сибири сложилось пять аграрных районов. В них вошла почти вся доступная к тому времени для хлебопашества территория. Ее северная граница проходила в районе Пелыма, пересекала Иртыш ниже впадения в него Тобола, шла через Обь у Нарыма, через Енисей по устью Подкаменной Тунгуски и по Лене до реки Амги. Рубеж этот, правда, проведен очень приблизительно и условно —

по отдельным очагам хлебопашества, выдвинувшимся, далеко на север и не смыкавшимся ни друг с другом, ни с находившимися южнее пашнями. Изолированный земледельческий островок складывался таким же образом и в Забайкалье.

Северная граница сибирского хлебопашества определялась в основном зоной распространения вечной мерзлоты, южная же почти целиком зависела от внешнеполитической обстановки, была неустойчива, но в целом постепенно «сползала» дальше на юг.

Земледельческие районы Сибири были, конечно, освоены неравномерно. Плотность их заселения была обратно пропорциональна степени удаления от Уральских гор. Это объясняется не только более поздним освоением восточносибирских земель, но и природно-климатическими особенностями различных районов края: по мере приближения к Тихому океану количество пригодной для хлебопашества земли уменьшалось. По словам известного советского географа В. В. Покшишев-ского, в Восточной Сибири «надо удивляться не слабому развитию «пашенного дела», но тому, что оно все же… возникало».

Самым развитым земледельческим районом был Верхотурско-Тобольский — главная житница Сибири. В нем к концу XVII в. проживало больше всего (около 10 тыс.) семей русских земледельцев. Этот район включал в себя Верхотурский, Туринский, Тюменский, Тобольский, Пелымский и Тарский уезды. Они, однако, сильно различались по степени развития земледелия: меньше всего хлеба производилось в двух последних, а больше всего — в трех первых уездах.

За Верхотурско-Тобольским по степени значимости следовали Томско-Кузнецкий район, Енисейский, Ленский (в верхнем течении реки) и Забайкальско-Приамурский. Всех их отделяли друг от друга большие пространства не тронутых рукой хлебопашца земель, прорезанные лишь тонкими ниточками путей сообщения с редко расположенными на них острогами и зимовьями. Томско-Кузнецкий район был значительно удален от главного сибирского пути, шедшего от Тобольска на Енисей и Лену, а потому, несмотря на благоприятные для сельского хозяйства условия, меньше привлекал переселенцев. К концу XVII в. хлебопашеством там занималось лишь около 1800 семей. В состав Енисейского района, охватывавшего земли по Енисею, Ангаре, Илиму, Прибайкалью, входили Енисейский, Красноярский, Илимский и Иркутский уезды. Пашни тянулись здесь редкой цепочкой вдоль рек, не углубляясь ни в таежные дебри, ни в горы. К началу XVIII в. в хлебопашество в этом районе

было вовлечено немногим более 2500 семей. Еще меньше переселенцев осело «на пашню» в бассейне Лены (около. 600 семей), а также в Забайкалье (около 500). Хлеб туда продолжали ввозить вплоть до конца XVII в.

В XVII в. хлебопашеством занимались почти все группы сибирского населения. По словам В. Н. Шерстобоева, крестьяне занимались земледелием «как главным своим делом, служилые, посадские и церковники — как побочным. Прочие слои доставляли земледелию дополнительную рабочую силу». Однако в XVII в. крестьяне среди земледельцев преобладали далеко не везде. Крестьянская запашка являлась самой значительной лишь в Верхотурско-Тобольском районе. В более же отдаленных местах главной фигурой среди земледельцев долгое время оставался служилый человек. Что же касается дополнительной, т. е. наемной рабочей силы, то ее на сибирских пашнях широко использовать не могли: слишком дорогой она была на малолюдной окраине. Хозяйства там держались главным образом на труде самих землевладельцев и их семей и в большинстве своем привлекали наемных работников лишь эпизодически. Вместе с тем показательно, что в X–VIII столетии много представителей некрестьянского земледельческого населения Сибири (особенно служилого) было официально записано в крестьянское сословие.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Военная опасность вынуждала русских осваивать в первую очередь районы с наименее благоприятными природными условиями. В начальный период освоения Сибири земледелие развивалось главным образом в таежной зоне и лишь местами проникало в более плодородную лесостепь. Распахивать приходилось почти исключительно целинные участки, но, поскольку степень заселенности края была невысокой, расчистка леса еще не получила широкого распространения. Сибирская пашня зарождалась на больших полянах (еланях), а первые сельские поселения были поэтому небольшими и располагались далеко друг от друга.

На территории сибирских уездов в XVI–XVII вв. складывались те же селения, что и в лесной, прежде всего северной полосе Европейской России. Самым распространенным видом сельских поселений были «деревни», состоявшие из одного-двух дворов Они обычно располагались не только вокруг городов и острогов, но и вблизи главных торговых и промысловых путей, которыми чаще всего являлись реки, служившие одновременно и основным источником водоснабжения жителей.

Вначале русские земледельцы вообще проживали в городах, а пашню пахали «наездомˆ в их окрестностях. Затем хлебопашцы стали ставить свои дворы хотя и за пределами крепостных стен, но все же вблизи городов по берегам больших рек, а еще позднее, по мере роста уездного населения, таким же образом осваивались мелкие притоки. Лишь изредка селения возникали у дальних озер или просто в лесу — при ключах. Часто сначала заселялся только тот берег реки, где находился город или острог, предоставлявший уездным жителям возможность быстро укрыться в случае военной опасности, и лишь длительное время спустя селения появлялись на другом берегу.

Постепенно увеличивалась численность сибирских деревень и их размеры. К началу XVIII столетия стали преобладать селения, имевшие около 10 дворов. Правда, располагались такие деревни главным образом в Западной Сибири, а к востоку от Енисея по-прежнему встречались довольно редко.

Помимо деревень, в сибирских уездах XVII в. имелись и другие, менее распространенные виды поселений. «Починками» и «заимками» обычно называли вновь создаваемые, а потому и небольшие поселения. «Сёла» были очень редкими в Сибири; они развивались из деревень, в которых строили церкви. Село могло стать для окрестных жителей не только религиозным, но и

административным центром. Гораздо реже, чем в Европейской России, встречались за Уралом и «погосты». Они тоже были церковными, а иногда и административными центрами более или менее обширной округи, но не всегда имели при себе крестьянские дворы.

Гораздо большее распространение в Сибири получили «слободы», занявшие промежуточное положение по отношению к городам и сельским поселениям. Слободы строились главным образом в южной Сибири и в качестве опорных пунктов земледельческой колонизации сыграли важную роль в освоении края. Они становились административными и религиозными центрами для всех селений своей округи, были, как правило, основательно укреплены. В слободах находились дворы приказчика (главы местной власти), духовенства, служилых людей и части крестьян. Большинство же «подсудного» слободе населения обычно размещалось в окрестных деревнях.

Во всех селениях Сибири наибольшее распространение получил северорусский тип построек. Первоначально при «отъезжих пашнях» нередко ставили небольшие «избушки», где на время полевых работ могли поселиться всей семьей. Около «пашенных избушек» постепенно возводились амбары, загоны для скота и тому подобные сооружения, и временное прибежище превращалось в полноценный двор. Но на раннем этапе освоения края значительная часть русских крестьян довольствовалась временными жилищами и небольшими по размерам постройками даже при оседании на постоянное житье. Причины этого понятны: в то время из-за трудностей с продовольствием работы на пашне обычно оказывались важнее всех остальных забот. Тем не менее проводимые тогда переписи часто отмечали и при деревнях, и при починках, и при заимках не только «избы» с оградами разного рода, но и клети, хлева, бани, овины, сенники, гумна, погреба, житницы… Такие постройки имелись, правда, не при каждом хозяйстве, но нередко находились в совместном пользовании нескольких семей.

К концу XVII в. произошло значительное укрупнение крестьянских семей, укрепление их экономического положения, и среди жилых помещений стали преобладать не простые избы, а более просторные, разделенные на две-три части дома. Появились пятистенки, имевшие и сени, и клети (неотапливаемые помещения для летнего жилья и хранения имущества), и горницы, быстро развивавшиеся в парадные комнаты, и полный комплекс хозяйственных построек, нередко размещавшихся «под одной кровлей». Некоторые сооружения (в сельской местности обычно нежилые) уже имели «подклеты» — нижние

хозяйственные помещения, в дальнейшем широко распространенные и в Сибири, и на севере Европейской России.

Дворовая усадьба чаще всего обносилась оградой из бревен, закрепленных либо горизонтально («заплот»), либо вертикально. Она хорошо защищала от ветра. Размеры возводимых в Сибири того времени жилых помещений были, как правило, довольно значительными — в пределах от 33 до 100 и более м^2.

В XVII в. печи в домах чаще всего не имели труб и топились «по-черному». В расположенных далеко на севере селениях, помимо русских печей, нередко устраивали камельки («чувалы»). Особая суровость климата северной полосы заставляла в борьбе за тепло уменьшать жилое помещение в целом, заглублять его в землю или делать высокую (до окон) завалинку. Вместо обычных для основных земледельческих районов двускатных и крытых «драньем» или тесом крыш, на севере их делали из бревен плоскими, утепляли землей и дерном, а вместо слюды и пузырей зимой вставляли в окна пластины изо льда.

От местных условий целиком зависел и материал, из которого возводились дома. В районах земледельческой колонизации росли многие породы хвойных деревьев, поэтому русские переселенцы наряду с использованием в строительстве привычной для них и удобной в обработке сосны часто применяли также лиственницу, пихту и кедр. Иногда в одном здании соединяли разные древесные породы, исходя из особых их свойств. Например, нижние венцы сруба делали из лиственницы, менее подверженной гниению, жилую часть — из сосны, кедр пускали на отделку и т. д. Так постепенно закладывались основы мастерства сельских строителей Сибири, поражавших позднее своим умением строить прекрасные дома — светлые, обширные, с изящной отделкой. Примечательно, что и во внутреннем их убранстве характерной чертой на целые столетия, как бы в противовес суровым природным условиям, стали просторность, опрятность и чистота.

СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Заселение сибирских уездов, как правило, начиналось с земель, представлявшихся первопоселенцам лучшими. Такими считались участки, не требующие большой работы по расчистке, удобно расположенные и безопасные на случай вражеского нападения. Однако с течением времени менялись сами представления о лучшей земле. То, что оставалось незаселенным на раннем этапе колонизации, могло с успехом позднее и заселяться, и распахиваться. Так, во второй половине XVII в. произошло значительное продвижение земледельческого населения Западной Сибири к югу, в бассейн рек Исети и Миасса. В лесостепи были чрезвычайно благоприятные условия для хлебопашества. Там строились довольно крупные слободы и остроги с многочисленным, по сибирским понятиям, крестьянским населением и близкими к нему группами служилых людей (беломестными казаками и поселёнными драгунами). И все же и в конце XVII в. даже в наиболее освоенных районах Сибири успехи земледельческой колонизации края еще никак не соответствовали его огромным земельным площадям.

В Сибири XVII в. отдельные угодья нередко находились в совместном владении той или иной группы переселенцев. Особенно часто так получалось с пастбищами и сенокосами. Преобладал, однако, индивидуальный порядок землепользования, когда не только пашня, но и крупные по размерам участки целины были в полном распоряжении отдельных семей.

За Уралом в то время можно было встретить поселения, целиком состоявшие из представителей какой-то одной социальной группы (обычно ямщиков или крестьян). Но не менее, а даже более распространенными являлись селения со смешанным составом жителей. Переписные книги и другие документальные источники очень часто, кроме того, регистрируют земельные владения, состоявшие из нескольких наделов, расположенных в разных местах.

Складывание подобных систем землепользования объясняется прежде всего природными условиями, затруднявшими компактное размещение переселенцев. Вместе с тем на начальной стадии освоения Сибири русские часто «приискивали» себе участки под пашню и покосы самостоятельно с последующим, порой через много лет, оформлением соответствующих документов. Широко бытовало и право первой

заимки (владения «исстари») без каких-либо «данных» или «отводных» грамот. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что, хотя земли в Сибири и считались «государевыми», многие участки переходили из рук в руки вследствие продажи, заклада и тому подобных сделок. Это усиливало чересполосицу владений и приводило к большой пестроте их размеров. По замыслам правительства, земельные участки сибирских служилых должны были соответствовать величине окладов их хлебного жалованья, а у крестьян — количеству обрабатываемой ими «государевой» пашни или величине взимаемого налога. На деле же этот порядок постоянно нарушался.

Особенностью Сибири было наличие огромного фонда пригодных для хлебопашества земель. Каждый переселенец рано или поздно приобретал столько земли, сколько мог обработать. И поскольку возможности эти не были у всех одинаковы, уже самые ранние переписи сибирских уездов выявили большую пестроту наделов. Обычным явлением, однако, было то, что из общего количества пригодной для пашни земли возделывать в хозяйстве удавалось, как правило, не более четвертой части. Средний размер крестьянской и служилой запашки в Сибири XVII в. определяется поэтому в три-пять десятин (десятина равна 1,1 га).

Но и за Уралом земельный простор был относительным. Наиболее удобными для хлебопашества участками являлись свободные от леса и расположенные недалеко от жилья. В них не было недостатка лишь в самый начальный период освоения края. Например, в ближайшем к «Руси» Верхотурском уезде земельные споры возникали уже в начале XVII в., а в 1625 г. вопрос о правомерности владения «лишними землями» рассматривался в Москве, куда дошла жалоба на несправедливость распределения угодий. «Всяких чинов люди» сообщали, что у некоторых верхотурских жителей «пашенных земель и сенных покосов занято много… а займовали… лишние земли те люди в те поры, как было на Верхотурье людей мало, а земель пороз-жих впусте много…»

Однако и в XVII, и в XVIII столетиях зоны хлебопашества в Сибири непрерывно расширялись, особенно в южном направлении — в лесостепь. Поэтому именно земельный простор еще долгие годы являлся отличительной чертой хозяйственного быта русских переселенцев. Он же в первую очередь определил и господствовавшую длительное время за Уралом систему полеводства.

В условиях слабой заселенности края и обилия в нем «пороз-жих» мест в Сибири при отдельных удачных попытках внедрить

привычное для Европейской России трехполье (на казенной пашне и в монастырских хозяйствах) до конца XVII в. преобладала переложная система земледелия. В течение 8 — 10 лет земля выпахивалась, а затем лет на 20–30 ее оставляли в «залежь», и в обработку пускался новый участок. Как сообщалось в отправляемых в Москву «отписках», «выпашные худые земли сибирские пашенные люди мечут, а займуют под пашни себе новые земли, где кто обыщет».

В Восточной Сибири, особенно в Ленско-Илимском бассейне, где гораздо чаще, чем в Западной, применялись расчистка и выжигание леса под пашню и земля ценилась больше, в XVII в. стала складываться и паровая система в виде двухполья (одно поле было под паром, на другом сеяли зерновые). Она давала возможность путем чередования полей ежегодно засевать уже не треть, как при переложной системе, а половину земельной площади.

Русские люди стремились перенести с собой за Урал весь набор известных им сельскохозяйственных культур. В целом это удалось, но из-за разнообразия природных условий в различных районах Сибири зерновые там оказались представлены неравномерно. Из озимых культур главной и единственной была рожь (как. впрочем, и в Европейской России). Из яровых посевов на «государевых десятинных пашнях» возделывали практически один овес. На своих собственных полях русские обычно также отводили первое место среди яровых овсу, но выращивали и пшеницу, ячмень, гречиху, полбу, горох, просо. При этом в Западной Сибири площади под яровые и озимые были, как правило, равны, а в Восточной вследствие более сурового климата чаще преобладали озимые посевы. Исключение составляло хлебопашество в районе Якутска: там за короткое засушливое лето вызревал лишь ячмень и озимые культуры не сеялись.

Кроме полевого земледелия, за Уралом, разумеется, возникало и приусадебное, причем распространилось оно гораздо шире полевого, так как овощи выращивали и в городах, и в местах, непригодных для хлебопашества. В XVII в. в огородах сибиряков росли лук, чеснок, морковь, редька, огурцы, свекла, брюква, но особенно часто — капуста и репа. Они и гораздо позднее, до появления картофеля, были у русских основной овощной пищей, запасаемой на весь год. Местами огороды так и называли — «капустники».

При усадьбах же выращивали и коноплю, требовавшую хорошо удобренной почвы и служившую в то время основным сырьем для получения растительного масла, а также для

изготовления веревок и грубых тканей. В конце XVII в. появились в Сибири и первые посевы льна.

Особенностью сибирского хлебопашества являлось то, что удобрение полей навозом за Уралом почти не применялось, так как вначале не давало ожидаемого результата. В Москву сообщали, что в Сибири, «где на выпашную землю навоз и вывезут, и на той земле хлеб родится плох, побивает травою». Тем не менее урожайность зерновых была там хотя и неустойчивой, но в целом более высокой, чем в центральных районах Европейской России. В Сибири в XVII в. в «погожий» год собирали по 100 и более пудов озимой ржи с десятины. Это, кстати, средняя урожайность в нашей стране и в 80-е гг. XX в. (16 центнеров с га).

Некоторые дореволюционные ученые считали системы сибирского земледелия примитивными, неразвитыми, стоявшими на более низком, чем в европейской части страны, уровне. Исследования последних лет свидетельствуют о неправомерности таких сравнений. Каждая система земледелия определяется прежде всего условиями, в которые поставлен земледелец. Приемы полеводства, выработанные в XVII в. за Уралом русским хлебопашцем на основе богатого опыта, оказались в сибирских условиях долгое время наиболее целесообразными и оправданными. Как отметил известный советский историк В. А. Александров, «северорусское крестьянство пришло в Сибирь с прекрасным знанием трехполья. Между тем уже первые поколения переселенцев убедились в трудности его внедрения в местных условиях… Сибирская пашня не требовала немедленного удобрения навозом… Русские земледельцы заметили, что на унавоженных пашнях хлеб родится плохой и зарастает сорняками, а устойчивые урожаи основная культура того времени — рожь — давала только при озимом… посеве. Кроме того, сибирские поля были сильно засорены сорняками, с которыми можно было бороться, применяя только залежную систему».

В Сибири переселенцы вынуждены были многое делать «не против русского обычая», в том числе и заготовлять сено. Оказалось, в частности, что «на которых лугах сено косят, и на тех местах на другое лето трава бывает худа или не растет» и на следующий год приходится косить «на иных лугах или в дубровах». При всем этом травостой в Сибири был в основном хорошим, и это создавало благоприятные условия для скотоводства. Сибиряки не только в деревне, но и в городе держали лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, свиней, кур. Конечно, не все имели полный набор домашних животных. Коров держали чуть ли не повсеместно, а из другой живности в

документах XVII в. чаще всего упоминаются овцы.

Весной и летом скот находился на подножном корму, но пастухов в сельской местности обычно не было. Там «скотные выпуски» обносились «городьбой», а иногда, наоборот, огораживая поля, оставляли животным для свободной пастьбы все остальное пространство. Отметим, что и по обеспеченности скотом русское население Сибири в целом оказывалось в более выгодном, по сравнению с центральными районами страны, положении. Например, в Енисейском уезде в середине XVII в. «прожиточными» считались лишь те крестьяне, которые имели не менее четырех лошадей, а таких, судя по переписи 1645–1646 гг., там было большинство.

ИТОГИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ В XVII В

К середине XVII столетия по стране уже широко распространился слух о том, что Сибирь является привольным краем для людей не только «торговых и промышленных», но и «пашенных». В ближайших к Сибири областях Европейской России крестьяне особенно внимательно слушали рассказы о плодородии и изобилии сибирских земель. И вот во второй половине XVII в. происходит резкое увеличение притока вольных переселенцев за Урал и их массовое оседание именно «на пашню». Ускорил этот процесс и церковный раскол: в Сибири стали находить убежище многие ревнители «старой веры».

Среди отправлявшихся «на житьё» в Сибирь возрастает количество семейных, а также таких беглецов, которые, устроившись в «новой государевой вотчине», возвращались на родину уже законным порядком и вывозили в Сибирь свои семьи. Поток жалоб на самовольный уход крестьян заставил правительство в 1670 г. издать указ, предписывавший не принимать новых переселенцев, а беглецов высылать обратно. В Приуралье на дорогах учреждаются дополнительные заставы, в самой же Сибири пытаются проводить «сыски» беглых крестьян и холопов. Но все эти меры почти не дали результата. Их осуществле-, нию мешали и бездонные просторы Сибири, и заинтересованность местных властей в новых переселенцах. Крестьяне уходили за Урал группами в десятки человек, обходя с помощью татар и вогулов караульные посты, и совершенно терялись в сибирских просторах. Как следствие этого, в последней трети XVII в. и произошло резкое увеличение численности крестьянского населения края.

Для зауральских территорий 60 — 70-е гг. XVII в. оказались вообще весьма заметным рубежом. Видимо, как раз с этого времени русское население Сибири стало в гораздо большей мере, чем ранее, увеличиваться за счет естественного прироста, а не притока извне, и это красноречивее всего свидетельствовало о значительном улучшении условий жизни переселенцев.

В обеспечении сибирских городов и острогов продовольствием, правда, оставалось немало трудностей и во второй половине XVII в. Из них главной была задача внутреннего перераспределения выращенного в Сибири хлеба, необходимость снабжать им районы, оставшиеся из-за неблагоприятных природных условий или постоянной военной опасности

«малопашенными» и «беспашенными». Это создавало ряд сложностей даже на территории самого развитого земледельческого района — Верхотурско-Тобольского. В поступавших оттуда донесениях воевод часто говорилось о приезде «всяких чинов людей» для покупки хлеба «про свою нужу». Московское правительство было в то время озабочено проблемой снабжения Восточной Сибири, поэтому в западносибирские «пашенные» города шли предписания всячески контролировать и ограничивать хлебную торговлю.

Вместе с тем центральные власти продолжали прилагать немалые усилия к укреплению выдвинувшихся далеко на восток «форпостов земледельческой колонизации», пытаясь уменьшить разрыв между земледельческим и промысловым освоением Сибири.

Это, однако, удавалось с трудом. «Трагедия русской колонизации, — отмечал крупный советский исследователь В. В. Покшишевский, — заключалась в географическом отставании земледельческого «тыла» от далеко ушедшего на восток «авангарда». Расстояние от главной сибирской житницы — Верхотурско-Тобольского района — до Якутска или Нерчинска было намного больше, чем от поморских городов до Иртыша или Оби, путь же был труднее. А собственные очаги земледелия в Восточной Сибири еще длительное время не могли полностью обеспечить ее хлебом.

И все же успехи земледельческой колонизация Сибири к концу XVII в. выглядят впечатляюще, а трудности внутреннего перераспределения «хлебных припасов» уже не идут в сравнение с продовольственными проблемами начала столетия.

Из 20 сибирских уездов лишь 3 — Березовский, Сургутский и Мангазейский — оставались «непашенными», остальные же имели возделанные поля и прочную основу для развития сельского хозяйства. Возникшие на их территории сельские поселения в большинстве своем дожили до XX в.

Показателем успехов сибирского земледелия являлось и состояние тесно связанной с ним мукомольной промышленности: с течением времени она все более совершенствовалась и укрупнялась. Известно, что вначале мельниц в Сибири не хватало. Это сильно осложняло жизнь переселенцев. Например, в Енисейском уезде в 1628 г. четыре мельницы уже не могли обеспечить потребности жителей в помоле, а раз у них не было муки, то не было и возможности печь хлеб. Как сообщалось из Енисейска, «многие служилые люди и пашенные крестьяне рожь варят кутьёю и едят». Однако к концу XVII в. в «пашенных» уездах Сибири работали уже сотни водяных мельниц (ветряных были

единицы), среди которых все больше сокращалось количество простейших («мутовок») и умножалось число «колесчатых» — более сложных по устройству и более производительных.

Западноевропейские путешественники, проезжавшие в конце XVII в. по Сибири, во многих ее районах чувствовали себя как в земледельческой стране, отмечая изобилие и доступность разных видов продовольствия. Так, российский посланник в Китай голландец Избрант Идее, осмотрев в июне 1692 г. земли к юго-западу от Тюмени, записал: «Это путешествие… доставило мне величайшее наслаждение, так как по пути встречались прекраснейшие луга, леса, реки, озера и самые плодородные и прекрасно обработанные поля, какие только можно себе представить, все хорошо заселенные русскими; здесь можно было достать всякие припасы по сходной цене». Дешевизну зерна и мяса, не говоря уже о рыбе, он отметил и находясь в Тобольске. Следуя далее, Идее указал, что в Енисейском уезде не только «множество деревень», но и «много… зерна, мяса, рогатого скота и домашней птицы». Под Нерчинском, по описанию Идеса, у жителей «имеется хорошая и удобная для обработки земля, где они сеют и сажают зерновых и овощей столько, сколько им требуется».

Сибирский ученый-самородок, историк, картограф и архитектор Семен Ремезов в конце XVII в. отзывался о родной Сибири с гордостью и любовью: «Воздух над нами весел и в мерности здрав и человеческому житию потребен… Земля хлебородна, овощна и скотна, опричь меду и винограду ни в чем скудно».

Такие оценки и мнения складывались отнюдь не под воздействием случайного стечения благоприятных обстоятельств. Историки подсчитали, например, что если в первой четверти XVII в. общая посевная площадь составляла в Сибири около 30 тыс. десятин, то к началу XVIII в. она равнялась 100–120 тыс. десятин, а общий сбор с нее зерна определяется для Этого времени в 3 919 320 пудов.

Так в течение одного столетия по сути, дела бесхлебная Сибирь превратилась в край, обеспечивавший себя собственным хлебом.

В 1685 г. были отменены обязательные поставки за Урал продовольствия из Европейской России, и это следует признать крупнейшим достижением русских земледельцев. Показательно также, что к концу XVII в. хлебопашцы составляли в Сибири большинство русского населения. Из 25 тыс. русских семей земледелием там занимались около 15,5 тыс., причем собственно крестьяне, составляя почти половину переселенцев (11 тыс.

семей), уже сравнялись по численности с первоначально самой представительной в Сибири группой русского населения — служилыми людьми. Они, правда, сохранили численный перевес на большей части сибирской территории, но это были ее наименее заселенные, наименее освоенные районы.

НОВАЯ «ГОСУДАРЕВА ВОТЧИНА» СИБИРЬ

В экономически развитых уездах воеводская администрация встречала все меньше трудностей с организацией пашни: жизнь сибирского крестьянина становилась все более привлекательной для пришлого люда. Такой ее делали не только земельный простор и хорошие урожаи, но и другие, не менее важные обстоятельства. В Сибири не получило распространения помещичье землевладение, в ней не было крепостного права. Почти вся территория от Урала до Тихого океана стала, как и черносошное Поморье, «государевой вотчиной». Означало ли это, что на сибирских землях не существовало феодальной эксплуатации? Разумеется, нет. Но тот вариант феодальных отношений, который сложился в XVII в. в Сибири, был гораздо предпочтительнее для крестьян, чем крепостнические порядки центральных районов страны.

Как же правильнее охарактеризовать сложившуюся за Уралом систему общественных отношений? Поскольку монастырское и частное феодальное землевладение не получило на восточной окраине существенного развития и эксплуататором трудящихся там стало прежде всего государство, в котором господствовал класс феодалов, советские историки пришли к выводу о складывании в Сибири системы государственного феодализма. Особенностью положения сибирского крестьянина было его прикрепление не к земле, а к тяглу, т. е. всей совокупности налогов и повинностей. Крестьянин мог сдать свое тягло другим переселенцам, меняя при этом местожительство и даже социальное положение (переходить в посад, в служилые люди). Беглыми крестьяне считались лишь в том случае, если оставляли свое тягло «впусте», но таких фактов нам известно сравнительно немного. Сдача тягла в условиях постоянного притока новых переселенцев не вызывала серьезных затруднений, а переселение крестьян с места на место было обычным явлением при залежно-переложном землепользовании, предполагавшем частое забрасывание «выпаханных» участков и поиск новых.

Центральная власть рассматривала себя как собственника сибирских земель и за пользование ими требовала от населения уплаты налогов и выполнения повинностей, другими словами — отработочной, натуральной или денежной ренты. Обусловив землепользование тяглом, власти утверждали, что в Московском

государстве никто «безоброчно и безданно никакими землями… не владеет», однако на деле редко вмешивались в поземельные отношения на сибирской «украйне» и последовательно требовали лишь исправного несения повинностей. Поэтому хотя Сибирь и являлась «государевой вотчиной», свое верховное право на сибирскую землю царское правительство только временами подтверждало какими-нибудь указами и распоряжениями (об изъятии у отдельных лиц земельных участков, о переносе некоторых селений в другие места и т. д.). Обычно же землевладение крестьян и прочих категорий сибирского населения граничило с правом частной собственности.

В целом установившийся за Уралом режим феодальной эксплуатации носил смягченный, по сравнению с основной территорией страны, характер и сближал Сибирь с черносошным Севером Российского государства. К складыванию такого положения привел целый ряд причин. Отдаленность Сибири и ее размеры, слабая заселенность и особые природные условия края — все это определило важнейшие особенности развития.

Как мы уже выяснили, Зауралье заселялось главным образом выходцами с не знавшего крепостного права русского Севера. Правящие круги России, с одной стороны, не могли не считаться с привычным большинству переселенцев порядком землепользования, аˆ с другой стороны, будучи кровно заинтересованными в быстром заселении зауральских земель, прекрасно понимали, что помещичья, крепостная Сибирь вообще не привлечет к себе переселенцев. Кроме того, заботясь об укреплении государства, правительство совершенно сознательно стремилось превратить богатую пушниной Сибирь в источник доходов прежде всего для казны, так остро нуждавшейся в пополнении. Поэтому власти и сдерживали за Уралом развитие помещичьего и монастырского хозяйства.

В первую очередь интересами истощавшейся царской казны определялась и проводимая центральной властью политика в отношении коренного населения Сибири. С. В. Бахрушин еще в 1922 г. отметил, что царское правительство было заинтересовано в сохранении ясачных людей «не только от истребления, но и от притеснений, так как ценило в них плательщиков ясака и нередко жертвовало ради них интересами русских колонистов». Сибирской администрации предписывалось на коренных жителей воздействовать «лаской», а не «жесточью». Без разрешения из Тобольска или Москвы местные власти были лишены права применять смертную казнь по отношению к ним. Правительство неохотно разрешало прибегать к оружию даже в случае восстаний ясачных людей. Конечно, взаимоотношения московской

администрации со своими подданными не следует представлять в розовом свете. Как писал тот же С. В. Бахрушин, «на практике… мудрые правила правительственной политики далеко не всегда осуществлялись», воеводы и всякого рода «приказные люди» допускали «вопиющие насилия», однако при всем этом «заботливое, хотя и не бескорыстное отношение центрального правительства к инородцам заслуживает быть отмеченным».

«Остается историческим парадоксом, — заметил через полвека после опубликования этих слов А. А. Преображенский, — что «цивилизованные» западноевропейские державы того времени уже вовсю вели истребительные войны, очищая от «дикарей» целые континенты, загоняя в резервации уцелевших туземных жителей. А варварски-азиатский российский царизм в отсталой стране к присоединенным народам старался не применять насильственных методов».

Напрашиваются здесь сопоставления и с национальной политикой некоторых азиатских соседей России. Советский историк Ш. Б. Чимитдоржиев в книге «Россия и Монголия» сообщает о настроении находившихся в подчинении Китая монголов уже в XIX в. Они полагали, что «в России буряты — одноплеменники монголов… живут в страну» не терпя никаких стеснений, пользуясь равноправием во всех отношениях». «Такая идеализация жизни населения окраин царской России, — подчеркивает исследователь, — могла свидетельствовать лишь о том, в каком неимоверно тяжелом положении находились монголы — подданные Цинской империи».

Коренные обитатели Северной Азии интересовали царское правительство прежде всего как поставщики драгоценной пушнины. Страх потерпеть ущерб от ясачных недоборов наряду со слабостью своих собственных позиций в малолюдной Сибири побуждал центральную власть относиться внимательно к жалобам местных жителей, бороться с их закабалением воеводами и гарнизонной верхушкой, наказывать уличенных в жестоком обращении с ясачными людьми, снабжать голодающих «иноземцев» продовольствием и т. д. По этой же причине в Сибири не могло возникнуть и земледельческих плантаций, на которых бы использовался подневольный труд коренного населения.

С ясачных людей (в отличие от русских) запрещалось взимать недоимки «правежом» — с помощью телесных наказаний. Решительный курс правительственная администрация сразу же взяла на прекращение кровавых усобиц и распрей между отдельными племенами и родами. Хорошо известно, например, что еще Семен Дежнев «мирил» тунгусские племена на реке

Оленек, предотвратив войну между ними.

Не следует, разумеется, обольщаться относительно действенности всякого рода «охранных» мер, а также недооценивать степень феодального угнетения в Сибири в целом. И за Уралом простой человек был феодально зависимым, являлся объектом эксплуатации — в первую очередь непосредственными представителями государственной власти. Крестьян, например, могли переселить на необжитые земли «по указу», т. е. насильно. Жителей Сибири заставляли выполнять многочисленные повинности и платить подати. Помимо установленных законом поборов и «изделий», русское и коренное население края жестоко страдало от произвола местной администрации.

Порядок управления Сибирью, характер ее эксплуатации как феодальным государством в целом, так и отдельными его представителями — все это следует рассмотреть более подробно.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ СИБИРИ ЦАРИЗМОМ В XVII В

Система управления Сибирью в XVII в. была по-своему довольно четкой и последовательно направленной на извлечение с зауральских территорий максимальных прибылей для казны.

В Москве сибирскими землями вначале ведал Посольский приказ, с 1599 г. — Приказ Казанского дворца (управляющий также и Поволжьем), а с 1637 г. было специально создано новое центральное учреждение — Сибирский приказ, на который и возлагалась вплоть до 60-х гг. XVIII в. ответственность за состояние «новой государевой вотчины». Новый приказ сразу же получил очень широкие, по сравнению с другими учреждениями такого же рода, полномочия: он не только обязан был заботиться об исправном поступлении в царскую казну податей и налогов, о назначении на места воевод и прочих «начальных людей» и т. д., но и о хранении пушнины, о проведывании новых земель, о связях с сопредельными странами.

Во главе Сибирского приказа стоял судья (назначавшийся обычно из видных представителей московской знати); ему подчинялись дьяки, ведавшие «столами» (отделами) — Томским, Ленским, Мангазейским и др., а канцелярскую работу выполняли десятки подьячих.

Вся подведомственная Сибирскому приказу территория делилась на уезды, возглавляемые назначенными из Москвы воеводами, в руках которых и сосредоточивалась местная власть. Уезды с течением времени объединялись в «разряды» (Тобольский, Томский, Енисейский, Ленский), которыми руководили разрядные воеводы. А над всеми сибирскими городами, уездами и разрядами главенствовал тобольский воевода.

Такой порядок управления был необычен для окраин Российского государства, но хорошо объясняется отдаленностью «новой государевой вотчины» и ее громадными размерами.

В распоряжении воевод находились канцелярии — съезжие, или приказные избы (в больших городах — палаты), которые словно копировали в уменьшенном виде Сибирский приказ. Главную роль в них обычно играли 1–2 дьяка, которым подчинялось несколько подьячих, ведавших столами — денежным, хлебным, ясачным и т. п.

Уезды состояли из русских «присудков» и «иноземческих» ясачных волостей. Волости обычно соответствовали давно

сложившемуся родо-племенному делению сибирских народов, и управление ими осуществлялось с опорой на местную родо-племенную знать. Русское же уездное население подчинялось непосредственно «приказчикам», которые в своих «присудах» были как бы воеводами в миниатюре.

Большинство сибирских крестьян в рассматриваемое нами время как раз и находилось в ведении этих «приказчиков». Они обычно назначались из представителей местной служилой верхушки и имели очень широкий круг прав и обязанностей. Приказчик прежде всего должен был следить за исправным выполнением крестьянами повинностей и «искати государю во всем прибыли». Приказчику предписывалось «унимать» крестьян от «всякого дурна», вмешиваться в случае необходимости (если возникало опасение, что пострадает работа) в собственное хозяйство крестьян и даже в их личную жизнь.

Некоторым противовесом всей этой разветвленной административной системе (и вместе с тем составной ее частью) являлась «мирская», общинная организация сибирского населения. Общинное начало, как убедительно показали исследования последних лет, было еще очень сильно на Руси в XVII в. (особенно в районах, не знавших крепостного права), и жители сибирских городов и уездов также делились на отдельные «миры» (крестьянский, посадский, служилый), спаянные общностью судеб и интересов и по большей части самостоятельно решавшие свои внутренние дела. Они сами распределяли в своей среде налоги, повинности, различные «службы», контролировали сбор пошлин. «Миры» нередко успешно отстаивали перед воеводской администрацией свои интересы, но вместе с тем вынуждены были помогать ей в управлении сибирскими землями, постепенно превращаясь в низшее звено государственного аппарата.

Широкие права и отсутствие строгого контроля со стороны вышестоящего начальства давали воеводам, «приказчикам» и другим «приказным» возможность, несмотря на противодействие «мира», часто злоупотреблять своей властью и нарушать «для своей корысти» законы, на страже которых они были призваны стоять. Это тяжело отражалось на населении.

Больше всего, как это ни покажется странным, верхушка администрации притесняла вооруженную опору государственной власти — служилых людей, поскольку именно они по роду своих основных занятий наиболее часто сталкивались с «приказными людьми», находясь в их непосредственном ведении. «Никого не пороли так часто и так усердно, как казаков», — подметил В. Н. Шерстобоев.

Но телесными наказаниями за малейшую провинность и побоями, приводившими порой к тяжелым увечьям, «насиль-ства» воевод и «начальных людей» над рядовыми служилыми не ограничивались. Широкое распространение получили, например, вымогательства взяток. Их давали за зачисление на освободившееся в гарнизоне место, для своевременного получения жалованья, для освобождения от обременительных «служб» и просто «в почесть». Удобной статьей дохода стало заключение подчиненных по ложному обвинению в тюрьму для «вымучивания» денежных подношений или кабальных записей на якрбы данные в долг деньги. Воеводы и «головы» заставляли служилых работать в своем хозяйстве, обсчитывали их при выдаче жалованья.

У торговых и промышленных людей воеводы вымогали взятки особым способом: задерживали выдачу разрешений на промысел и ставили тем самым перед угрозой не попасть на место охоты вовремя. В тяжелую обузу для промышленных и торговых, а также служилых и «всяких жилецких» людей превратились обязательные подношения представителям воеводской администрации, включая их дворню, производившиеся обычно мехами либо совершенно открыто «в почесть», либо в виде «займов».

«Приказные люди» и воеводы разоряли жителей Сибири ростовщичеством и спекуляцией, не останавливались перед прямыми грабежами и насилиями. От их притеснений страдало и служилое, и неслужилое население, и русские, и «иноземцы». Сталкиваясь с подобным произволом, ясачные люди, случалось, посылали депутации к служилым и крестьянам с расспросами: «Так ли де у вас на Руси великие люди и приказные делают?..» И узнавали, что русские терпят такие же «насиль-ства» и что по московским законам все это называется «воровством», подлежащим «жестокому наказанью» от «великого государя». До «государя», однако, сибирским жителям было далеко…

Конечно, коренное население Северной Азии, жившее до прихода русских в основном в условиях патриархального строя, переносило феодальный произвол и угнетение крайне болезненно, однако было бы неверно считать весь обрушившийся на сибирские народы в XVII в. режим феодальной эксплуатации «национальным гнетом», как это нередко делалось в старой исторической литературе. Национальным этот гнет можно было бы признать лишь в том случае, если бы ему не подвергался в той же мере и русский народ, а он в XVII в. эксплуатировался феодалами ничуть не в меньшей степени, в том числе и на сибирской территории.

Даже такая, не слишком часто встречавшаяся в рассматриваемое время форма социального угнетения, как превращение свободного человека в холопа, распространилась за Уралом не только на коренное население, но и на русских. Холопов в Сибири было, правда, немного. В частности, выходцы из местных народов ими чаще всего становились, лишь попав в плен к русским во время военных походов, так как «мирными иноземцами»— плательщиками ясака — правительство очень дорожило и решительно препятствовало их закрепощению. В холопы («дворовые люди») «иноземцы» попадали и в результате их продажи соплеменниками: обычай продавать детей и женщин существовал у многих сибирских народов. Русские же становились холопами чаще всего в результате закабаления, когда, например, за долг человек попадал «в зажив головою» к заимодавцу-кредитору. «Тенденция к закрепощению отнюдь не ограничивалась лишь местным населением», — замечает известный советский историк В. И. Шунков и приводит интересный факт: «Выпись… 1719 г. отметила по Берёзову 38 дворовых людей, в том числе одного самоеда, 15 остяков и 22 русских».

Уже некоторые дореволюционные исследователи приходили к выводу, что в притеснениях сибирских «иноземцев» воеводской администрацией «выражалась не племенная вражда, а алчность».

Нет оснований считать проявлением национального гнета и преступные действия всякого рода «лихих людей» — лиц часто с уголовным прошлым, чинивших в Сибири «насильства» и грабежи всюду, где представлялась возможность, в том числе и среди коренного населения. Больше всего их на первых порах оказывалось в составе казачьих отрядов, наспех сформированных из деклассированного «гулящего» люда и ссыльных. Первыми же жертвами разбойных нападений обычно становились встречавшиеся на пути торговцы и промышленники, а крестьяне, прослышав о приближении буйствующих «новоприборных служилых», нередко спешили собрать деньги, чтобы, дав «откуп», поскорее спровадить такое «войско» подальше.

Особенно вольготно «лихие люди» чувствовали себя в начальный период освоения Сибири, когда государственная власть там была еще очень слаба и многое прощала своей вооруженной опоре. Воеводы и их помощники вынуждены были смотреть сквозь пальцы на поведение служилых людей, тем более что сами не слишком выбирали средства для обогащения. Но поскольку ущерб государственным интересам (особенно ясачному сбору) при таком положении дел был слишком очевиден, оно обычно сохранялось недолго. С увеличением потока переселенцев

у администрации появлялась возможность более разборчиво и осмотрительно относиться к приему в «службу» и «выметывать со службы» тех, кто проявлял себя на ней не лучшим образом.

Ясак, взимавшийся с народов Сибири в XVII в., вначале по сути дела ничем не отличался от дани, выплачиваемой и до русских слдбыми родами и племенами сильным соседям. С данью побежденных победителям ясак сближали и способы его получения на раннем этапе колонизации. Власти брали (часто насильно) у местного населения заложников («аманатов») и держали их в заключении (в «аманатских избах») до сбора всего ясака. В непрочно закрепленных районах существовал и так называемый «неокладной ясак». Он выглядел уже иначе — как простой товарообмен: сборщики получали меха лишь в обмен на солидные «государевы подарки».

Однако с укреплением в Сибири позиций государственной власти ясачная подать быстро стала превращаться в ренту, взимавшуюся феодальным государством за пользование зем-лей. Представители ясачного населения (как правило, «лучшие люди», «князцы») в установленное время сами привозили ее в русские города и остроги, где им устраивались торжественная встреча и угощение.

Размер даже твердо установленного ясачного оклада в разных районах был неодинаков и колебался от 1 до 10–12 соболей в год с одного мужчины-охотника. Историки, однако, давно установили, что в стоимостном выражении ясачные платежи были в целом значительно меньше налогов и повинностей крестьянина или посадского человека. Правда, и по уровню развития производительных сил коренное население Сибири, сильно различаясь, обычно уступало русским переселенцам. Это в большинстве, случаев не позволяет считать феодальный гнет для коренных жителей более легким, особенно если учесть злоупотребления ясачных сборщиков и воевод. Тем не менее показательно, что в XVII в. за Уралом сложилась весьма интересная, хотя и немногочисленная группа русских ясачных людей. В отличие от «иноземцев», русские становились ясачными по доброй воле, как правило, в связи с приобретением земель у ясачного населения. Это происходило лишь потому, что они оказывались в таком случае при уплате податей и несении всякого рода повинностей в явно более выгодном положении по сравнению с крестьянами и посадскими людьми.

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ

Как мы видели, все слои трудового населения Сибири, несмотря на существовавшие между ними различия, ощущали на себе тяжесть феодального гнета. И он не мог не вызвать противодействия. Протест против феодального произвола и эксплуатации находил за Уралом самые различные проявления и облекался в те же самые формы, что и в Европейской России, — от подачи жалоб-челобитных и побегов до вооруженных выступлений.

В XVII в. по Сибири временами словно прокатывались волны народного гнева.

В 1641 г. произошло восстание верхоленских тунгусов, в следующем году началось крупнейшее выступление якутов, поводом к которому послужила перепись скота для увеличения ясачного обложения. Восставшие перебили несколько отрядов ясачных сборщиков и осаждали Якутский острог. В 1674 г. произошло мощное восстание тунгусов Киндигирского и Челкагирского родов, сопровождавшееся истреблением отдельных отрядов служилых людей и промышленников и попытками уничтожить их опорные пункты. По рассказам очевидцев, при осаде Баунтовского острога восставшие «пошли валом на приступ… и стрел на острог полетело со всех сторон что комаров». В 1680 г. вновь очень тревожной была обстановка в Якутии…

Выступления ясачного населения против налогового гнета и «насильств» представителей российской администрации родоплеменная верхушка сибирских народов часто использовала в своих узкокорыстных интересах. Но в XVII в. происходили острые социальные конфликты и в среде коренных обитателей Сибири. Примером тому может служить выступление кодских хантов против своих князей Алачевых, обиравших их при сборе ясака. После подачи царю челобитной ханты добились права сдавать ясак прямо в казну, а князья лишились прежней власти.

Якутская беднота боролась со своими князьями (тойонами), прибиравшими к рукам лучшие угодья. Нередки были случаи потрав и самовольного сенокошения на их земле. В 1684 г. против тойонов вспыхнуло восстание под руководством братьев Сакуевых; в нем наряду с якутами участвовали эвенки.

Российский суд принимал к рассмотрению дела у всех групп сибирского населения. Пользуясь этим, ясачные люди все чаще стали обращаться туда с жалобами как на российскую администрацию, так и на представителей своей родо-племенной

верхушки.

И все же главными действующими лицами на арене классовой борьбы в Сибири были трудовые слои русского населения. В XIX в. говорили, что сибиряку несвойственна «рабская психология». Это явилось результатом не только отсутствия за Уралом крепостного права, но и итогом многолетней борьбы сибиряка за свое человеческое достоинство. Борьбы нелегкой и упорной, отличавшейся от общерусской некоторым своеобразием.

В XVII в. народные движения в Сибири чаще всего принимали форму «отказа» подчиняться представителям царской администрации. Это в немалой степени объясняется бытовавшими в сибирской среде традициями общинной взаимопомощи и самоуправления, объединением русских переселенцев в крепкие «мирские» организации. «Отказывая» всем «миром» какому-либо воеводе или «приказчику», жители русских городов и острогов обычно не просто заявляли о непризнании над собой его власти, а использовали (или создавали) в противовес ей свои выборные органы. В документах о восстаниях упоминаются «мирские советы», «круги», выборные «судейки» и т. д., которые и брали на себя управление городом и уездом.

Наиболее действенной силой народного протеста в Сибири были служилые люди. Подобно казачеству в крестьянских войнах на территории Европейской России, они выполняли организующую роль в развернувшейся за Уралом в XVII в. социальной борьбе. В служилой среде, как уже отмечалось, стойко держались порядки казачьего самоуправления, длительное время сосуществовавшие с порядками официального воинского устройства. Народные волнения выдвигали казачьи традиции на первое место и содействовали их распространению среди всех слоев русского населения. Случалось, что наряду со служилыми посадские люди и крестьяне для решения своих дел во время восстаний также собирались в «круги», по-казацки называя друг друга «атаманами-молодцами».

Помимо стремления к ликвидации воеводского гнета, народные движения Сибири пронизывала другая идея — бегства на новые земли, чтобы быть там неподвластным царской администрации, «заводить Дон». Замышляя подобное, заговорщики обращали свои взоры даже «за море», на «острова» Тихого океана, показывая тем самым, что географические познания сибиряков в XVII в. были более широкими, чем можно себе представить.

Стремление бежать на свободные от воевод и «приказных людей» земли стало особенно заметным при достижении

русскими Приамурья. В 1655 г. на Амур отправились восставшие жители Верхоленского острога. В 1665 г., убив воеводу Лаврентия Обухова, на Амур ушли жители Илимского уезда во главе с Никифором Черниговским (они укрепились там в Албазине, сохранили самоуправление до 1674 г., получив в конце концов прощение от властей).

Подобные побеги происходили и позднее. Так, в 1685–1686 гг. большая группа служилых людей и крестьян бежала из Красноярского уезда в «Киргизскую землю», еще не входившую в то время в состав России.

Идея ухода на «вольные» земли была особенно близка старообрядцам. Они все чаще находили себе убежище от преследования властей в сибирской глуши, но нередко выражали свой протест более решительно, активно агитируя население за «старую веру». С 70 — 80-х гг. начались массовые самосожжения раскольников, приведшие к гибели сотен людей. Такие «гари» происходили в Тобольском, Тюменском, Томском, Енисейском, Красноярском уездах. По словам А. А. Преображенского, они явились не только проявлением религиозного фанатизма, но и свидетельством «силы сопротивления трудящихся масс угнетательской политике господствующего класса».

В той или иной степени волнениями была охвачена почти вся территория, заселенная русскими людьми. Наиболее же сильные народные движения происходили в наиболее удаленных районах русской земледельческой колонизации, прежде всего в Восточной Сибири. Несмотря на отдельные попытки восставших действовать согласованно с жителями соседних городов и острогов, разделявшие их огромные расстояния оказались главным препятствием к объединению в этой борьбе. Ослабляли ее и соглашательские настроения служилой и посадской верхушки, стремившейся захватить руководство восстаниями и ограничить их цели. Тем не менее сложившейся в Сибири системе феодального гнета были в XVII в. нанесены чувствительные удары.

В 1626 г. вспыхнуло восстание в Енисейском остроге. Служилые люди «драли за бороду» и едва не убили воеводу А. Ошанина. После произошедшего затем примирения сторон он обещал больше «жесточи не чинить».

В том же году крестьяне Ницынской слободы убили своего «приказчика».

В 1637–1638 и 1648 гг. происходили крупные волнения в Томске, перекинувшиеся на соседние Кузнецк и Нарым. Восставшие взяли власть в свои руки, объявили борьбу с хлебной спекуляцией, разгромили дворы воеводских сторонников из числа

зажиточных служилых людей.

Особенно сильными были народные движения конца XVII в. В 1692 г. крестьяне Бирюльской слободы «отказали» «приказчику» П. Халецкому и арестовали его сторонников, вернули себе отнятое им ранее имущество, уничтожили долговые расписки и выбрали приказчика из своей среды. Иркутские власти перевели Халецкого в Чечуйский острог, но там тоже вспыхнуло восстание и незадачливый управитель был убит.

Одно из самых крупных и длительных восстаний началось в 1695 г. в Красноярске. Оно продолжалось фактически до 1700 г., сопровождалось многочисленными «кругами», «думами» и «советами» служилых людей, поддержанных почти всем населением. Восставшие «отказали» трем сменявшим друг друга воеводам, конфисковали их имущество, организовали собственное управление, «осаждали» воевод с их немногочисленными сторонниками во внутренней крепости.

В 1695 г. восстали служилые люди под Нерчинском. Они арестовали воеводу и передали власть двум выборным представителям.

В 1696 г. волнения охватили Прибайкалье и Забайкалье. Объединенный отряд забайкальцев даже пытался, переплыв Байкал, захватить Иркутск, крупнейший город и сильнейшую крепость Восточной Сибири, а на обратном пути разорил заимки местных богатеев. В Иркутске же события приняли несколько необычный оборот. «Отказав» ненавистному воеводе Савёлову, служилая верхушка провозгласила новым воеводой ребенка — малолетнего сына посланного на смену Савёлову С. Пол-тева, умершего по дороге. В «товарищи» к новому «воеводе» приставили избранного всем «миром» служилого И. Перфильева, который и возглавил управление городом до прибытия нового воеводы в 1698 г.

Широкий размах в 1696 г. приняло восстание в Илимске, где против воеводы Б. Челищева поднялось все уездное и городское население во главе со служилыми людьми. Тесно связанный с винокурами правитель был свергнут, все винокурни уничтожены, а хлебные запасы розданы нуждающимся.

В Сибири XVII в. выступления русского и коренного населения чаще всего протекали отдельно друг от друга. Более того, во время восстаний «иноземцев» жертвами вооруженных нападений становились и ни в чем не повинные крестьяне и посадские люди. Однако с течением времени все большую силу набирало стремление эксплуатируемых слоев всех населявших Сибирь народов объединиться в борьбе с феодальным гнетом. С другой стороны, происходит смыкание интересов верхушки

ясачного населения и царской администрации. Совместные вооруженные выступления русских переселенцев и сибирских «иноземцев» были хотя и нечастым, но весьма показательным явлением и далеко не единственным свидетельством начала осознавания ими общности своих судеб. Примечательно, что объединение русских с представителями местных народов в борьбе против общих угнетателей отмечено уже в конце XVI в. в вотчинах Строгановых, служивших исходной базой для переселения в Сибирь.

В XVII в. и за Уралом ясачные люди не оставались безучастными наблюдателями разворачивавшейся на их глазах социальной борьбы и в той или иной степени подключались к ней. Например, во время Томского восстания 1648 г. служилых и посадских людей поддержали не только уездные крестьяне, но и часть местных «остяков». В 1658 г. во время восстания против «приказчика» Братского острога И. Похабова было составлено совместное «челобитье» русских крестьян и бурят. В Якутии в 1681–1682 гг. в движении против воеводского произвола наряду с русскими приняли участие якуты. Коренное сибирское население энергично поддержало восставших и во время красноярских и забайкальских событий 1695–1698 гг. Там ясачные люди вместе с русскими повстанцами осаждали крепости, участвовали в изгнании и аресте представителей царской администрации, объявляя при этом всенародно о своих «обидах».

Восставшим, разумеется, не всегда удавалось привлечь «иноземцев» на свою сторону. Однако со временем объединение русского и коренного населения Сибири для противодействия феодальному гнету приобретало все более частый, серьезный и тесный характер.

Большой интерес в этом отношении представляет восстание в Братском остроге в 1696 г., когда приказчику Х. Кафтырёву «отказали» почти все жители его «присуда». В мирской совет «судеек», взявших управление в свои руки, помимо русских (9 казаков, 3 посадских, 4 крестьян), впервые в сибирской истории вошли 10 ясачных людей (бурят).

Весьма красноречивыми являются и такого рода факты. В 1658 г. во время волнений в Братском остроге «приказчик» И. Похабов, взбешенный оказанным ему сопротивлением, послал к бурятам гонцов с призывом «погромить» непокорных служилых людей. Однако буряты отказались выполнить это приказание, хотя им, казалось бы, представился удобный случай отомстить своим прежним обидчикам.

Как сообщил верхотурский воевода, ясачные и русские люди просили отпустить двух вогулов, посаженных в 1633 г. в тюрьму

по обвинению в государственной измене, и брали их на поруки.

В 1696 г. сын боярский Шестаков, следуя с караваном в Китай, избил и ограбил проводника тунгуса. Родственники проводника пожаловались нерчинским казакам, и в возникшем из-за этого столкновении Шестаков был убит.

Во время забайкальского восстания 90-х гг. от бурят поступили жалобы на злоупотребления ясачного сборщика М. Иванова. После проверки жалоб служилые люди избили Иванова.

Во всех этих случаях, конечно, еще нельзя говорить об осознанной классовой солидарности. Включаясь в общую борьбу, каждая из сторон преследовала свои интересы и цели, далеко не во всем совпадавшие. И тем не менее показательно, что у всех слоев трудового населения Сибири, как пришлого, так и коренного, в силу различных причин в конце концов оказывался общий враг.

Итоги и значение народных восстаний в Сибири XVII в., как и последствия подобных же движений в Европейской России, нельзя сводить лишь к непосредственным результатам (хотя и эти результаты бывали очень важны). Сопротивление феодальному произволу и гнету сдерживало и как-то ограничивало стремление местной администрации к обогащению путем грабежа народа, не позволяло ей разорить трудовое сибирское население. В итоге оно получало более широкие возможности и более благоприятные условия для хозяйственного освоения края и его развития.

Выступления жителей сибирской «украйны» против системы государственного управления не могли не беспокоить правительственные круги, кровно заинтересованные в доходах от «новой государевой вотчины». Сознавая слабость собственных позиций на далекой восточной окраине, московское правительство чаще всего не рисковало прибегать к суровым наказаниям восставших и предпочитало убирать наиболее зарвавшихся представителей воеводской администрации, если те теряли чувство меры в своем самоуправстве. Возлагая ответственность за восстания главным образом на «лихих» воевод и «приказчиков», Москва нередко вынуждена была идти на уступки населению Сибири и в своей налоговой политике. Постоянно, все больше и больше Сокращался объем работ, выполнявшихся крестьянами на «государевой десятинной пашне». Уменьшались размеры оброчных платежей посадских людей. В интересах коренных жителей русским в конце XVII в. было запрещено охотиться в ясачных угодьях и вырубать там леса под пашню.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И АБОРИГЕНЫ

Как выяснили советские исследователи, плотность населения в Сибири ко времени прихода русских в среднем была свыше 40 км² на одного человека, а в отдельных районах колебалась от 3 до 300 км2 на? человека- Известно, что племенам, живущим охотой, необходимо иметь на одного человека в среднем по 10 км² угодий, а скотоводам — по 1 км². Таким образом, при любом способе ведения хозяйства коренное население ни в XVII в., ни много позднее не могло освоить в полной мере гигантские пространства Северной Азии. Однако огромные размеры и ничтожно малая плотность населения края еще не являлись гарантией свободного и безболезненного расселения русских людей среди коренных жителей Сибири.

Никем не занятые, «ничейные» территории за Уралом в XVII в., разумеется, встречались, но местонахождение и качество этих участков обычно не позволяли русским использовать их для поселения и ведения хозяйства. Основная часть пригодных для освоения земель уже являлась чьими-то охотничьими, рыболовными угодьями или пастбищами. Их хозяева могли жить очень далеко от границ своих владений, но эти границы были им хорошо известны. Первые шаги переселенцев в Сибири осложнялись и тем, что русские крестьяне шли за Урал с представлением о лесах, озерах и реках как общей, «мирской», «божьей» земле, а участки, «порозжие» с точки зрения земледельца, не являлись таковыми с точки зрения охотника или рыболова.

Все это не могло не порождать между пришлым и коренным населением споров и столкновений из-за различных угодий. В ряде мест интересы аборигенов (коренных обитателей страны) существенно ущемлялись, причем, объясняя причины ясачных недоимок, местные жители нередко жаловались не только на захват или самовольное использование каких-то участков пришельцами. Само соседство русских селений могло осложнять охоту, так как зверь разбегался «от стука, и от огня, и дыма».

Наибольшее недовольство аборигенов в XVII в. вызывал самовольный промысел в их охотничьих угодьях. «Называя землю и реки своими», коренные жители, случалось, оказывали сильное противодействие промышленным людям и не давали им возможности охотиться: уничтожали ловушки и охотничьи снасти, отнимали добычу, осаждали промышленников в зимовьях, а то и убивали.

Русские попадали по этой причине в трудное положение. Их

группы в 2–5 человек оказывались на большой территории «в розни меж иноземцев», ходивших, напротив, «в скопе человек по штидесят и по семидесят и по сту». Но и объединенные отряды промысловиков не всегда отваживались на активные оборонительные действия. Напуганные строгими запретами «жесточить иноземцев» и предпринимать против них какие-либо самовольные действия, промышленные люди писали в Москву, что «без государева указу собою оборониться» и «иноземцев против побивать» они «не смеют».

Тем не менее разрешавшего такие действия «государева указа» в Сибирь не было послано. Царское правительство, по сути дела, заняло в этом вопросе позицию невмешательства. Официально считалось, что русские охотятся на свободных участках, но никаких попыток разграничить «ничейные» и ясачные земли не предпринималось. Для охраны русских промыслов в тайгу иногда посылали военные отряды, однако служилые люди часто видели в промышленных лишь соперников по добыче пушнины и не всегда спешили приходить им на помощь. К тому же московская администрация, дорожа плательщиками ясака, крайне неохотно и довольно редко разрешала применять к «иноземцам» суровые меры наказания (особенно смертную казнь), и поэтому ограбления и убийства промышленников чаще всего оставались без последствий» несмотря на все их жалобы и протесты. Но с другой стороны, и предпринимавшиеся властями шаги по защите ясачных угодий от «испромышления» обычно бывали запоздалыми и малодейственными.

При отводе земель под селения и пашни стремление правительства к сохранению ясачных волостей выражалось более последовательно. Помимо угроз «бить кнутом нещадно» тех, кто «у ясачных людей угодья пустошит», в Сибирь посылались указы устраивать переселенцев лишь на «порозжих» местах и у ясачных людей угодий «не имать». В подкрепление этих предписаний не раз ликвидировались как пашни, так и селения, возникшие на ясачной территории. Историками уже давно замечено, что, по сравнению со столкновениями из-за соболиных промыслов, конфликтов из-за земель, пригодных для хлебопашества и скотоводства, у русских с аборигенами в XVII в. было меньше. И, видимо, не случайно в более позднее время даже в районах массовой крестьянской колонизации лучшие земли (прежде всего луга) нередко принадлежали не русскому, а проживавшему по соседству аборигенному населению.

Сосланный в Сибирь А. Н. Радищев, проезжая вдоль Иртыша и его притока Вагая, записал в своем дневнике в 1791 г.:

«Крестьяне мало имеют земли, лучшая вся у татар». Примерно в то же время производилось полное описание Тобольского наместничества, в которое входила вся Западная Сибирь. О Тобольском уезде там, в частности, говорилось: «Количество лесу как для строения, так и на другие надобности довольно. Пашенную землю и сенные покосы, и прочие угодья имеют жители не равно, большею частию занимают иноверцы с издревле своим расположением…» В Тарском уезде, согласно тому же описанию, «русские… по малоимению у них… сенокосов» пользовались лугами проживавших поблизости татар «каждогодно за договоренную с ними плату».

Надо, однако, отметить, что позиция правительства в вопросе о ясачных угодьях при всей своей определенности не была твердой и до конца последовательной. Наряду с указаниями «сбивати долой» крестьян, поселявшихся на ясачных угодьях, встречались правительственные распоряжения об отводе переселенцам земель коренных жителей. Впрочем, и указов такого рода до нас дошло мало. Конечно, в охваченных земледельческим освоением районах аборигенов вынуждало потесниться уже само развитие крестьянского хозяйства. Но, как и в зоне промысловой колонизации, правительство предпочитало активно не вмешиваться в процесс размежевания угодий и, по сути дела, предоставило решать возникавшие в ходе его проблемы самим переселенцам. И надо сказать, что русские люди в конце концов смогли поладить с коренными жителями Северной Азии.

Постепенно уменьшалось количество и сглаживалась острота столкновений из-за промысловых угодий. К концу XVII в. одним из путей улаживания отношений промышленников с аборигенами стал «перевод» русскими на себя ясака за право на охоту в ясачных землях. В районах земледельческой колонизации расселение русских также не сопровождалось ни насильственным вытеснением, ни тем более истреблением «иноземцев», а происходило или путем «обтекания» мест их жительства, или путем «вкрапливания» в них русских селений.

В этом, как отметил академик А. П. Окладников, заключалось «одно из коренных отличий колонизации Сибири русскими поселенцами от тех катастрофических для коренного населения событий, которые произошли в Америке или, например, Австралии в ходе колонизации этих континентов западноевропейскими пришельцами».

Если, рассматривая процесс присоединения сибирских земель к России, мы, по словам В. И. Шункова, сталкиваемся с «явлениями различного порядка — от прямого завоевания до

добровольного вхождения», то преимущественно мирный характер освоения Сибири совершенно очевиден.

Известно, что за Уралом даже в быстро заселявшихся районах земледельческой колонизации ясачная волость обычно не уменьшалась численно, а крепла. С другой стороны, и малые, в один-два двора, русские деревни спокойно существовали в окружении «иноземческих» юрт и особых затруднений с землей не испытывали. Без заметных трений между русскими и аборигенами осваивалось, например, правобережье Томи, находившееся во владении эуштинских татар. Еще в 1604 г., добровольно принимая русское подданство, они сообщали, что имеют хорошие земли, где «пашенных крестьян устроить мочно». Но и в других районах пришельцы, как правило, быстро находили общий язык с аборигенами.

Заметное распространение, в частности, получила аренда у ясачного населения отдельных участков, приобретение их путем покупки, заклада и тому подобных сделок. Некоторыми угодьями русские пользовались «по упросу» или «по полюбовному договору» с аборигенами. Видимо, именно так обстояло дело на одном из озер близ Тюмени, где, по сообщению властей, в конце XVII в. татары и русские ловили рыбу вместе, «а спору не было». Крестьяне одной из зауральских слобод также писали, что после поселения на новом месте окрестные «вогуличи» их «на озера и на истоки рыбу ловить пускали, и в лесе тетерь ловить пускали же, спон и запреку с ними не бывало, жили в совете». Позднее и крестьяне-переселенцы из южных районов Енисейского края сообщали, что коренные жители тех мест с ними «не спорят, дают селиться спокоем».

В Сибири со всей полнотой раскрылось одно из давно подмеченных качеств русского человека — способность уживаться с другими людьми. «Русский человек, — писал дореволюционный историк-сибиревед П. Н. Буцинский, — легко ориентируется в каждой новой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем умеет ужиться со всякою народностью…» Известный революционер-народник С. М. Степняк-Кравчинский считал, что вообще «нет ни одного народа на земном шаре, который столь добросердечно относился бы к чужеземцу, как русские мужики. Они мирно живут бок о бок с сотнями народностей, различных по расе и религии».

Причины этой уживчивости многие видят в особенностях русского национального характера. По мнению некоторых исследователей, одной из его отличительных черт является «отсутствие высокомерного презрения и вражды к населению колонизуемых стран» и «житейская уступчивость». Еще в

дореволюционной литературе отмечалось, что «духом нетерпимости по отношению к инородцам русские переселенцы в Сибири никогда не были проникнуты», что «они смотрят на вогула, самоеда, остяка и татарина прежде всего как на человека и только с этой стороны определяют к ним свои жизненные отношения».

Способность русских «находить почву для сближения с другими народами» поражала и иностранных наблюдателей, обращавших внимание на отсутствие у русского человека чувства высокомерного превосходства по отношению к населению колонизуемых территорий, столь обычно свойственного западноевропейским переселенцам.

«Когда русский мужик с волжских равнин располагается среди финских племен или татар Оби и Енисея, они не принимают его за завоевателя, но как единокровного брата, вернувшегося на землю отцов… В этом секрет силы России на востоке», — писал, например, француз Ланойе в 1879 г.

Джордж Керзон, будущий министр иностранных дел Великобритании, проехав по среднеазиатским владениям России в конце XIX в., отмечал, что «Россия бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой… Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей степени воспламеняет злобу, чем сама жестокость».

Американский сенатор Бэверидж, проследовавший в 1901 г. через всю Сибирь, также увидел главную причину прочности позиций России на Востоке в том, что она присутствует там «в виде русского крестьянина», т. е. «самого русского народа», отличающегося, по мнению сенатора, тем от других наций, что он не проявляет «никакого оскорбительного способа обращения с расами, с которыми превосходно уживается». Бэверидж подметил у русского солдата «свойственную всем русским» «поразительную характерность» — способность «дружиться с народом», которого «победил».

Историки отмечали и «отсутствие резкого социального различия между местным объясаченным населением и угнетенным русским», и отсутствие между ними «той резкой пропасти, которая отделяет… человека европейской культуры от дикаря». Для нас, однако, важны не столько причины дружественных отношений русского и коренного населения Сибири, сколько их следствия.

Правящие круги России уже в XVII в. выражали беспокойство по поводу тесного общения переселенцев с сибирскими

«иноземцами», якобы дурно отражавшегося на нравах русских людей. В Москве, например, стало известно, что в тех западносибирских городах, где издавна сложились татарские слободы, «всяких чинов жилецкие люди живут в татарских юртах… с татарами вместе… пьют и едят из одних сосудов». Церковные власти и царскую администрацию особенно беспокоили веротерпимость и религиозное безразличие русских: в пост они «упивались» у татар кумысом, брали некрещеных татарок в жены и т. д. Царь приказал «разводить русских и татар, чтобы они вместе не пили, не ели и не жили». Однако из воеводских донесений следовало, что и расселявшиеся по уездам крестьяне постоянно ходят в гости к «иноземцам», а те посещают русские деревни и стали «всякому русскому обычаю навычны». Сообщалось также, что коренные жители указывают переселенцам соляные ключи и руды, предупреждают о вражеских нападениях. У торговых людей также были среди аборигенов «старые други и знакомцы», предоставлявшие ночлег и помогавшие перевозить грузы в обход «государевых застав». Татарские и вогульские бедняки в XVII в. работали «для корму» не только у богатых соплеменников, но и у русских.

В Восточной Сибири у переселенцев быстро наладились деловые отношения с якутами. Отправляясь в поход, служилые люди часто отдавали свой скот на содержание «подгородным» (жившим поблизости от города) якутам, брали у них куяки. Известны случаи, когда русские беглецы находили убежище у якутов.

Естественно, что уже в то время у некоторых русских с сибирскими «иноземцами» складывались отношения крепкой и подлинной дружбы. Сведения о них, конечно же, скудны и в официальных документах если и встречаются, то случайно. Но, видимо, именно проявлением таких дружеских чувств может быть объяснен трогательный эпизод, рассказанный Владимиром Атласовым в 1700 г. в якутской «приказной избе». Изменившие русским во время камчатского похода юкагиры напали ночью на четырех спящих казаков, но один из них — Яков Волокита — остался в живых. Его прикрыл своим телом родственник напавших — Еремка Тугуланов: он «на Яшку Волокиту пал и убить не дал».

Отбившиеся по бедности от соплеменников или потерявшие скот «иноземцы» вовлекались в хозяйственную жизнь переселенцев особенно глубоко и разносторонне. Нередко лишь в работе у русских по найму они находили выход из тяжелого положения.

Некоторые из сибирских аборигенов уже в XVII в. изъявляли

желание перейти в «православную христианскую веру».

Став «новокрещёнами», они отрывались от племенного быта и чаще всего определялись в служилые люди или крестьяне, получая во всем равные с русскими права.

Бывало так, что русские деревни располагались рядом с селениями «иноземцев». Со временем кое-где стали возникать даже смешанные (русско-вогульские, русско-тунгусские, русско-бурятские и др.) поселения, и было положено начало слиянию с пришельцами части аборигенов, перенимавших новый образ жизни. Но полное развитие этот процесс ассимиляции получил в ряде районов Сибири лишь в XVIII–XIX столетиях.

В ранний период освоения края довольно широкое распространение получили смешанные браки — как официальные (с крещеными «иноземками»), так и порицавшиеся церковью неофициальные (наиболее частые на первых порах). Правда, женщин из коренного населения брали в основном лишь те русские, которые поселялись в охотничье-промысловой зоне. В районах земледельческой колонизации такие браки были более редким явлением: не имевшие навыков ведения крестьянского хозяйства аборигенки не могли там стать для переселенцев хорошими женами.

На Индигирке, Колыме, в Иркутском крае, Забайкалье и некоторых других местах вследствие смешения с сибирскими народами сильно менялся и внешний облик, и язык, и быт осевших там русских. Позднее, в XVIII–XIX вв., часть переселенцев была даже ассимилирована коренными жителями (главным образом якутами), причем не только из-за смешанных браков: материальная и духовная культура аборигенов также оказывала сильное влияние на образ жизни русских людей.

Очутившись в Сибири, переселенцы, например, быстро оценили преимущества некоторых видов одежды коренных жителей, хорошо приспособленной к местным природным условиям, стали перенимать у «иноземцев» способы приготовления пищи, способы передвижения и т. д. Тесное общение с представителями сибирских народов оставляло следы и на нравах русских людей. Как отмечал С. В. Бахрушин, «в области духовной культуры соседство с туземцами наложило глубокий отпечаток на русских новосёлов». «Достоянием русского населения Сибири» в XVII в. становятся, в частности, «мрачные верования» аборигенов, «создавшиеся на почве суровой сибирской природы» и невольно захватывавшие «своей жуткой реальностью русского человека, заброшенного в далекую глушь северной тайги». Известно, например, писал далее Бахрушин, что к услугам сибирских шаманов временами прибегали «лица, принадлежащие

к высшим разрядам служилых людей, даже к администрации».

При всем этом, однако, необходимо подчеркнуть, что господствующее положение в культуре русского населения Сибири XVII в. по-прежнему занимали общерусские ее черты и что в целом во взаимодействии культур влияние русских на аборигенов было неизмеримо сильнее. Под воздействием переселенцев быстро менялся быт и характер трудовой деятельности коренных жителей края.

Там, где возникали русские поселения, у «иноземцев» стали распространяться рубленые избы со всем комплексом хозяйственных построек, более совершенные орудия труда, одежда русского образцу, новые приемы приготовления пищи, обработки животного сырья (мехов, кожи) и т. д. Уже в XVIII столетии в ряде районов Сибири наблюдатели отмечали, что по быту отдельные группы аборигенов мало чем отличаются от обитающих по соседству русских и живут тем опрятнее и крепче, чем ближе к ним находятся.

Разумеется, не все последствия бытовых контактов были благоприятны для обитавших в Сибири народов. Так, вместе с пришельцами за Уралом появились и неизвестные ранее болезни (особенно сильные опустошения производила оспа). Несмотря на все запретительные меры, коренные жители Сибири пристрастились к водке и табаку. Происходило неуклонное оскудение промысловых угодий, дававших средства к существованию многим сибирским племенам. Сильнее всего отрицательные последствия колонизации отражались на наиболее отсталых в культурном и экономическом отношении народах, но не эти, в общем-то, неизбежные в условиях того времени обстоятельства определяли главное содержание колонизационного процесса, и не их следует выдвигать на первый план при изучении взаимоотношений русских с народами Сибири.

Сами аборигены раньше всего оценили выгоду торговли с переселенцами. Она в XVII в. прошла большой путь от эпизодической и примитивной «немой торговли», когда стороны бросали друг другу товары, не выпуская оружия из рук, до постоянного и хорошо организованного торгового обмена.

Налаженные торговые связи переселенцев с коренными жителями нельзя, конечно, представлять в упрощенно-приукрашенном виде: в ходе различного рода сделок аборигены нередко попадали в долговую кабалу. Нельзя, однако, не учитывать и того, что русские товары часто просто спасали отдельные ясачные роды и семьи от вымирания.

На этот счет имеются документально подтверждаемые

сведения. Известно, например, что в 1641 г. в устье реки Муки в острожек к русским пришли пять тунгусов и в обмен на соболей «прошали» муки — «голодни де, ходили де на зверовье и зверей не добыли». В одной из челобитных тунгусы сообщали: «А которые де соболишки в ясак… не годны… и мы де на те соболишка для своих нуж с ясачными сборщики на муку ржаную и на котлы и на топоры и на кожи и на железо прутовое торгуем, для того что де тех товаров у нас иноземцев в нашей земле нет и купить негде; а только де нам тех товаров не купить, и нам де великих государей ясаку промышлять не на чем и помереть де нам голодною смертию».

В Западной Сибири коренные жители также неоднократно заявляли, что не могут обойтись без русских товаров, особенно хлеба и тканей. В одной из челобитных ясачных людей Верхотурского уезда 1681 г. говорилось, что русские «преж сего нам… верили в долг… хлеба и платья и всяких припасов давали, и теми запасы нас… на звериные и рыбные ловли поднимали».

Некоторые представители западносибирских народов, прежде всего татары, так втягивались в торговлю с русскими, что уже в XVII в. превратились в скупщиков-посредников при продаже как восточных, так и русских товаров.

В целом к концу XVII в. аборигены все чаще предпочитали вместо собственного производства орудий труда и охоты покупать более качественные и дешевые изделия русских мастеров. По мнению специально исследовавшего этот вопрос якутского историка Ф. Г. Сафронова, торговля в Сибири имела «цивилизующее значение для коренного населения».

Наконец, одним из важнейших последствий и проявлений протекавших за Уралом в XVII в. событий явился переход живших охотой, рыболовством и кочевым скотоводством групп коренного населения к земледелию. Процесс этот, разумеется, тоже нельзя представлять упрощенно: как к земледелию в целом, так и к высокоразвитому хлебопашеству сибирские народы нередко приходили через разорение своего традиционного хозяйства. Дело в том, что охотничье-промысловое и кочевое хозяйства требуют гораздо больших площадей, чем земледельческое. В районах же широкого сельскохозяйственного освоения сибирские аборигены лишились части угодий из-за расселения русских, а также совпавшего с ним по времени натиска кочевых племен с юга. Кроме того, происходило оскудение лесных промыслов, дававших важный источник существования. Коренные жители волей-неволей вынуждены были приспосабливаться к новым условиям. Перестраивая свою жизнь, они и стали перенимать способы ведения хозяйства у переселенцев.

Очень важные и значительные перемены по той же причине происходили и у тех народов, которые задолго до прихода русских были знакомы с земледелием. Из подспорья к рыболовству, охоте или скотоводству оно превращалось в главное и основное занятие.

Коренное население Сибири, как и русское, со временем стало заниматься хлебопашеством всюду, где тому не препятствовала природная среда или военная опасность. Показательно, что в последней четверти XVII в. появились пашни даже у якутов, живших по соседству с русскими крестьянами в весьма суровых климатических условиях: несколько десятков якутов обратились к земледелию в окрестностях Амгинской слободы, Олёкминского острожка и Якутска, получив от администрации наравне с «новоприборными» русскими крестьянами «подмогу» и льготы.

Постепенно расширялся круг известных сибирским народам сельскохозяйственных культур, увеличивались размеры запашки. Многие аборигены Сибири уже в XVII в. производили хлеб на продажу, начали перенимать у русских приемы не только земледелия, но и животноводства: осваивали технику сенокошения, стойловое содержание скота и т. д. Общим следствием этого было значительное повышение жизненного уровня многих сибирских племен и народов.

ОБОРОНА «СИБИРСКОЙ УКРАИНЫ»

Представление о развитии хозяйства русского и коренного населения Сибири в XVII в. не будет полным, если не рассмотреть все условия жизни в главных районах земледельческой колонизации края. Сложность обстановки состояла в том, что наиболее благоприятная для сельскохозяйственного производства лесостепная зона оказалась рубежом, где феодальное Российское государство столкнулось с сильными объединениями кочевых феодалов.

На юге Западной Сибири русское и ясачное население с самого начала XVII в. жило под постоянной угрозой вторжения калмыков, продвинувшихся далеко на север от ранее занимаемых кочевий и часто объединявшихся с татарами- «кучумови-чами». Большой урон наносили также набеги ногайских, а позднее башкирских и казахских «воинских людей». На Верхнем Енисее крайне напряженную обстановку создавал натиск бурятских и особенно киргизских «князцов», опиравшихся на монгольских алтын-ханов и джунгар. В этом районе, как уже отмечалось, именно енисейские киргизы оказались наиболее ожесточенным противником «белого царя», усмотрев в нем соперника в эксплуатации тюркоязычных племен лесостепи, и на протяжении XVII в. наносили огромный ущерб как русскому, так и аборигенному населению южной Сибири.

Пограничные русские уезды постоянно подвергались опустошениям. Красноярские жители писали, что киргизы «по вся годы в работное и летнее время хлебного жнитва и сенокосу приходят под Красноярской войною, а в иные времена… посылают для отгону всякого скота немного своих улусных воровских людей… села и деревни жгут и всякой скот отгоняют и людей побивают…». Из года в год из южносибирских городов поступали известия, что степняки на пашнях, сенокосах и рыбных ловлях убилщ, ограбили и «в полон поймали» много ясачных людей, служилых и крестьян, хлеб «выжгли и коньми вытоптали», отогнали или перебили скот, «подступали накрепко» к острогам и т. д. Осаде не раз подвергались даже крупные сибирские города, особенно тяжело приходилось Красноярску, Кузнецку, Таре и Тюмени. Было сожжено множество деревень и немало хорошо укрепленных селений и опорных пунктов — Канский, Ачинский остроги, Мурзинская, Утяцкая, Камышев-ская слободы, Рождественский, Далматов монастыри и др. Во время набегов мирные жители, прежде всего женщины и дети, десятками и сотнями гибли или угонялись в рабство, ясачные люди

«сбивались» с издавна принадлежавших им земель.

Причины, побуждавшие кочевников к набегам, коренились в особенностях их хозяйственного уклада. На них недавно еще раз обратили внимание И. Б. Греков и Ф. Ф. Шахмагонов: «Кочевое скотоводство вызывает истощение пастбищ. Истощение пастбищ ведет к борьбе за новые пастбища. Эта внутри-племенная борьба превращает кочевников в военное сословие, выдвигает военачальников и зовет к захватам земель соседних племен». Отметим также, что период наивысшей военной активности, приходившийся у всех народов, как правило, на начальную стадию формирования классового общества, у кочевников обычно сильно затягивался вследствие крайней застойности всего их быта. Слабые производительные силы кочевого общества не могли полностью обеспечить феодальную верхушку необходимыми ей предметами роскоши и вооружения. Падежи скота и неизбежная при росте населения нехватка пастбищ толкали к набегам и широкие массы кочевников. Не развитие производительных сил, а грабеж соседей представлялся правителям кочевых орд наиболее доступным выходом из продовольственных и материальных затруднений, поэтому если эти орды были «в силе», то война становилась неизменной спутницей кочевого быта.

В этом была трагедия прежде всего самих кочевых народов, обреченных при сохранении традиционного уклада своей жизни на многовековой застой и отсталость. Но еще больше горя приносили их правители другим народам.

Особенно охотно кочевые феодалы направляли удар на оседлое земледельческое население. Малоподвижное, распыленное по отдельным деревням или городкам, в отличие от кочевников в большинстве своем не состоявшее из воинов-профессионалов, оно было удобным объектом для набегов и грабежа. Как отметил в своей книге «Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси» известный советский историк и писатель В. В. Каргалов, «набеги на оседлые народы являлись для кочевников обычной нормой взаимоотношений с соседями… В этой борьбе случались периоды временного затишья, но никогда не было прочного, устойчивого мира».

В каждом отдельном случае для развязывания открытых военных действий против Российского государства у кочевых феодалов Сибири имелись свои поводы, предлоги и причины, но иногда для их выяснения необходимо проанализировать всю военно-политическую обстановку в Центральной Азии. В частности, объясняя непримиримость енисейских киргизов по отношению к России, С. В. Вахрушин писал: «Видя в военных

набегах одно из средств обогащения, киргизские «князцы», вопреки интересам своего народа, стремились всеми мерами сохранить за собой право беспрепятственно совершать грабительские набеги на соседей… За спиной киргизских и тубин-ских князей стояли сперва могущественные монгольские алтын-ханы, позже джунгарские хунтайчжи. Руками киргизских и тубинских «князцов» те и другие выбирали «албан» с красноярских ясачных людей и их оружием вели борьбу против русских. Опираясь на киргизских «князьцов», монгольские феодалы создавали постоянное военное напряжение на границах с Россией и тем самым на целое столетие задержали продвижение русских в район верхнего Енисея… Входя в качестве вассалов в состав сильных кочевых государств Центральной Азии… киргизские князцы имели со стороны своих сеньоров постоянную и сильную поддержку. Поэтому борьба московских царей с киргизами являлась в сущности скрытою борьбою с монгольскими и джунгарскими феодалами за население тайги».

Вошедшие в состав Российского государства народы южной Сибири оказались в сложном положении. В условиях непрекращавшегося вооруженного давления более сильных соседей им, при всех случаях двое- и даже троеданства, рано или поздно приходилось выбирать между участью подданных «Белого царя» и «кыштымов» степных феодалов. Как отметил Ш. Б. Чимитдоржиев, для южной Сибири того времени были характерны колебания ясачного населения, его переходы «от одной из соперничающих сторон к другой в поисках лучшей доли». Однако выбор здесь был невелик, и принятие российского подданства, по словам того же исследователя, «в целом обещало большую… стабильность».

Действительно, столкнувшись с господствовавшей в России XVII в. системой феодального угнетения, отдельные группы ясачного населения проявляли «шатость» и уходили за пределы российских владений. Других осуществлявшие набеги «воинские люди» уводили за собой насильно. Однако, получив возможность сравнить положение простого человека в русской Сибири и за ее пределами, аборигены обычно делали выбор в пользу российского подданства и чаще всего стремились во что бы то ни стало вернуться с чужбины на свои «природные» земли. История Сибири знает немало таких «исходов». Настроение их участников отразилось в одном из бурятских преданий, согласно которому беглецы из Монголии говорили: «Наш хан провинившимся отсекает головы, а русский царь наказывает розгами. Пойдемте отсюда в подданство к Белому русскому царю».

Более того, вплотную столкнувшись с примитивно-жестокой

эксплуатацией степных феодалов, народы южной Сибири активно включились в борьбу с их набегами. Ясачные татары, тунгусы, буряты не только поставляли российской администрации разведывательные данные, но и защищали русские остроги, несли сторожевую службу, ходили вместе с казаками в походы для перехвата или преследования вторгнувшегося противника, для нанесения ему упреждающих ударов.

Часть коренного населения Сибири была принята в «государевы служилые люди», составив при русских гарнизонах особые воинские формирования. Еще в 1598 г. татарский отряд в 140 человек принял участие в походе на Кучума, бывшего своего «царя»; позднее численность «юртовских служилых татар» составила около 500 человек. В Восточной Сибири важную роль в обороне пограничных территорий играли «конные тунгусы», а позднее и бурятские казачьи полки. Однако основная тяжесть борьбы с «немирными ордами» лежала на русских служилых людях.

Гарнизоны сибирских городов по численности и составу отличались друг от друга, но, как правило, были невелики. К концу XVII в. лишь в Тобольске насчитывалось более 2 тыс. служилых. В других, даже считавшихся крупными сибирских городах ратных людей было в 2–3 раза меньше. Всего в Сибири в конце XVII в. насчитывалось около 10 тыс. служилых людей различных «чинов». Большинство их составляли казаки и стрельцы, а меньшинство — пушкари (от 1–2 до 10–12 на город). Служилая верхушка за Уралом была в основном представлена «детьми боярскими». Эта низшая прослойка феодального класса не имела в XVII в. никакого отношения к боярам и в Европейской России нередко мало чем отличалась по положению от стрельцов и казаков (например, на юге страны). В Сибири же «дети боярские» чаще всего занимали командные посты и являлись первыми кандидатами в «начальные», или «приказные» люди («головы», сотники, атаманы), В конце XVII в, в Сибири стали появляться свои дворяне.

Сибирские стрельцы несли, как правило, «пешую службу», казаки же делились на «пеших» и «конных». В некоторых городах «в конной службе» наравне с ними были «литовские» и «черкасские» сотни, состоявшие, главным образом, из ссыльных белорусов, украинцев, поляков и их потомков. В слободах постоянные гарнизоны обычно состояли из небольшого количества «беломестных казаков» — ратных людей, которые были освобождены («обелены») от основных налогов и повинностей, но, служа «с земли», не получали всех видов «государева жалованья».

Во второй половине XVII в. предпринимаются попытки создать за Уралом регулярные войска «нового строя» — солдатские (пешие) и рейтарские (конные). Однако они в сибирских условиях оказались в целом нежизнеспособными: как говорилось в воеводских «отписках», «рейтар татарина догнать в поле строем не поспеет». Более заметные успехи имело создание взамен их формирований драгун, обучавшихся приемам как конного, так и пешего боя.

Нехватка ратных людей была обычным явлением в Сибири. Загруженность различными «посылками» и «службами» снижала обороноспособность городов и острогов и вызывала постоянную озабоченность администрации. В отправляемых в Москву донесениях неизменны сетования на то, что «за службами» ратных людей остается «малое число», что их даже «на караулы не доставает». Об этом были осведомлены и враги.

Наиболее болезненно все это переживалось населением южносибирских уездов. Просьбами о строительстве в их землях крепостей и присылке войск для защиты были в первую очередь наполнены челобитные ясачных «иноземцев». Примечательно, что, когда в 1639 г. разнесся слух о готовящемся переводе части тюменских служилых в Томск, татары трех волостей написали: «Только, государь, послать с Тюмени в Томской город 200 человек конных казаков, и нам на старых своих юртах жить и на зверя ходить промышлять не сметь, разбрестись будет всем по лесам… Государь, пожалуй, вели нас… ратным людям от калмацких людей и от Кучумовых внучат оберегать».

В Москве тоже хорошо понимали, что без военной охраны поселениям на юге Сибири «никоторыми мерами быть не уметь». Из расположенных севернее городов в пограничные слободы и остроги постоянно высылались отряды «годовальщиков» (обычно из числа пеших казаков и стрельцов). Однако вплоть до конца XVII в. с юга Сибири продолжали поступать жалобы, что ясачных людей и пашенных крестьян «оберегать некем», шли просьбы об увеличении и укреплении гарнизонов, о сооружении новых острогов. И то и другое делалось, но в явно недостаточной степени.

В такой обстановке местные власти шли на широкое привлечение к оборонным мероприятиям пригодных к службе, но еще «не верстанных» в нее детей служилых, а также посадского и крестьянского населения. Их использовали и в качестве подсобной рабочей силы при ратных людях (особенно часто при пушкарях — для разворота орудий и т. п.), и наравне с ратными людьми. В «сполошное время» в слободах и острогах вооружали всех боеспособных жителей, возлагали на них сторожевую

службу, посылали в «отъезжие караулы» и даже дальние походы. Доведенные до отчаяния набегами крестьяне нередкс? сами рвались в бой и вместе со служилыми людьми жестоко мстили врагам за разорение своих хозяйств и смерть близких.

Военный быт определял главные особенности почти всех районов южной Сибири. Уездные жители там в любой момент должны были быть готовы оставить свои дома и пашни, с тем чтобы спешно перебраться под защиту крепостных стен. К концу XVII в. оборонительные сооружения предписывалось создавать уже не только при крупных поселениях, но и во всех слободах и деревнях, стоявших «на опасных местах», а все крестьяне в них должны были иметь ружья и пики. Согласно «наказам», на полевые работы, заготовку дров и т. п. следовало выезжать лишь большими группами, с оружием или под вооруженной охраной.

Строгие меры предосторожности предпринимались как русскими переселенцами, так и коренными жителями. «А как де они пахоту свою жнут, — сообщалось о ясачных людях одной из волостей Тобольского уезда, — и у них де караул живет беспристани, а без караулу де им хлеба своего жать не уметь».

Чтобы укрыться от неожиданных налетов кочевников в «деловую пору» (а страда у них была излюбленным временем для нападений), на полях сооружались временные острожки или специальные бревенчатые «клетки», при деревнях — сторожевые башни и надолбы (легкие защитные сооружения против конницы — высокая ограда из соединенных крест-накрест столбов).

Степняки наносили удары в первую очередь по мирному населению, стремились избегать сражений с крупными отрядами ратных людей и чаще всего успевали благополучно уйти с добычей, пока для отражения набега или преследования собирались в нужном количестве служилые люди. Особенно беззащитными оказывались мирные поселенцы перед неожиданными нападениями небольших отрядов, которым было легче подкрадываться незаметно.

Мир с кочевыми феодалами никогда не бывал прочным. Соглашения о мире постоянно нарушались если не крупными, то мелкими «князцами», обычно не упускавшими возможностей для грабежа. Кроме того, заключив мир с воеводой одного города, жившие в условиях феодальной анархии кочевники в соответствии с принятыми в их среде нормами считали себя свободными от каких-либо обязательств в отношении других русских1 городов. Борьба поэтому была не только изнурительной, но и фактически непрерывной. Главным следствием ее явилось то, что русская земледельческая колонизация в XVII в. в основном лишь «скользила» по самым плодородным лесостепным районам,

а сооружение городов и острогов на юге Сибири имело не столько хозяйственные, сколько оборонительные цели. Они должны были сковать действия врагов, не дать им возможности безнаказанно разорять расположенные севернее города и пашни.

Примером чрезвычайно удачного с этой точки зрения выбора места может служить сооружение в 1628 г. Красноярского острога. Он не только надежно прикрывал расположенные ниже по Енисею земли, но и вклинивался между владениями антирусски настроенных киргизских и бурятских «князцов», препятствовал их наступательным действиям.

Правильный выбор места для города и острога был особенно важен в Сибири потому, что там при постоянной и острой нехватке людей нельзя было рассчитывать на создание вдоль южной границы непрерывной полосы укреплений, подобно «засечным чертам» Европейской России. Такие полосы за Уралом создавались лишь на небольших участках — например в Енисейском уезде, где в 60-х гг. XVII в. сделали более 7 тыс. сажен «острогов и надолб и засек». Основной же защитой русских селений и ясачных волостей служила легко прорываемая в'рагом цепь небольших острожков с караулами между ними. В систему обороны включались также слободы и монастыри.

Для своевременного оповещения о набегах организовывалась сторожевая служба. Главным же способом борьбы с кочевыми феодалами с самого ее начала стали походы в степь объединенных сил одного или нескольких городов. Удары по вражеским кочевьям наносились в течение всего XVII в. Военные действия в степи не всегда были удачными для сибирских воевод, но неизменно рассматривались ими как необходимое условие предотвращения набегов.

Россия постепенно все больше укрепляла свои позиции на юге Сибири, и нападения кочевников все реже оставались безнаказанными. Серьезных успехов, в частности, русские добились в затянувшейся борьбе с киргизскими «князцами». В 1642 г. атаман Е. Тюменцев возглавил лыжный поход из Красноярска и разгромил кызыльских, ачинских и арийских «непослушников». Летом того же года, выйдя на «сход» с тюменскими служилыми людьми, красноярский отряд под командованием ротмистра С. Коловского и атамана М. Кольцова двинулся вверх по Енисею. Конница шла берегом, пехота плыла на стругах. За рекой Белый Июс объединенные русские силы в конном и пешем строю атаковали укрепившихся на горе и отстреливавшихся из пищалей киргизов, разбили их и вынудили заключить мир на своих условиях.

В 1692 г. после очередной вспышки агрессивности кочевых

феодалов верхнего Енисея был предпринят крупный военный поход из Красноярска на реку Кан. 730 конных и пеших ратников (среди которых было 87 ясачных людей и 182 добровольца из крестьян и посадских), возглавляемых ссыльным украинским полковником Многогрешным, нанесли сокрушительное поражение тубинцам, чем сильно подорвали позиции киргизских «князцов».

Дальнейшая судьба енисейских киргизов была печальной. Опасаясь их перехода в российское подданство, правители Джунгарии в 1703 г. насильно «загнали» киргизов на свою территорию в долину реки Или. Лишь часть киргизов впоследствии смогла вернуться на родину, войдя в состав хакасской народности, остальные слились с монголами и калмыками.

Решительные меры по отражению и предупреждению набегов давали свои результаты: после удачных военных операций активность кочевых феодалов заметно снижалась, и на южных границах Сибири наступали периоды затишья. Однако поскольку сил для нанесения решающих ударов по «немирным ордам» не хватало, такие периоды не были продолжительными. На протяжении XVII в. ни в одном из главных районов земледельческой колонизации Сибири русский человек не жил в нормальных, мирных условиях. Тем грандиознее представляется все, что было сделано им аа столь короткий отрезок времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы видели, что первое столетие освоения русскими людьми Сибири явилось не только самым ярким, но и переломным периодом ее истории. За время, отведенное одной человеческой жизни, огромный и богатейший край коренным образом изменил и свой внешний облик, и характер внутренних процессов.

К концу XVII в. за Уралом проживало уже около 200 тыс. переселенцев — примерно столько же, сколько аборигенов. Северная часть Азии вошла в состав более развитой в политическом, социальном, культурном и экономическом отношениях страны, объединенной в централизованное и могучее государство. Сибирь была словно прошита редкой, но прочной сетью городов и острогов, стала ареной невиданно оживленной для некогда глухих мест торговли, полем активной деятельности сотен ремесленников, тысяч промышленных людей и десятков тысяч земледельцев.

В XVII в. народы Северной Азии вышли из многовековой изоляции, обрекавшей их на отсталость и прозябание, и оказались вовлечены в общий поток мировой истории. Сибирь пересекли новые пути сообщения, связавшие воедино разбросанные на огромном расстоянии, ранее разобщенные и недоступные районы. Началась разработка почти не используемых до XVII в. природных ресурсов края.

«Все, что мог сделать народ русский в Сибири, он сделал с необыкновенной энергией, и результат трудов его достоин удивления по своей громадности», — писал в конце прошлого века известный сибирский ученый и общественный деятель Н. М. Ядринцев. А знаменитому русскому писателю И. А. Гончарову, побывавшему в Сибири в 1854 г., преобразующие ее люди показались «титанами».

Эти мнения отнюдь не были проявлением так называемого «квасного патриотизма». Российский академик, немец по национальности, П. С. Паллас, проехав по Сибири еще в 1772–1773 гг., также был удивлен достижениями русского народа в освоении присоединенного менее чем два столетия назад края и оставил такую запись: «Открытие и скорое приведение в нынешнее состояние сей пространной, неизвестной и вовсе дикой земли… бесстрашию и постоянству российской нации приписать должно…» Много позднее польский исследователь З. Лукавский подчеркнул, что присоединение «всей северной части Азиатского континента от Урала до Тихого океана было невиданным достижением России» и «независимо от того, в каких бы

категориях его ни рассматривали, это всегда будет огромным успехом, не имеющим себе равных в мире».

Каковы, однако, были последствия развернувшихся в XVII в, событий для судеб коренных сибирских народов? Здесь трудно давать оценки, не выходя за пределы XVII столетия, так как тогда многие процессы лишь зарождались. И оценки эти не могут быть однозначными, как не может быть однозначным все, что несло людям общество, построенное на угнетении человека человеком.

Режим феодальной эксплуатации обрушился всей тяжестью на в большинстве своем плохо подготовленных к нему сибирских аборигенов. Помимо налогового гнета и произвола феодальных правителей, коренные обитатели Сибири в XVII в. испытывали на себе воздействие других отрицательных факторов, более пагубных, хотя, в общем, и неизбежных в тех условиях. Они повсеместно выявлялись при соприкосновении европейских народов с жившими долгое время изолированно и сильно отставшими от них в социальном и культурном развитии племенами: аборигены страдали от неизвестных ранее болезней, вредных привычек к алкоголю и табаку, оскудения промысловых угодий.

Было время, когда историки прежде всего обращали внимание на эти обстоятельства, выдавая их едва ли не за главный результат контактов русского и коренного населения Сибири. Теперь, однако, мы знаем, что для подавляющего большинства сибирских народов определяющей явилась другая сторона последствий их вхождения в состав Российского государства. Оно менее всего было заинтересовано в уменьшении числа плательщиков ясака и стремилось по мере сил препятствовать этому уменьшению. Включение Сибири в состав крупного централизованного государства означало установление на ее территории законности хотя бы в самом простом виде, приводило к прекращению внутренних усобиц. Уже в XVII в. аборигены для разрешения возникавших в их среде споров и ссор все чаще обращались к российской администрации, считая воеводский суд более справедливым и беспристрастным. При содействии представителей государственной власти, опасавшихся ясачного недобора, уменьшились, а затем и прекратились кровавые распри между родовыми и племенными группами. Стали быстро проявляться и положительные последствия мирных контактов сибирских аборигенов с трудовыми и в целом не менее эксплуатируемыми слоями русского народа.

Познакомив переселенцев с некоторыми видами съедобных растений и рядом полезных в новых условиях хозяйственных навыков, коренные жители Сибири сильно изменили под

воздействием русских и свой быт, и свою трудовую деятельность. У аборигенов стали складываться более совершенные приемы промыслов, земледелия и скотоводства, из их среды все чаще стали выходить «люди торговые и прожиточные». Следствием этого взаимообогащения культур явилось не только разрушение натуральных форм хозяйства и ускорение социально-экономического развития местных народов, но и установление общих классовых интересов пришлого и коренного населения. Показательно и то, что несмотря на продолжавшиеся на территории Северной Азии передвижения и переселения народов, сопровождавшиеся поглощением одних племен другими, несмотря на опустошительные эпидемии и феодальный гнет, зоны расселения сибирских народов не менялись столетиями, а общая численность коренного населения Сибири возрастала и в XVII в., и в последующих столетиях. Так, если к началу XVII в. в Сибири проживало 200–220 тыс. человек, то в 20 — 30-х гг. XX в. местные народы насчитывали 800 тыс. человек (в настоящее время более миллиона). Этот численный рост был возможен лишь в условиях сохранения и жизнеспособности хозяйства аборигенов и решительного преобладания положительного при их контактах с русскими переселенцами над отрицательным.

Еще более очевидными будут прогрессивные последствия присоединения сибирских земель к России, если рассматривать значение этого события в масштабе всей страны, неотъемлемой частью которой быстро становилась Сибирь.

И здесь, разумеется, не все обстояло просто. Грандиозное расширение границ Российского государства еще более уменьшило плотность населения в стране, и до XVII в. небольшую, а известно, что редконаселенные территории обычно развиваются медленнее густозаселенных. Быстрое увеличение размеров страны дало новые возможности развитию «вширь» господствовавшим феодальным отношениям, задержав тем самым утверждение в России более прогрессивного способа производства. Освоение огромного массива новых земель потребовало дополнительных расходов на военные, административные и иные непроизводительные нужды. Наконец, и такое, всем нам, к сожалению, хорошо известное явление, как слишком «легкое», точнее, недопустимо легкомысленное отношение к природным богатствам края, уходит корнями в XVII в., в те времена, когда земли, лесов, рыбы, зверя и «иных угод» в Сибири было так много, что, казалось, будет хватать всегда и на всех…

Однако, если рассматривать в совокупности все последствия продвижения России в сибирские просторы, то мы должны будем

выдвинуть на первый план факторы иного рода: те, что имели для судеб нашей страны глубоко прогрессивное значение. Так, в ходе происшедших в конце XVI–XVII в. событий определилась основная территория Российского государства, укрепилось его международное положение, вырос авторитет, усилилось влияние на политическую жизнь не только в Европе, но и в Азии. За Россией были закреплены богатейшие земли, которые дали колоссальный приток средств в коренные области страны, позволив лучше оснастить, а затем и перестроить ее армию, укрепить оборону. Русское купечество получило большие возможности для расширения торговли. Произошло общее увеличение продуктивности сельского хозяйства. Укрепление торговых связей в целом по стране способствовало углублению общественного разделения труда, давало дополнительный толчок для роста товарного производства и складывания всероссийского рынка, который, в свою очередь, втягивался в рынок мировой. Россия стала обладательницей несметных и в будущем крайне важных для нее природных богатств.

В основе всего этого лежал будничный, ничем, казалось бы, не приметный созидательный и ратный труд тысяч простых людей. Сибирь в этом смысле есть и памятник, и продукт народного творчества. Хотя в ее освоении имеют свои заслуги все слои русского общества, именно простой человек превращал ее богатства во всеобщее достояние и за невероятно короткий срок сумел заселить и преобразить дикий и пустынный край. Освоение Сибири может служить прекрасной иллюстрацией к марксистскому положению о решающей роли народных масс в истории.

Этот великий и многотрудный подвиг русского народа давно привлекает к себе внимание художников, писателей и ученых. Еще в начале нашего столетия известный историк М. К. Любавский заметил, что «ни один сюжет в истории русской колонизации не возбуждает в такой степени научного интереса, как занятие и заселение русским народом Сибири».

И. А. Гончаров посвятил современной ему Сибири волнующие строки: «И когда совсем готовый, населенный и просвещенный край, некогда темный, неизвестный, предстанет перед изумленным человечеством, требуя себе имени и прав, пусть тогда допрашивается история о тех, кто воздвиг это здание, и также не допытается, как не допыталась, кто поставил пирамиды в пустыне… А создать Сибирь не так легко, как создать что-нибудь под благословенным небом…»

Действительно, создать русскую Сибирь было очень и очень нелегко, но и во времена Гончарова, и позднее эта истина стала

очевидной далеко не для всех. И сейчас еще многие не осознают, скольких трудов и жертв стоило нашему народу превращение Сибири в органическую часть Российского государства, и, можеть быть, поэтому мало ценят это приобретение, хотя редко кто теперь не знает пророческих слов великого русского ученого и патриота М. В. Ломоносова, о том, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном».

Простой, будничный труд преображал Сибирь в XVII в., и он же является основой освоения Сибири в наши дни. Быть достойными предшественников, сберечь землю, стоившую нашему народу громадных трудов и лишений, приумножить своим трудом наследие и славу первопроходцев — задача, которую ставит перед нами История.